

«...мы Россию всю, и промышленную, и земледельческую, сделаем электрической».

В. И. Ленин

БЫЛО И СТАЛО!

В этом номере рассказывается об энергетике страны, созданной по великому плану Ленина.

Фото А. БОЧИНИНА и А. ШАЙХЕТА

ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Интервью «Огонька»

П. С. НЕПОРОЖНИЙ,
доктор технических наук, министр энергетики и электрификации СССР

Вопрос. Почти полвека назад VIII съезд Советов принял план ГОЭЛРО, который В. И. Ленин назвал второй программой партии. Как она осуществляется?

Ответ. Как известно, ленинский план электрификации России был первым в мире научным планом построения социализма. Ленин неоднократно подчеркивал, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие». Но что такое крупная промышленность, соответствующая уровню новейшей техники? Это и «...есть электрификация всей страны», уточнял Ленин.

Каждый прожитый Советским государством год, даже каждый прожитый нами день подтверждает правильность гениального ленинского прогноза. Кстати, наш «энергетический» день примерно равен целому дореволюционному году: электроэнергии в СССР вырабатывается в сутки столько, сколько производилось Россией за целый год. Именно благодаря тому, что вся наша экономика, народное хозяйство покоятся на прочном фундаменте крупной энергетики и широкой электрификации, Советский Союз смог стать одной из самых могучих индустриальных держав мира. Развитие энергетики обеспечивало рост и создание других отраслей промышленности, и в первую очередь металлургии, машиностроения, химии, топливной промышленности, алюминиевой, производства цветных металлов, синтетических веществ. Автоматизация и комплексная механизация технологических процессов, современные средства связи, радиоэлектронная техника, проложившая дорогу вычислительным машинам, даже величайшее открытие века — использование энергии атома — невозможны были бы без энергетики. Советские искусственные спутники и межпланетные станции, вращающиеся вокруг

Окончание смотри на стр. 6.

Основан
1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 51 (2216)

20 ДЕКАБРЯ 1969

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского союза

15 декабря 1969 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1970 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1970 год».

В прениях по этим вопросам выступили тт. В. В. Щербицкий — Председатель Совета Министров Украинской ССР, В. Ф. Промыслов — председатель исполкома Моссовета, Д. А. Кунаев — первый секретарь ЦК Компартии Казахстана, И. П. Казанец — министр черной металлургии СССР, В. С. Толстиков — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Г. А. Алиев — первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, И. И. Киселев — директор Горьковского автомобильного завода, В. Д. Шашин — министр нефтедобывающей промышленности СССР.

Пленум заслушал сообщение Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И. «О практической деятельности Политбюро ЦК КПСС в области внешней и внутренней политики».

Пленум ЦК КПСС принял по всем обсужденным вопросам соответствующие постановления.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

О ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА СССР НА 1970 ГОД

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС, принятое 15 декабря 1969 года

Одобрить в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета СССР на 1970 год.

СООБЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС тов. БРЕЖНЕВА Л. И. «О ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ»

Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС, принятое 15 декабря 1969 года

Заслушав сообщение Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Брежнева Л. И. «О практической деятельности Политбюро ЦК КПСС в области внешней и внутренней политики», Пленум ЦК КПСС постановляет:

Одобрить деятельность Политбюро ЦК КПСС.

В Центральной ревизионной комиссии КПСС

15 декабря состоялось заседание Центральной ревизионной комиссии КПСС.

На заседании было заслушано сообщение председателя комиссии Г. Ф. Сизова о деятельности Центральной ревизионной комиссии КПСС в 1969 году. За этот период комиссия совместно с Управлением делами ЦК КПСС рассмотрела проект партийного бюджета на 1969 год, финансовые отчеты об исполнении партийного бюджета за 1968 год и первое полугодие 1969 года.

В своей практической деятельности за отчетный период Центральная ревизионная комиссия КПСС, подчеркнул тов. Сизов, основное внимание уделяла вопросам исполнения партийного бюджета, контроля за прохождением и рассмотрением писем и жалоб трудящихся в отделах ЦК КПСС и его центральных учреждениях. Комиссия не выпускала из поля зрения и работу ревизионных комиссий местных партийных организаций, направляла свои усилия на дальнейшее совершенствование их деятельности. Работники комиссии выезжали для ознакомления с практикой работы ревизионных комиссий в Кемеровскую, Псковскую, Курганскую, Карельскую, Грузинскую и Таджикскую партийные организации.

Центральная ревизионная комиссия КПСС ознакомилась с актами ревизии за 1968 год и первое полугодие 1969 года, поступившими от ревизионных комиссий республиканских, краевых и областных партийных организаций.

По приглашению Центральной ревизионной комиссии КПСС в нашу страну для обмена опытом работы приезжали делегации Центральной контрольно-ревизионной комиссии Коммунистической партии Чехословакии и Центральной ревизионной комиссии Социалистической единой партии Германии.

На заседании был рассмотрен и утвержден план работы Центральной ревизионной комиссии КПСС на первую половину 1970 года.

Состоялись выборы заместителя председателя Центральной ревизионной комиссии КПСС. Заместителем председателя комиссии единогласно избран член Центральной ревизионной комиссии КПСС, главный редактор газеты «Советская Россия» В. П. Московский.

Москва. Кремль. Седьмая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва. С докладом «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1970 год» выступает заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.

Фото А. Гостева.

СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

16 декабря в Большом Кремлевском дворце начала работу седьмая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва.

Состоялись раздельные заседания палат. Была утверждена повестка дня сессии:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1970 год.
2. О Государственном бюджете СССР на 1970 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1968 год.
3. О проекте Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении.
4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

В тот же день состоялось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Тепло встретили депутаты и гости появление в президиуме товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. А. Кунаева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

По предложению председательствовавшего на заседании Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР И. В. Спиридонова собравшиеся почтили вставанием память бывшего Председателя Президиума Верховного Совета СССР, члена Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова.

ДРУЖБЕ СССР И ОАР КРЕПНУТЬ

ВЕРНЫ НАРОДУ И ПАРТИИ

10—11 декабря в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, состоялся объединенный пленум правлений творческих союзов страны — писателей, художников, кинематографистов, композиторов — с участием представителей театральных обществ, союзов архитекторов и журналистов.

На пленуме присутствовали секретари ЦК компартий союзных республик, ряда крайкомов и обкомов, Московского и Ленинградского горкомов партии, руководители центральных идеологических учреждений и ведомств, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, редакторы центральных газет и журналов, министры культуры республик, председатели республиканских Комитетов по кинематографии, радиовещанию и телевидению.

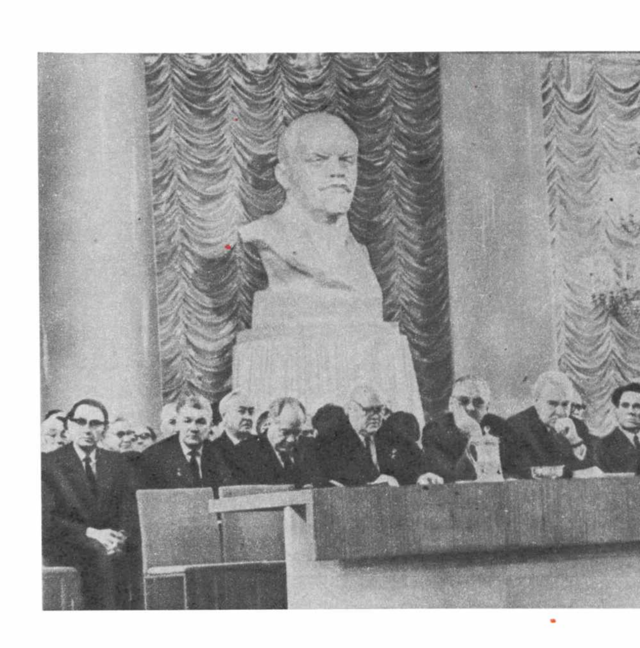
В работе пленума приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заведующие отделами ЦК КПСС В. И. Степаков, В. Ф. Шауро, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев, министр культуры СССР Е. А. Фурцева.

На повестке дня объединенного пленума вопрос: «О воплощении ленинских принципов партийности и народности в советской литературе и искусстве».

Были заслушаны доклады: секретаря Союза писателей СССР Г. М. Маркова, первого секретаря правления Союза кинематографистов СССР Л. А. Кулиджанова, первого секретаря правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренникова, секретаря правления Союза художников СССР Н. А. Пономарева.

С речью на пленуме выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев.

С УЧЕТОМ ТРЕБОВАНИЙ ВРЕМЕНИ

Дмитрий ЛОЗИНОВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства в Советском Союзе с дружественным официальным визитом находилась партийно-правительственная делегация Объединенной Арабской Республики во главе с личным представителем Президента ОАР и членом Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза Анваром Садатом. В состав делегации входили министр иностранных дел Махмуд Риад и военный министр Мухаммед Фавзи.

Состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного с партийно-правительственной делегацией Объединенной Арабской Республики.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке полного взаимопонимания и дружбы, были рассмотрены вопросы отношений между СССР и ОАР и современного международного положения, представляющие взаимный интерес. Особое внимание было уделено положению на Ближнем Востоке в связи с продолжающейся империалистической агрессией Израиля против ОАР и других арабских стран.

С обеих сторон выражено удовлетворение состоянием дружественных отношений между Советским Союзом и Объединенной Арабской Республикой, подтверждена готовность и дальше развивать дружбу и тесное сотрудничество между двумя странами во всех областях.

На завтраке, данном правительством Союза ССР в Кремле в честь партийно-правительственной делегации ОАР, А. Н. Косыгин в своей речи подчеркнул, что визит партийно-правительственной делегации ОАР в Москву является важным событием в развитии отношений между обеими странами, новым проявлением крепнущего взаимного доверия и сотрудничества в борьбе против империализма, за право народов на самостоятельное, независимое развитие, за социально-экономический прогресс и международную безопасность.

В ответной речи Анвар Садат выразил благодарность советскому народу за искреннюю помощь, которую получает ОАР, чтобы противостоять израильской империалистической агрессии.

На снимке: переговоры в Кремле.

Фото А. Устинова.

С речью выступает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев.

Фото М. Скурихиной.

То, что здание штаб-квартиры ООН, расположенное на берегу Ист-Ривер в Нью-Йорке, получило черты, характерные для архитектуры этого колоссального города, можно считать явлением естественным. В стеклянном небоскребе отражаются не только окружающие его далекие и близкие американские собратья; он сам как бы вобрал их черты, вливаясь в неповторимый городской пейзаж Нью-Йорка, но сохраняя при этом и свою самобытность. Однако то ли это внешнее сходство здания ООН с другими американскими небоскребами, то ли его местонахождение породили некогда кое у кого иллюзии, что ООН является во всем — в большом и малом — учреждением, где должен быть американский настрой. И хотя эти иллюзии, как уже неоднократно доказано опытом деятельности Организации Объединенных Наций, при соприкосновении с жизнью улетучиваются, некоторым от них, видимо, не так-то легко отказаться.

Это можно было наблюдать и 16 сентября 1969 года в здании на Ист-Ривер перед открытием XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. До начала заседания в зале стоит приглушенный шум. Члены делегаций рассаживаются на места, обмениваются приветствиями, обсуждают новости, знакомятся с документами. Обычная рабочая обстановка, через несколько минут будет торжественно объявлено о начале XXIV сессии Генеральной Ассамблеи. Только там, где находятся места представителей США, невиданную активность развили фотокорреспонденты и телеоператоры, сосчитать которых весьма трудно.

Чем вызвана эта активность, становится ясно чуть попозже: все объективы направлены на одетую в яркий красный костюм члена американской делегации г-жу Ширли Блейк, которую такое внимание корреспондентов нисколько не смущает. Она привыкла к этому, ибо она известная в прошлом киноактриса Ширли Темпл.

Когда почти все делегации заняли свои места, в зал вошли представители Свазиленда, и центр внимания зала переместился. Они были одеты так, как одеваются у себя на родине: босые ноги, мускулистые темные фигуры задрапированы кусками красной ткани, короткие вьющиеся волосы украшены перьями. Свазилендцы с достоинством прошли на места, отведенные их делегации, и весь зал наблюдал за ними, ибо их появление вызвало интерес не как какой-то экзотический случай. Оно пробуждало много мыслей, наглядно демонстрировало перемены, происшедшие в ООН за годы ее существования, еще раз показывало, что время обманчивых иллюзий окончательно ушло в прошлое.

Пожалуй, то, что произошло в день открытия XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в зале заседаний, можно рассматривать как своего рода символ, над которым, как мне кажется, неплохо было бы подумать тем, кто слишком привык всегда видеть себя в центре событий и внимания.

...На днях XXIV сессия Генеральной Ассамблеи ООН, в повестке дня которой значилось более ста вопросов, закончит свою работу. Среди них особое место, несомненно, заняло внесенное министром иностранных дел СССР А. А. Громыко от имени Советского правительства предложение «Об укреплении международной безопасности».

Инициатива Советского правительства получила широкую поддержку и одобрение; как известно, 12 декабря Генеральная Ассамблея ООН единогласно одобрила резолюцию об укреплении международной безопасности, внесенную делегациями Финляндии и ряда латиноамериканских стран. Этот важный вопрос, однако, не снят с повестки дня принятием резолюции: вокруг него еще предстоит длительная борьба.

Видное место в работе XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН заняли вопросы, связанные с проблемой разоружения. Как известно, предложение Советского Союза и ряда социалистических стран относительно заключения Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления химического и бактериологического (биологического) оружия и его уничтожении было положительно встречено международной общественностью, заинтересованной в полном запрете этого вида оружия. Огромное значение для будущего человечества имеет выработка «Проекта договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения». Поэтому нельзя не приветствовать единодушное принятие Первым комитетом Генеральной Ассамблеи соответствующей резолюции по этому вопросу.

Генеральная Ассамблея ООН приняла решения по целому ряду вопросов, связанных со справедливой антиколониальной борьбой народов; осуждение колониализма и расизма свидетельствует о положительной роли, которую ООН может играть в ликвидации остатков колониализма, в оказании помощи народам, борющимся за свою независимость.

Конечно, на прошедшей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как и раньше, были попытки увести международную организацию от главной задачи — борьбы за мир и безопасность народов, но, к счастью, не они определяли направление работы сессии.

Советский Союз, миролюбивая внешняя политика которого постоянно руководствуется ленинскими идеями мира и дружбы между народами, исходит из того, что Организация Объединенных Наций может и должна играть положительную роль в укреплении всеобщего мира и безопасности. Деятельность советской делегации на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН — убедительное свидетельство того, что наши усилия и усилия других миролюбивых стран в этом направлении не прекращаются, становятся все более активными.

ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

Начало смотри на стр. 1.

Солнца, сообщают о себе тоже благодаря электрической энергии сложнейших и точнейших электроприборов. И сами эти приборы, равно как и спутники и космические корабли, как все те разнообразные машины, которые двигаются и работают на советской земле, родились при помощи электрической энергии.

Сегодня производство ее в год определяется в нашей стране 690 миллиардами киловатт-часов, а мощность советских электростанций уже превысила 150 миллионов киловатт. Но, приводя эти цифры, мы, энергетики, всегда помним, с чего начиналось — с того самого миллиона 750 тысяч киловатт, которые были предусмотрены планом ГОЭЛРО. «Шатурка», как любовно называл Владимир Ильич Шатурскую ГРЭС, Каширская, Челябинская и Штеровская ГРЭС, построенные по этому плану, были первыми ступенями в развитии нашей тепловой энергетики, располагающей ныне электростанциями мощностью по 2,4 миллиона киловатт. Когда мы называем современные гиганты энергетики на Волге, Ангаре, Енисее, мы имеем в виду и ленинские ГЭС — Волховскую и Днепровскую, без которых невозможно было бы десятилетия спустя обуздать исполинскую силу величайших рек нашей страны.

Мы строим сейчас для гидростанций серийные пятисоттысячные гидроагрегаты, которые уже работают в Дивногорске, на Красноярской ГЭС. Конструкторы и инженеры энергетического машиностроения дали для тепловых электростанций энергоблоки мощностью по 500 и 800 тысяч киловатт. Они уже действуют и как головные агрегаты проходят испытания. На очереди машина мощностью в один миллион двести тысяч киловатт — мощность всех электростанций дореволюционной России 1913 года в одном агрегате! Тут не гигантомания,— масштабы разумно целесообразны и оправданы потребностями роста народного хозяйства. Чем мощнее машины и электростанции, тем они экономичнее, тем выше их коэффициент полезного действия.

Переход на крупные агрегаты и большие мощности электростанций составляет одну из особенностей нынешнего периода развития электрификации. Но мы никогда не забудем, с каким трудом и вместе с тем с каким энтузиазмом создавались первые советские тепловые и гидравлические машины, мощностью всего в несколько тысяч киловатт. Для того времени, когда Россия, по образному выражению известного романиста, «лежала во мгле», весь план ГОЭЛРО был дерзким, смелым замыслом. Тогда даже он, этот писатель-фантаст, не смог подняться до понимания реальности плана, начертанного не воображением, а конкретными расчетами. План этот через пятнадцать лет был, как известно, трижды перевыполнен. Сейчас советская энергетика только в год наращивает мощности, соответствующие семи планам ГОЭЛРО.

Вопрос. Каковы энергетические ресурсы СССР и как они используются? Расскажите об изменении энергетического баланса страны.

Ответ. Коллектив, разработавший план ГОЭЛРО, при его составлении исходил из трех главных принципов, выдвинутых Лениным: строительство крупных районных электростанций в центре России, на ее северо-западе, в Донбассе и на Урале; создание линий электропередач, объединяющих эти электростанции в энергетические системы; всестороннее использование различных видов местного топлива: торфа, сланца, угля, нефти,—а также силы падающей воды. Минувшие полвека мы шли по этому пути. Развитие энергетики покоилось в основном на электростанциях, использующих уголь. В то же время были построены каскады гидростанций на Свири, Волге, Днепре и других реках. Широко стал применяться разведанный после войны природный газ. Возникли десятки энергосистем. На их базе бурно выросли могучая индустрия, густонаселенные города и села, электрифицированные железные дороги.

Исторически сложилось так, что европейская часть страны потребляет восемьдесят процентов всей электроэнергии, вырабатываемой в СССР. В то же время здесь сконцентрировано всего лишь двадцать процентов наших энергетических ресурсов. Восемьдесят процентов энергоресурсов находятся на востоке: Сибирь, Казахстан, среднеазиатские республики, Приморье. Нужно заставить их работать и поставить эти резервы на службу народному хозяйству Европейской части Союза. Это будет новый этап развития энергетики и электрификации страны, который начал уже осуществляться.

Вопрос. Можно ли считать, что самая дешевая энергия — энергия рек — использована в европейской части страны полностью?

Ответ. Нет. За годы Советской власти почти полностью освоены гидроэнергетические ресурсы таких рек, как Волга, Кама, Днепр, Свирь, Храми, Раздан. Однако еще имеются десятки крупных и средних рек, на которых можно и экономически целесообразно развивать дальше начавшееся строительство каскадов ГЭС либо строить отдельные гидростанции. Все это имеет под собою две важные основы: первая — обеспечение потребностей в электроэнергии в часы максимальных нагрузок энергосистем, это касается всех ГЭС Европейской части СССР; и вторая — дать не только электроэнергию, но и воду для орошения сельскохозяйственных земель, это относится к гидростанциям юга, к гидростанциям на Днестре, Сулаке, Куре и других реках Северного Кавказа и Закавказья. Действующие южные гидроузлы на Волге и Днепре предусматривают возможность использования воды этих рек для ирригации.

Вопрос. Представляют ли интерес для энергетики реки Европейского севера?

Ответ. Безусловно. Например, в Кольской энергосистеме около 60 процентов мощностей на электростанциях — гидравлические. Здесь действуют каскады ГЭС на Ниве, Куме-Иове, Туломе, Пазе. Строится каскад Серебрянских ГЭС.

Разрабатываются проекты переброски части стока некоторых северных рек европейской части страны в Волгу и Днепр. Это вызывается тем, что безвозвратный отбор воды из них на орошение и промышленные нужды потребует в ближайшем будущем увеличения их естественного стока. Наиболее подробно проектные разработки коснулись переброски части стока реки Печоры в Волгу.

Вопрос. На XIX Пагоушской конференции, состоявшейся в Сочи, речь шла об энергетике 2000 года. Ученые предсказывают, что мощность всех электростанций земного шара достигнет астрономической цифры — двадцати тысяч миллиардов киловатт. Причем подавляющее большинство энергии будет вырабатываться на атомных станциях. Что делается в этом направлении в нашей стране?

Ответ. Неравномерность распределения естественных энергетических ресурсов, отдаленность потребителя от мест добычи топлива и трудность его доставки, вопросы экономики, надежности и безопасности предопределили бурное и широкое развитие атомной энергетики.

Когда в конце июня 1954 года в Мосэнерго подала ток первая в мире атомная электростанция в Обнинске, это означало коренной переворот в энергетике, наступление новой эры в истории человечества — эры атомной энергетики. Прошло всего полтора десятилетия, и в разных странах мира — в США, Великобритании, Франции, Италии, ФРГ, Японии, ГДР — начали действовать десятки АЭС. Общая мощность их — около пятнадцати миллионов киловатт. Чем же объясняется столь стремительный взлет атомной энергетики? Прежде всего свойствами самого «горючего».

Первое время считалось, что атомные электростанции менее экономичны, чем тепловые, ибо слишком дорого обходятся реакторы, биологическая защита и само «горючее». Но вот на Урале, а потом на Дону построили Белоярскую и Нововоронежскую АЭС. Они показали высокую надежность эксплуатации, и разговоры об их рентабельности прекратились. Пришли к выводу, что если мощность атомной электростанции выше пятисот тысяч киловатт, то она полностью конкурентоспособна тепловой электростанции. В Советском Союзе уже намечено сооружение атомной электростанции мощностью в два миллиона киловатт, с единичной мощностью каждого реактора в один миллион. Это значит, что по мощности агрегатов и электростанций в целом атомная энергетика вплотную подошла к тепловой.

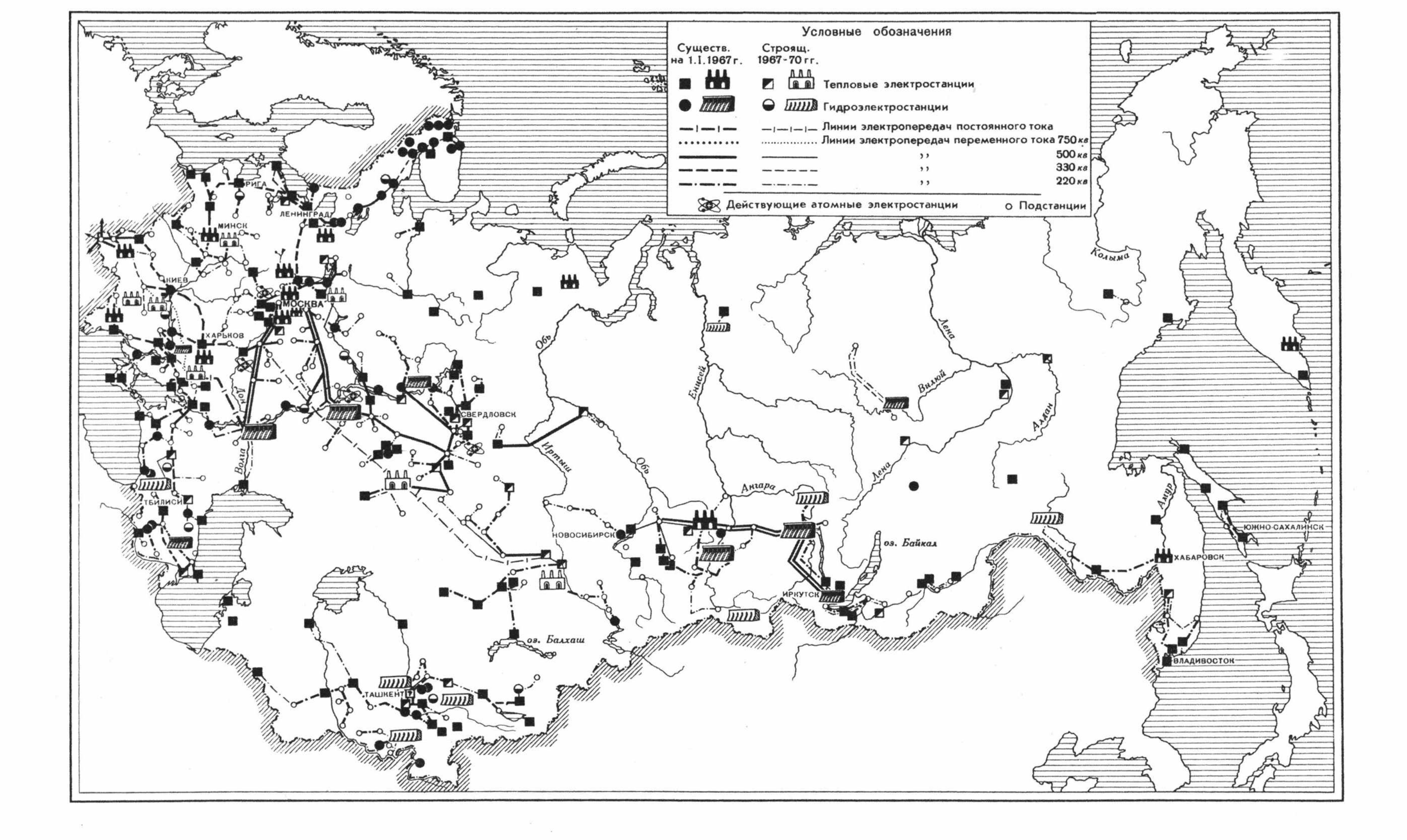
И, наконец, очень важное преимущество атомной энергетики перед тепловой: она исключает засорение воздуха угольной пылью и сернистым газом. Хочется сказать об этом подробнее. После атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки возник психологический барьер, отпугивающий людей от всего того, что связано даже с мирным применением продуктов расщепления атомного ядра. Что же показал опыт эксплуатации Обнинской, Нововоронежской, Белоярской и Мелекесской АЭС? О чем говорят скрупулезные обследования воздуха, воды, почвы, растений в окружающей их местности? Работа ядерных реакторов при соблюдении установленных режимов и необходимых правил безопасности, даже если они расположены на больших водных магистралях, безопасна для человека. Статистика показывает, что число случаев профессионального травматизма и профзаболеваний в атомной промышленности меньше, чем в горнорудной, металлургической, химической, текстильной и пищевой. Но вернемся к тепловым электростанциям. Почернели покрытые бурой угольной пылью дома Нью-Йорка, Лондона, Манчестера. Особо тяжело их жителям в осенне-зимние дни, когда туман пропитывается частичками золы и серы. Вот и приходится задумываться, где же кроется большая опасность для человека — в преувеличенной разговорами радиации или в засоренности воздуха золой и серой.

Итак, атомные электростанции имеют неоспоримые выгоды перед тепловыми. Вот почему в Советском Союзе предусматривается широкое использование атомной энергии. Мы намечаем осуществить строительство ряда мощных АЭС в европейской части страны, где не хватает других видов топлива. Будут применены различные типы реакторов, в том числе и реактор на быстрых нейтронах, в создании которого советским исследователям принадлежит приоритет. Крупнейшая в мире АЭС на быстрых нейтронах — г. Шевченко в Казахстане — заканчивается строительством. А на Урале начато сооружение еще более мощного реактора этого типа — на 600 тысяч киловатт. Эти реакторы особенно ценны тем, что способны воспроизводить ядерное горючее. Таким образом, атом выровняет наш энергетический баланс.

Вопрос. Как изменится энергетическое «лицо» Советского Союза?

Ответ. В настоящее время проектными институтами министерства закончена разработка перспективного плана развития электрификации страны; он рассмотрен государственной комиссией. Этот план предусматривает большой качественный скачок вперед. Предстоит ввести около 200 миллионов киловатт новых мощностей, то есть в два с половиной раза увеличить энергетическую базу страны. Предусматривается развитие строительства атомных электростанций; большое внимание уделено созданию гидроаккумулирующих и газотурбинных электростанций, которые предназначены срезать пиковые взлеты суточного графика потребления электроэнергии, к чему мало приспособлены тепловые электростанции и совсем не приспособлены атомные.

Значительный рывок будет осуществлен в освоении гидроресурсов — как известно, Советский Союз по их запасам занимает второе место в мире. А мы в Средней Азии и особенно в Восточной Сибири еще мало прикасались к этим ресурсам. Тут предстоят работы грандиозных масштабов. Посмотрите на географическую карту Сибири. На Ангаре зажглись пока две звезды — Иркутская и Братская ГЭС. На Енисее — всего лишь одна, но разгорается она с каждым днем все ярче: Красноярская ГЭС. Засверкают же здесь драгоценным ожерельем от Саян и Байкала до Карского моря еще семь — девять звезд первой величины. Общая мощность их достигнет 50 миллионов киловатт — почти третью часть того, что составляет энергетику СССР сегодня, а выработка ими электроэнергии составит 250 миллиардов киловатт-часов. Осиновская и Нижнетунгусская гидростанции смогут развить мощность до 7 миллионов киловатт. Таких гигантов энергетики мир еще не имеет. Это будут совершеннейшие в инженерно-техническом отношении сооружения. Гидростанции Ангаро-Енисейского каскада требуют удельных капиталовложений не больше, чем тепловые электростанции. В то

же время энергия их — энергия падающей воды — неиссякаема и практически вечна.

Электроэнергия, которую даст этот каскад, будет самой дешевой в стране. Она вызовет к жизни новую промышленность, новые города и поселки. Так было с Братской ГЭС. Сначала электростанция, потом алюминиевые заводы и лесохимический комплекс. Так будет с Шушенской, Енисейской, Богучанской и всеми остальными ГЭС. Задача плановых органов — правильно разместить энергоемкие производства.

Сибирь богата не только гидроэнергоресурсами, но и месторождениями углей. Одно из них — Итатское — расположено недалеко от Красноярска. Второе — Экибастузское — в Казахстане. И то и другое позволяют разместить на их базе несколько тепловых электростанций очень большой мощности. Отсюда топливо никуда возить не придется. С экскаваторов уголь поступит прямо на транспортеры и далее — в бункера ГРЭС. Энергия здесь тоже будет дешевой, ее имеет смысл передавать на расстояния в тысячи километров и тем самым оказать помощь в электроснабжении центра страны. Все дело в том, каким образом эффективнее транспортировать могучий поток энергии — постоянным или переменным током? Какого напряжения — в полтора или два миллиона вольт? Эта проблема очень важна, и вокруг нее идут споры специалистов. В институтах разрабатывается соответствующее оборудование и аппаратура для уникальных линий электропередачи.

Вопрос. В. И. Ленин придавал особое значение «...электрификации всей страны — и ряда соседних стран — по одному плану». Какова структура Единой энергосистемы страны сегодня? Как осуществляется экспорт электроэнергии за рубеж?

Ответ. Когда-то Ленин и Кржижановский мечтали об электропередачах на четыреста или, «если не осилим больше», на двести верст. Сейчас протяженность линий электропередачи только высокого напряжения — от 35 до 800 киловольт — более 400 тысяч километров. Через десятилетие протяженность их по меньшей мере удвоится. Эти линии связали друг с другом электростанции, энергосистемы и потребителей. Всего у нас около ста районных энергосистем. Они входят в состав тринадцати объединенных энергетических систем. Семь из них — в Европейской части СССР. Пять из семи, в свою очередь, объединены высоковольтными линиями электропередачи в Единую энергосистему Европейской части СССР. Границы ее: от Бреста и Риги до Зауралья и от Кавказа до Севера. Она регулирует работу электростанций общей мощностью свыше 90 миллионов киловатт. Недавно к ней подключен Северный Кавказ, а в ближайшие годы присоединятся энергосистемы Закавказья, Кольского полуострова, Карелии и Западной Украины.

В азиатской части страны три крупных объединенных энергосистемы — Среднеазиатская, Северо-Казахстанская и Центральной Сибири. Создание здесь мощных гидравлических и тепловых электростанций, о которых я уже говорил, обеспечит соединение Казахстана с Сибирью, Средней Азией и Уралом. Через Урал энергия сибирских рек и новых тепловых электростанций Экибастуза и Итата по линиям постоянного тока будет направлена в центры страны. Пройдет еще несколько лет, и создание Единой энергосистемы Советского Союза будет завершено. Это имеет не только практическое, но и большое политическое значение. От Дальнего Востока до западных границ и дальше, пересекая эти границы, протянется мощный энергетический мост, на который могут спокойно опираться промышленность и быт нашей страны и стран социалистического содружества. Уже сейчас советские западные энергосистемы соединены с энергосистемами стран СЭВ. Это позволяет за счет параллельной работы объединенных энергосистем обеспечить максимум нагрузки мощностью значительно меньшей, чем это было бы при раздельной работе энергосистем стран СЭВ и наших. Здесь, несомненно, сказался поясной коэффициент, когда разность во времени обусловливает и различное по времени нарастание максимума нагрузок. Экспортируем мы электроэнергию и в капиталистические страны.

Создание Единой энергосистемы страны позволяет использовать поясную разницу во времени, что в ближайшей перспективе сэкономит примерно 15 миллионов киловатт установленной мощности на электростанциях и увеличит устойчивость электроснабжения. Управление Единой энергосистемой страны, колоссальными потоками энергии и всем гигантским энергетическим хозяйством, которое войдет в Единую энергосистему СССР, немыслимо без автоматизации. В министерстве создается служба государственного диспетчерского центрального управления — ЦДУ ЕЭС СССР. Она получит в свое распоряжение комплекс самых современных быстродействующих счетно-вычислительных машин, которые создаются специально для этой цели.

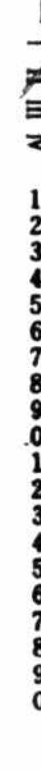
Вопрос. За прошедшие полвека в нашей стране выросла армия энергетиков и строителей электростанций. Судьба многих из них тесно связана с историей электрификации СССР. Не могли бы вы назвать наиболее выдающихся из них?

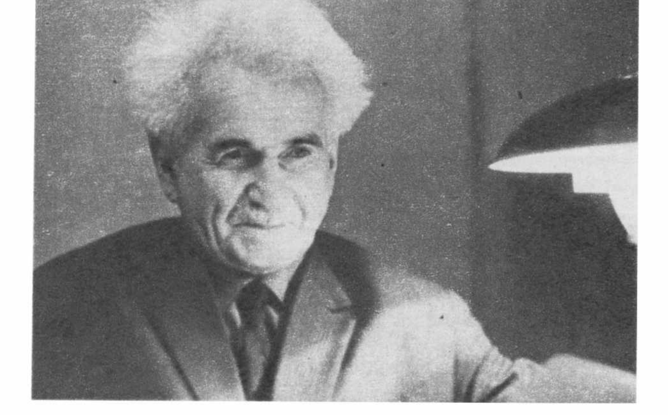
Ответ. Достаточно посмотреть на список руководящих работников министерства, чтобы ответить на ваш вопрос. Вы не думайте, что это прирожденные министерские работники. Все начинали с низов. Вот заместитель министра Ф. В. Сапожников. Работал прорабом, мастером участка на стройке, потом главным инженером, главным инженером главка, теперь — заместитель министра. Путь, типичный для многих руководящих работников советской энергетики. А вот наши строители: начальники главков по сооружению гидростанций — Н. А. Лопатин и Г. Ф. Масловский. Первый — со строительства Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, второй — со строительства Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. Н. Я. Тарасов и Е. В. Захарчук — опытнейшие строители крупных тепловых электростанций. На руководящую работу выдвинуто много способной молодежи из рядовых инженеров. Например, Г. М. Аксенов руководит строительством опытно-показательной Ладыжинской ГРЭС. Крупнейшую Углегорскую ГРЭС строит Д. И. Кондратьев, а Костромскую ГРЭС — В. И. Амелин. Мы верим, что они отлично справятся с порученным важным делом.

Назову и наших ветеранов. Например, Александра Алексеевича Белякова — это один из наших выдающихся гидростроителей. Он создал целую школу своих последователей. Его жизнь неразрывно связана с историей советского гидроэнергетического строительства.

Если говорить о производственниках старшего поколения, то это И. И. Наймушин и А. Е. Бочкин — наши именитые начальники крупнейших гидроэнергетических строек, пользующиеся исключительным уважением всех гидроэнергостроителей. Один из них в настоящее время в Усть-Илиме, а другой — в Дивногорске.

И на строительстве и на уже действующих электростанциях и электросетях работают тысячи передовых людей — и руководителей и исполнителей,— которые своим вдохновенным трудом претворяют в жизнь заветы В. И. Ленина о сплошной электрификации нашей страны.

А. А. Беляков.

ОДНОЛЮБ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»

В Москве я спрашивала: «Что же сейчас представляет собой Старый Скит?» Александр Алексеевич Беляков мне отвечал: «Вот поедешь в Дивногорск — увидишь».

Зимой на участке от ГЭС до Красноярска Енисей не замерзает. Стремительно несет он свои темно-сизые, без единой льдинки воды и дышит клубящимся паром на обступившие горы. Таким его, сказочно неожиданным и красивым, сделала плотина Красноярской ГЭС. Старый Скит я увидела сверху, с шоссе, крутыми виражами скользящего вдоль берега. Несколько деревянных строений — вот и все, что здесь есть. Колючий ветер наметает к бревенчатым стенам сугробы. Тем контрастнее выглядят в сравнении с ними нарядно-светлые современные здания, что ярусами встали на сопках друг над другом. Удивителен этот город с улицами-лестницами, террасами и площадками, обнесенными камнем. Электрический город Дивногорск. Электрический — потому что живут в нем энергетики, потому что возник он здесь ради ГЭС и благодаря ей. А Старый Скит как своеобразный музей истории при входе в город. Той драгоценной для нас, советских людей, истории, которая говорит и напоминает нам о Ленине. В скором времени сюда на вечную стоянку пришвартуется «Святой Николай», любовно восстановленный рабочими Красноярского судоремонтного завода.

Я пытаюсь представить себе тот далекий вечер 30 апреля 1897 года. О чем тогда, обрадованные встречей после долгой разлуки, говорили трое друзей — Владимир Ульянов, Глеб Кржижановский, Василий Старков? Не стоит гадать, но чуть позже, в Шушенском, двадцатисемилетний Владимир Ильич, может быть, под впечатлением увиденной могучей силы сибирских рек будет писать об электрической революции, о применении электричества в сельском хозяйстве, а позже — об использовании «водопадов, каналов и рек для получения электрической энергии»..

Пройдут десятилетия, и к академику Г. М. Кржижановскому, работавшему над ленинским планом ГОЭЛРО, обратятся инженеры с проектами покорения Енисея. И соратник Ленина горячо поддержит их.

Александру Алексеевичу Белякову не довелось встречаться с Глебом Максимилиановичем и сидеть с ним за одним столом при обсуждении проблем электрификации страны. Но, вероятно, не было у Кржижановского более ревностного единомышленника и последователя в вопросах развития гидроэнергетики, чем инженер Беляков. Он как художник-маринист, посвятивший себя морю. Как большой писатель, верный одной теме. Как человек-однолюб. К той станции, что воздвигнута сегодня в нескольких километрах от Старого Скита, на месте высокой скалы у деревни Шумихи, он тоже имеет прямое отношение. Если верить историографам, три особо поднадзорных пассажира, ненадолго сойдя здесь с парохода «Святой Николай», дерзко пели «Варшавянку»...

Слово Белякова оказалось решающим, когда шел многолетний спор о выборе створа плотины в этих местах. Одни стремились поставить ее поближе к Красноярску, где-то у Старого Скита. Другие подальше, у деревни Шумихи. Главный инженер Главгидроэнергостроя, коим был тогда Беляков, счел нужным поддержать шумихинцев, и расчет оказался правильным. Здесь лучшие геологические условия, и скалистые берега близко подходят друг к другу, образуют каньон. А через несколько лет, тщательно «обследовав пульс новорожденных близнецов» — двух первых агрегатов ГЭС,— Беляков, как председатель Государственной приемной комиссии, подписал акт о сдаче их в эксплуатацию. Произошло это в канун пятидесятилетия Великого Октября.

Какие это были бурные, сумасшедшие дни! По накалу их можно сравнить только, пожалуй, с днепростроевскими. Днепрострой... Первая в жизни Белякова стройка. Как она для него начиналась? Когда?

В тот ли пасмурный, зимний день, когда к Ивану Гавриловичу Александрову, автору проекта Днепрогэса, пришел озябший человек небольшого роста, в топорщащемся кожухе, снял ушанку, обнаружив черные, как смоль, густые космы и назвался Беляковым? Вид его настолько обеспокоил зама Александрова, что тот на всякий случай прошептал сотруднице: «Вы посмотрите за ним. Как бы арифмометр не утащил». Александрова, однако, не смутила внешность Белякова. Он был рад еще одному добровольцу.

Или встреча с Днепром состоялась еще несколькими годами раньше? И связана с молоденькой петроградской курсисткой, будущим врачом и будущей женой — Надеждой Петровной? Дело в том, что сама Надежда Петровна была из Екатеринослава. И едва молодые поженились, как поехали на Днепровские пороги и прошли пешком по берегам своенравной реки. Позже примерно в этих же самых местах красноармеец Беляков участвовал в разгроме банды Махно... Дальше совсем просто — тема диплома: «Электростанция на Днепре». И визит к И. Г. Александрову.

Ну, а на стройке Белякову невероятно повезло: попал он в руки к самому Веденееву, заместителю главного инженера, к виртуозу точнейшего инженерного расчета и глубоких теоретических выводов. Как это было важно в многочисленных столкновениях с американскими экспертами! Сколько раз мягко, корректно отстаивал Борис Евгеньевич свою точку зрения, и даже глава американской консультации полковник Хью Купер отступал перед неопровержимой логикой его аргументов. Нет, это было подлинным счастьем для начинающего инженера — работать с таким человеком! Беляков прошел у него отличную школу. И когда теперь Александр Алексеевич приезжает на стройки в качестве эксперта, консультанта или председателя комиссии, он так же нетороплив в своих решениях, как академик Веденеев, так же неопровержим в своих доказательствах, как он. Сегодня гидростроители узнают в ученике учителя: «Беляков — наш Веденеев».

Начались штурмовые дни и ночи в машинном зале Красноярской ГЭС, а люди спокойны. В случае чего — рядом Беляков. Он поможет, подскажет. Было трудно, чертовски трудно с первыми двумя энергоблоками! Дело в том, что первоначально предполагалось пустить к юбилею только один агрегат. Но тут строители и монтажники внесли свою поправку: «Не один, а два». Причем каких агрегата! Равных им, подобных им еще не знал мир. Ответственность огромная. По существу, эксперимент в промышленных масштабах. И вот, пожалуйста: не одна, а две машины. Ну, чем не днепростроевский встречный план?! Тогда рабочие сломали все инженерные графики и расчеты, американские и даже советские, отвергнутые Купером. Теперь люди снова пошли на штурм: время, вперед!

Лауреат Государственной премии Николай Васильевич Затовский, начальник Братского участка «Спецгидроэнергомонтажа», организации, созданной двадцать лет назад по инициативе и настоянию Белякова, поручил сборку и наладку бригадирам, испытанным на многих стройках. Первую машину собирала бригада Василия Яковлевича Сахатыря. За монтаж агрегатов Братской ГЭС он получил звание Героя Социалистического Труда. Все поначалу шло хорошо. Величайшая точность! Доли миллиметра! А размеры машины огромны,— диаметр статора с арену цирка. Вал с колесом турбины и ротором генератора и всем остальным, что на нем сидит, весит около полутора тысяч тонн — грузоподъемность половины железнодорожного состава. Однако если вал блока отклонится чуть больше, чем на две сотых миллиметра по метру высоты, то надо все начинать сначала.

Но не на валу Сахатыря подстерегла неприятность. Самое ответственное впереди — пуск. И тут подвел бригаду подпятник — огромный подшипник, на который опирается вал всего агрегата. Когда раскрутилось, наконец, приведенное в движение енисейской водой колесо турбины и все внимание собравшихся было приковано к генератору, к приборам щита, к стрелкам,— вдруг тревожный сигнал снизу, с первого подвального этажа. Затовский кинулся туда. Александр Алексеевич не пошел, знал, что разберутся и без него. Только вопросительно поднял широкие черные брови, когда Затовский вернулся.

— Поплавился,— лаконично доложил он.— Плохо подается смазка.

По всему было видно, что завязнет Сахатырь со своей бригадой с первым блоком надолго. А как же быть со вторым? Бригад-дублеров у Затовского под рукой нет. Люди участка работают сейчас не только в Красноярске, но и в Братске и в Вилюе. Как быть? К Затовскому подошел бригадир обмотчиков Михаил Жданович.

— Николай Васильевич, разрешите собрать вторую машину нам.

Затовский вынул носовой платок и стал задумчиво протирать стекла очков. Бригада у Ждановича хорошая, дружная, но справится ли? Раньше монтажом всего блока они не занимались.

— Делайте.

И пошло! Дух соревнования подстегивал то одну, то другую бригаду. Монтажники потеряли счет часам. Сутками не попадали домой. Попросили поставить возле пульта койки-шахтерки, тут и спали. В конце зала, где сейчас монтажная площадка, обосновались столовая и буфет, которые тоже работали круглосуточно.

Москва по нескольку раз на день вызывала стройку. Телефонистки разыскивали то Бочкина, то Белякова. И находили их... в кратере машины. Наконец все утряслось. 4 ноября оба агрегата, собранные бригадами Василия Сахатыря и Михаила Ждановича, набрали полные обороты, и Красноярская ГЭС дала в сеть ток.

Если, однако, спросить у Александра Алексеевича, какая же из всех станций ему дороже, он, не задумываясь, ответит: «Разумеется, Камская. И знаешь, почему? Была самой аховой». Ко всем почти своим собеседникам, даже малознакомым, он обращается на «ты». Но это звучит так естественно, что человек не чувствует никакой неловкости и воспринимает как знак особого расположения.

— Красноярская, что? Самая благополучная из всех ГЭС. Великолепная скала. Отлично уложенный бетон. Стройка при всей своей грандиозности шла удивительно планомерно. В Новосибирске и Братске опаздывали с перекрытием машинного зала, а тут монтажники впервые получили возможность собирать агрегаты не под временными деревянными шатрами, а под настоящей крышей в готовом теплом

В 36 километрах выше Красноярска Енисей перегородила плотина самой большой в мире гидроэлектростанции.

Здесь распределяется энергия, выработанная Красноярской ГЭС.

Лауреат Государственной премии начальник Братского участка «Спецгидроэнергомонтажа» Николай Васильевич Затовский.

Фото А. ГОСТЕВА.

зале. Стиль работы другой, культура высокая! В этом заслуга Бочкина и его инженеров. Словом, красноярцы — орлы! А сама станция уж очень проста. Вот Камская — сплошной инженерный риск.

На Каму Александра Алексеевича назначили в 1934 году, после Днепра. Дно Камы и ее берега — слоеный пирог. Вверху покоится полускальная порода, которая совсем не фильтрует. Под ними — известняки. Это еще куда ни шло. А вот под известняками огромная, в десятки метров, толща гипса. Гипс, как известно, любит воду, жадно поглощает ее и растворяется. Что будет с плотиной и зданием ГЭС, если построить их на такой водной подушке? Нигде, ни в одной стране мира не строилась станция в столь сложных геологических условиях.

Ленинградцы предложили создать барьер искусственной мерзлоты, заморозить гипсы. Беляков занялся исследованиями. Организовал для этого специальную группу. Пробурили кольцо скважин. Брали пробы пород. В скважины гнали замораживающий раствор, и потом снова бурили толщи и брали пробы...

В самый разгар этих исследований на стройке появился новый начальник — Котомин Алексей Антонович. За его плечами Дубровская ГРЭС, которой так интересовался Киров, теперь она малютка, а тогда была громадной. Уральская станция. Котомин — человек бешеной активности, редкой памяти и находчивости, крут и горяч.

— Что ты тут мне развел? — громыхал он на Белякова, объезжая строительную площадку.— Какие-то лаборатории, эксперименты... Строить надо!

Беляков понял: если эту котоминскую силищу не укротить, то она все здесь сокрушит, погибнут столь тщательно начатые им опыты. А без них строить нельзя. И Беляков придумал. Нет-нет да и заводил разговор про какие-то пещеры, про интуристов, которые туда валом валят. Словом, уговорил, завлек он Котомина в Кунгурскую пещеру, что под боком, рядом. Экспансивный Котомин увлекся.

— Я так и знал, что экзамен мне устроишь! — сказал он, когда они наконец выбрались из сталактитового лабиринта.— Вижу теперь, какие разрушения способна произвести вода.

Строилась ТЭЦ, поселок, на площадку поступали землеройные машины. Орджоникидзе прислал землесосы, которых в нашей стране тогда еще было очень мало. Серго пристально следил за стройкой, он прекрасно понимал, какое она имеет значение для Урала, для снабжения его растущей индустрии энергией, и торопил.

— Нет, не сорок первый год, а сороковой,— настаивал он на ускоренных сроках пуска.— Чтоб был сороковой!

Зимой 1937 года он вызвал Котомина и Белякова к себе. С волнением ехали они в Москву. Ждали трудного разговора с Орджоникидзе. По их расчетам выходило, что раньше весны сорок первого года станция дать ток никак не сможет.

Поезд прибыл в Москву утром 17 февраля. Вышли на привокзальную площадь и увидели приспущенные траурные флаги.

Умер Серго. Некому докладывать. Противники Камской ГЭС, которые все еще не верили в возможность сооружения станции в таких геологических условиях и вообще сомневались в ее целесообразности, сделали все, чтобы законсервировать стройку. Беляков не сдавался. Через несколько месяцев после закрытия стройки он пишет докладную записку наркому Д. Г. Жимерину, в которой настаивает на немедленном возобновлении работ. Жимерин старается поддержать его, но дело с места не двинулось. Дальнейшие события подтвердили, какая это была ошибка. Уральским заводам, выпускавшим взрывчатку, боеприпасы и снаряды, не хватало энергии. Очень не хватало полумиллиона киловатт Камской ГЭС.

И все же станция была построена! Бесперебойно и четко работают на Урал ее двадцать четыре агрегата.

Строить вновь ее начали во время войны, по проекту Б. К. Александрова, когда всем стало очевидно, как нужна Камская ГЭС Уралу. Но широко развернулись работы только после назначения начальником строительства И. И. Наймушина, а главным инженером А. Ф. Васильева, хорошо зарекомендовавших себя на Нивской ГЭС в Заполярье. Самого Белякова из министерства не отпустили, но он денно и нощно опекал станцию.

Камской ГЭС Александр Алексеевич гордится:

— Представляешь себе машинный зал, который в самом низу и в половодье его окатывает река? Именно так решили поставить здание ГЭС, чтобы не прорезать гипсы. Тут и наши опыты помогли и проектировщики нашли остроумный способ обойти гипсы. Борис Евгеньевич Веденеев, к которому я обратился за консультацией, нас поддержал... Это же чудо, а не ГЭС! После Камы по этому же типу построили Кайраккумскую, Павловскую и Плявиньскую станции.

...В открытое окно его кабинета в министерстве врывается холодный ноябрьский ветер. Я в толстом шерстяном свитере — и зябко поеживаюсь. А он в тоненькой белой рубашке, в пиджаке — и ничего, будто так и надо. Я уже была в Дивногорске и наслушалась рассказов про Белякова. Только он, единственный человек с пышной, будто наэлектризованной, белой шевелюрой, ходил в жестокие морозы без головного убора.

— Где это вы так, Александр Алексеевич, закалились?

— Сибиряк я, знаешь, по рождению. Омский. Кочевали с отцом где попало. Его гоняли, и мы за ним. Некогда ему было нянчиться с нами, закаливал нас чуть не с пеленок, к спорту приучал. Представляешь?

— Нет, не очень. Почему «гоняли»?

— По образованию отец был учителем. Кончал учительскую семинарию в Самаре. Но учительствовать ему не дали. Сдал экзамены экстерном на техника-строителя. Строил железные дороги, западносибирскую, например. А гоняли потому, что был революционером, большевиком. В тюрьмах сидел, от полицейских скрывался.

— В какие же годы он учился в Самаре?

— В начале девяностых. Меня тогда и на свете еще не было.

И тут я вспомнила. Мне рассказывали, что отец Александра Алексеевича вместе с юным Ильичем ходил в знаменитую «кругосветку» по Волге и Усе, что много раз бывал в квартире Ульяновых, где Мария Александровна потчевала его чаем.

— Не ваш ли отец А. А. Беляков, который написал книгу «Юность вождя»?

В книге этой рассказывалось о марксистском кружке Алексея Скляренко в Самаре, о том, как Владимир Ульянов в том кружке, членом которого был и автор книги, громил народников и вышел победителем в острой идеологической полемике с самим Михайловским.

— Отец написал... А что?

— А вы сами видели Ленина?

— Как же, видал. Всего два раза. Первый раз, когда я еще мальчонкой был. Жили мы тогда в Териоках, неподалеку от станции. В нашей квартире проходило какое-то заседание большевиков. Ленин находился в Петербурге нелегально, часто менял паспорта — шел ноябрь 1905 года. Второй раз я видел Ильича в апреле семнадцатого. Мы с отцом пришли встречать его на Финляндский вокзал.

— Скажите, а как случилось, что вы стали энергетиком?

— Ну, это еще с детства. Одно лето отец от сыщиков в Ташкенте прятался. И я там был. Представляешь себе ташкентские арыки? Это же мечта! Я целыми днями запруды ставил. Однажды мне за это попало: после дождя улочка от моей запруды поплыла.

Вон ведь, оказывается, откуда все пошло! Знать, на роду ему, сыну подпольщика-большевика, написано было отдавать всего себя делу, которому придавал такое огромное значение Ленин. И вовсе не случайно, что именно он, Беляков, представляет нашу страну на международных конгрессах и едет помогать друзьям-строителям в Болгарию и ОАР.

На Асуане Александр Алексеевич был несколько раз. В первый раз — лет десять назад, в последний — недавно, в марте этого года, когда весьма компетентная экспертная комиссия в составе докторов наук М. М. Гришина, Ф. Ф. Губина и Н. Г. Трупака, возглавляемая А. А. Беляковым, должна была дать научно-техническую оценку комплексу сооружений. Ученые придирчиво, педантично анализировали проект и его воплощение. Так прошел день, второй, третий. На пятый — министр энергетики ОАР не выдержал: «Каковы ваши впечатления?» «Пока ничего не можем сказать, вот посмотрим, изучим»,— отвечал Беляков.

Только через месяц, 3 апреля, комиссия подписала сдержанные протокольно-скупые строчки: «...все сооружения являются безусловно надежными... Все агрегаты работают хорошо». В подобных заключениях более высоких оценок и не бывает.

Возвратившись из Каира, Беляков стал готовиться к новой командировке, совсем в противоположную сторону, на Дальний Восток. Зачем? Решить судьбу главной гидростанции Камчатки.

От Петропавловска-Камчатского часа два лета вертолетом. Но вертолет не долетел, пошли на вынужденную посадку где-то на берегу океана, и просидел там Беляков трое суток. Александр Алексеевич изучал окрестности, собирал грибы. Купался в весьма прохладных волнах Берингова моря. Это в свои-то семьдесят пять лет! Из всей его многочисленной комиссии больше никто не рискнул. Главный инженер «Вилюйгэсстроя» Биянов поспешил запечатлеть столь торжественный момент на фотопленку.

Наконец дали вылет. Потом на «газиках» поднялись к двум снежным красавцам вулканам — Кроноцкого и Крашенинникова. Между вулканами, на высоте 370 метров над уровнем моря, засеребрилось озеро. Из него вытекала река. Перепад в 370 метров — семь ниагарских водопадов. С ума сойти! У кого из гидротехников не закружится голова от такой картины! Но еще надо поспорить, крепко поспорить, какой должна быть плотина и ГЭС, как их строить.

Конец уходящего года застал его снова в пути. В начале декабря Александр Алексеевич вылетел в Красноярск, на ГЭС.

Красноярская. Та, которая самая большая в мире. У каждой гидроэлектростанции — свой силуэт, и, как ни много их на земле, вероятно, нет и двух похожих. Красноярскую отличает геометрическая лаконичность и компактность. И еще, пожалуй, я бы сказала, естественность. Словно бежали по обоим берегам, обгоняя друг друга, сопки, правый берег рассердился, опередил левый, вздыбился четырехсотметровой гранитной стеной, и тут-то они столкнулись, правый с левым, и застыли в тесном объятии навсегда, на века. Так органично слилась с берегами плотина. Длиной она невелика, такая же, как Днепровская, всего что-то с километр. Но если высота Днепровской — 52, то Красноярской в два с половиной раза больше — 124. В Днепровской всего 706 тысяч кубометров бетона и еще много земли, в теле Красноярской и здании ГЭС — пять миллионов. И ни одного кубометра земли.

И строились они по-разному, между ними целая эпоха. Александр Алексеевич очень хорошо помнит, как Женя Романько с подружками ногами уминали, утрамбовывали вязкий бетон. В Дивногорске работало 286 вибраторов. Ковши с бетоном и бетонные блоки подавали 25 башенных, портальных и гусеничных кранов. Да еще кабель-кран с тремя нитками. Техники здесь было сосредоточено столько, что на каждого рабочего приходилось в среднем 5 864 рубля основных производственных фондов — это намного больше, чем на других современных стройках.

И, конечно, инженерные задачи решались на Красноярской совсем иначе. Взять хотя бы перекрытие Енисея. Провели эту грандиозную операцию беспрецедентно, быстро — за шесть часов, — пионерным способом, без моста, по «дороге» из бетонных пирамид, сбрасываемых в воду с обоих берегов. А еще сравнительно недавно этот способ считался опасным и ненадежным. К нему прибегали в крайнем случае. Так было при строительстве станции на Оби, под Новосибирском. Бурной осенней ночью здесь снесло часть моста, с которого должны были закрывать проран. Погас свет, стройка погрузилась в темноту. В Новосибирск срочно вылетел Беляков. Ему стало ясно, что реку немедленно нужно перекрыть, во что бы то ни стало. Способ один: пионерный. Руководитель работ категорически запротестовал: «Не гарантирую. Не отвечаю». Беляков пошел на риск. Приказал начать работы. Его союзниками стали бесстрашные шоферы. Бульдозеристы сами бурили камни, соединяли их тросами. И вскоре министру — им был тогда Ф. Г. Логинов — полетела телеграмма: «Река перекрыта».

На Красноярской ГЭС пионерный способ обрел законные права. Точно таким же образом в прошлом году перекрывалась Ангара в Усть-Илиме.

Отгрохотали взрывы, отлязгали экскаваторы и бульдозеры. Завершается работа на плотине и в здании ГЭС. Только слева от плотины, там, где поднялась многоэтажная башня, ширится фронт стройки. Здесь сооружается уникальный судоподъемник. Главный инженер строительства Красноярской ГЭС Евгений Андреевич Долгинин только что вернулся из Бельгии, где знакомился с «Ронкъером», судоподъемником на канале Брюссель — Шарлеруа.

— Нет, наш не похож на бельгийский,— говорит он.— Тот с канатной тягой. У нас широкие мощные рельсы, по которым будет двигаться наполненная водой камера с кораблем.

...Не замерзло в этом декабре море у Дивных гор. Клубится белым паром, как тысячи гейзеров. Ко Дню энергетика это море вдохнет жизнь девятому агрегату: внизу, в машинном зале с восемью «красными шапочками» действующих машин, идут последние приготовления. И снова в центре внимания монтажники. И снова подходит к ним человек с белой шапкой непокорных волос и спрашивает: «Ну, как идут дела? Что у тебя сегодня?..»

Москва — Дивногорск — Москва.

Алексей ГОСТЕВ,
специальный фотокорреспондент
«Огонька»

За сорок лет работы с фотоаппаратом мне посчастливилось побывать на строительстве и пуске многих электростанций. Стал разбирать свои архивы и вижу, получается нечто вроде фотолетописи, иллюстрирующей электрификацию нашей страны.

Вот, например, снимок Шатурской ГРЭС — одной из первых районных электростанций, строившейся еще при В. И. Ленине. Невысокое, небольшое здание — таким оно нам кажется сегодня. И рядом просторный, многоярусный машинный зал Славянской ГРЭС, на которой смонтирован самый крупный в Европе энергоблок. От 16 тысяч киловатт к 800 тысячам! Или вот широкооконная Волховская ГЭС, тоже наш первенец, первая ласточка гидроэнергетики. Если б можно было поставить ее рядом с Братской ГЭС, то выглядела бы она крошечной.

С Алексеем Улесовым я встретился первый раз на Волго-Доне. Он еще не был Героем Социалистического Труда, не был так знаменит, как потом,— просто молодой сварщик на строительстве Цимлянской ГЭС, очень энергичный и изобретательный. Через несколько лет я фотографировал его на строительстве Волжской ГЭС под Куйбышевом, а потом увидел на одном совещании в Кремле, уже с двумя золотыми звездами Героя. Сейчас А. А. Улесов работает на сооружении самого крупного автомобильного завода в г. Тольятти. Его имя, слыхал я, и там гремит.

Вероятно, где-нибудь в другом месте увижу я вскоре и машиниста-оператора Красноярской ГЭС Ивана Мясникова, и геодезиста Ивана Рожкова, определявшего трассу новой плотины. Жизнь строителя подчинена короткому слову «вперед». Это слово — символ нашей эпохи!

Алексей Улесов на Цимлянской ГЭС.

ШАГИ СА

Шатурская ГРЭС.

Усть-Илим. Подана команда: «Перемычку можно взрывать!»

Волховская ГЭС в день своего двадцатипятилетия.

Так строилась на Волге ГЭС имени В. И. Ленина.

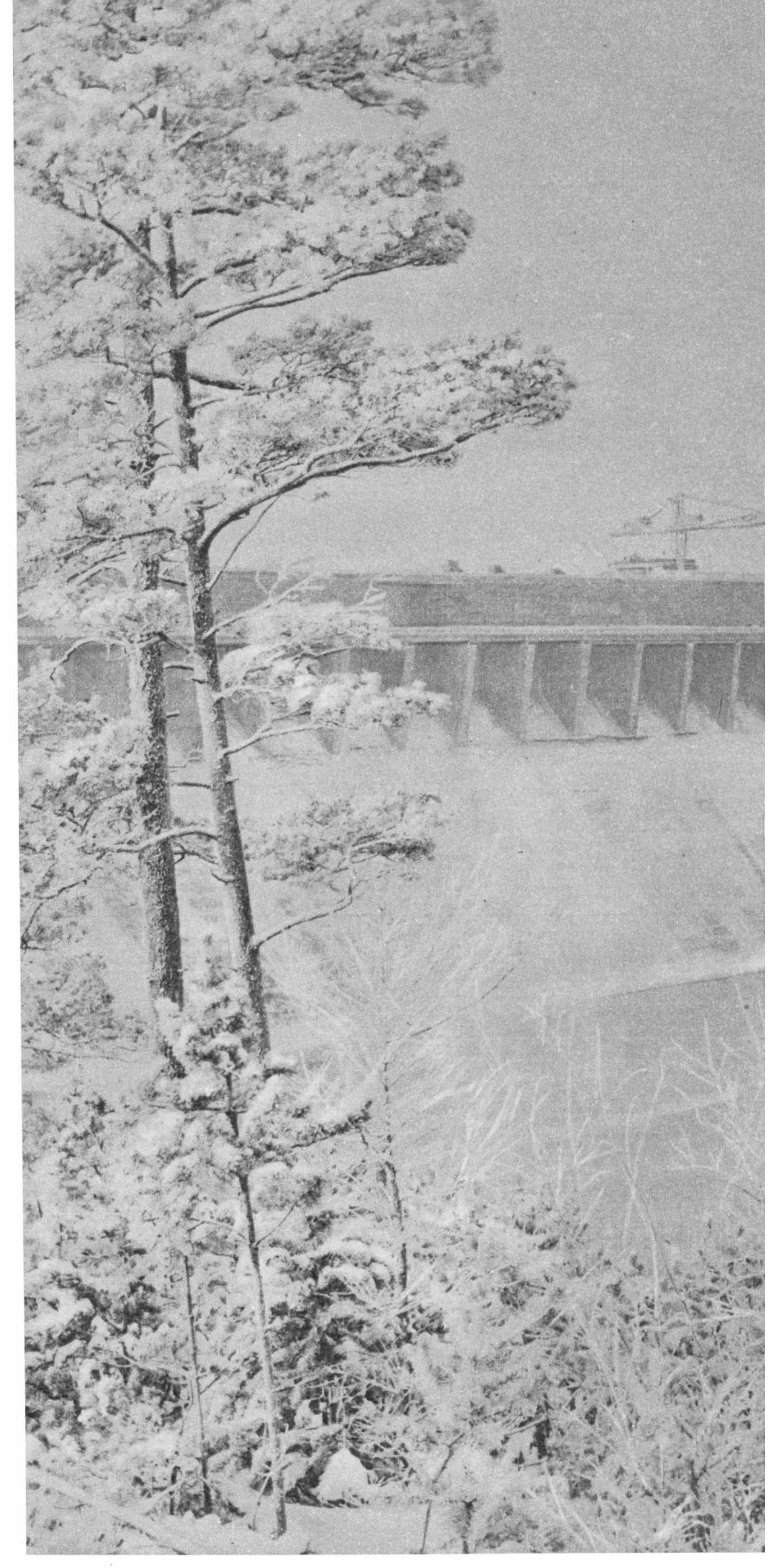
ЖЕНЬ И...

«Пошел первый бетон!» — доложил машинист - оператор Красноярской ГЭС Иван Мясников.

В машинном зале Славянской ГРЭС.

Волнующий момент: перекрытие Волги под Куйбышевом.

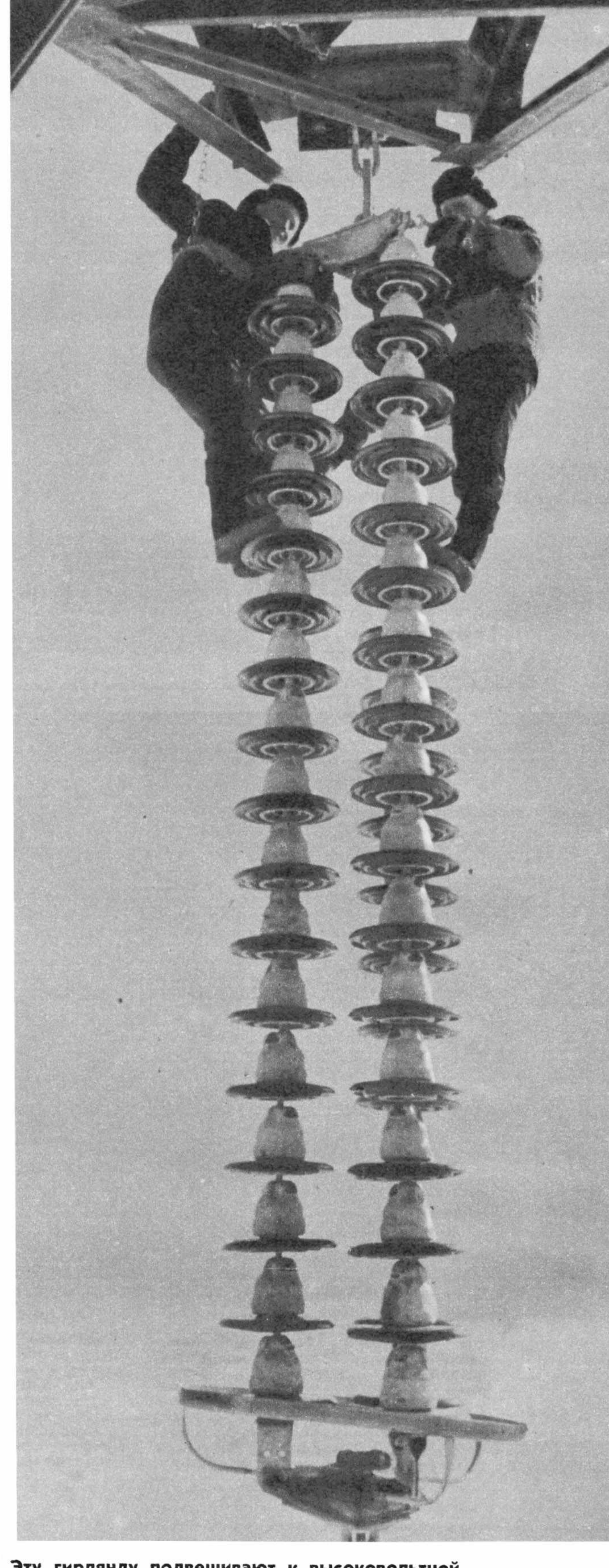
Красавица плотина Братской ГЭС.

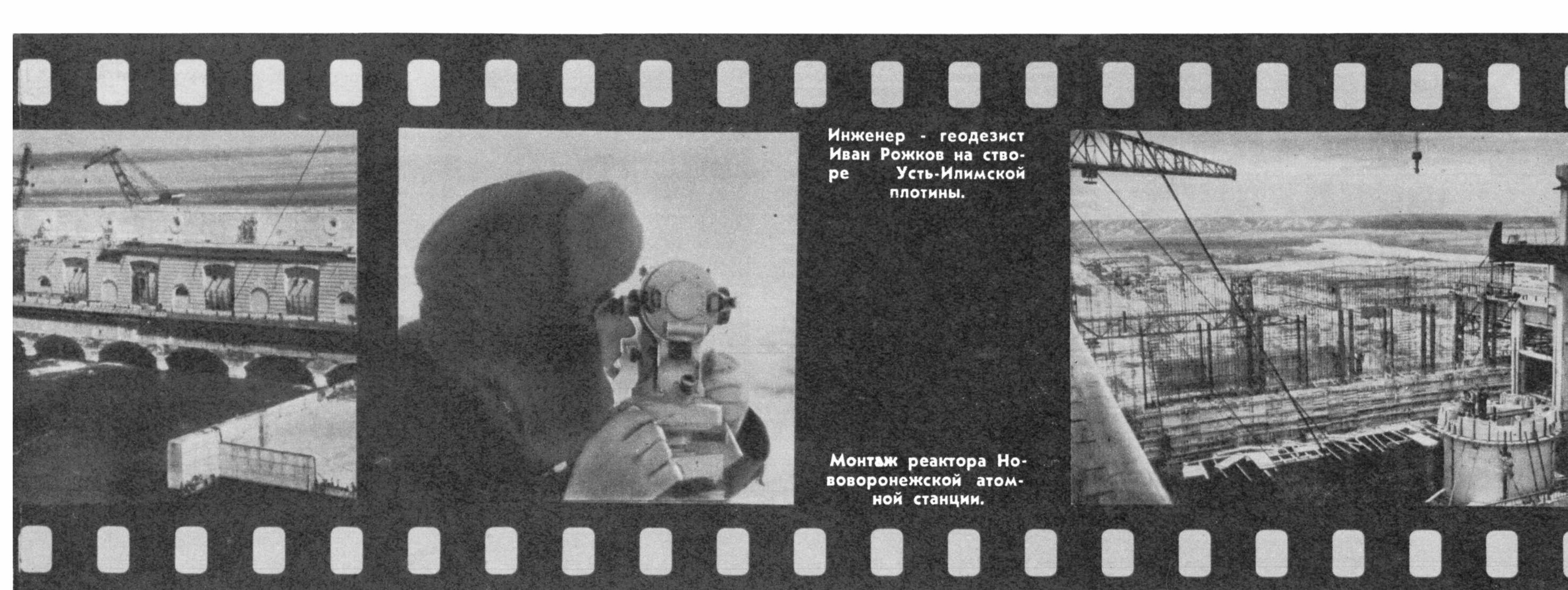
Мингечаур, гордость Азербайджана...

Строители Усть-Илимской ГЭС — Ирина Турская и Анатолий Шлычков.

Каховская ГЭС на Днепре.

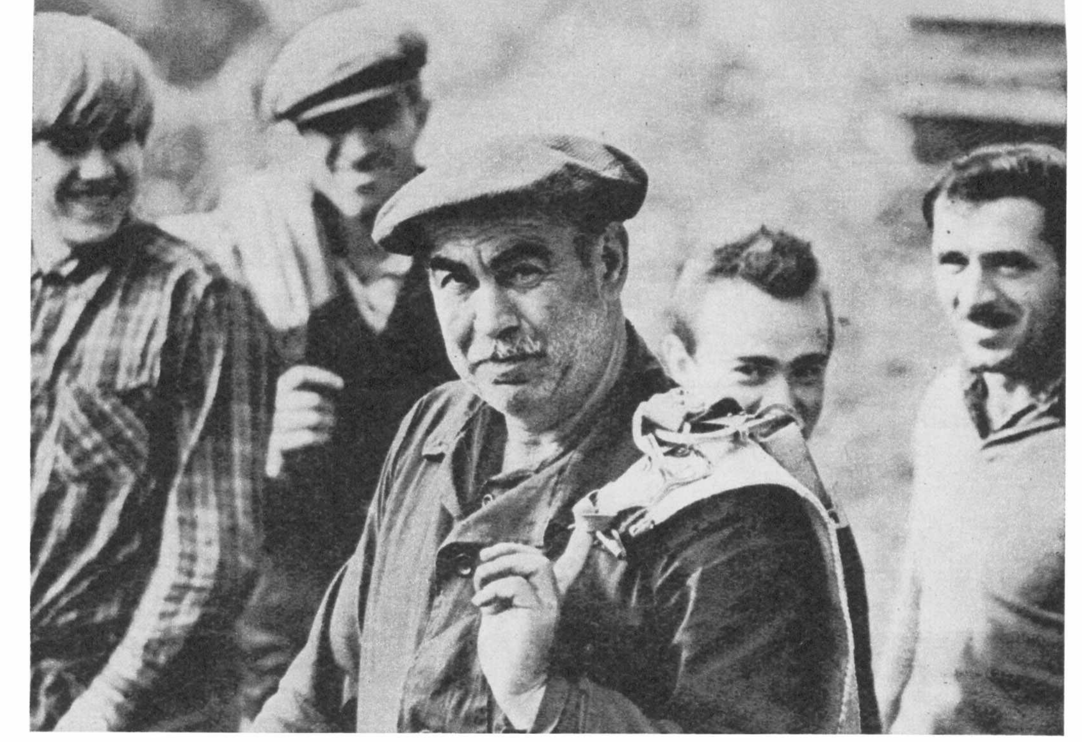
Эту гирлянду подвешивают к высоковольтной линии, идущей от Горьковской ГЭС.

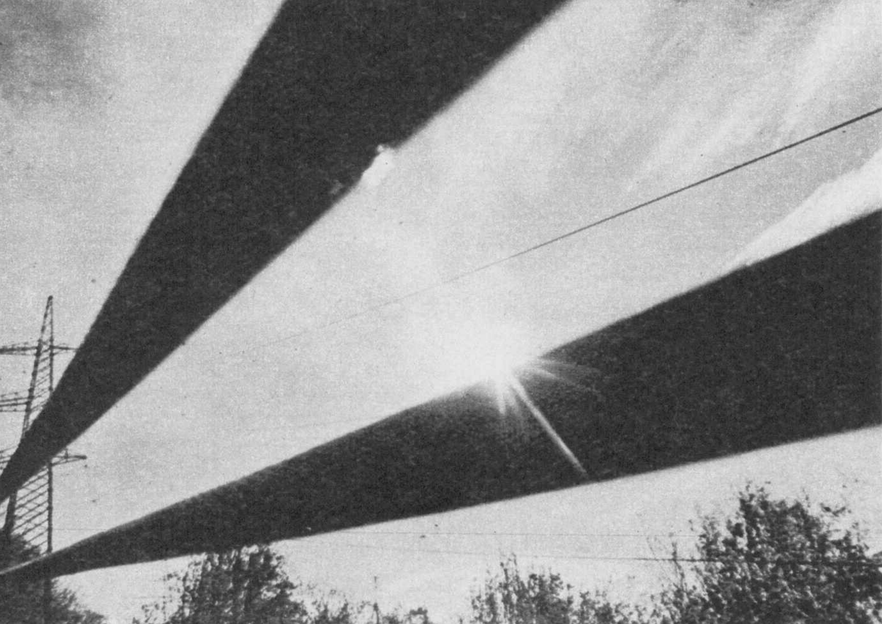
Инженер - геодезист Иван Рожков на створе Усть-Илимской плотины.

Монтаж реактора Нововоронежской атомной станции.

ГРУЗИЯ

Ветеран ЛЭПов — Александр Павлович Габричидзе.

Последний километр.

Ия МЕСХИ

Фото Г. КОПОСОВА.

Семь километров

И вот некто, облеченный доверием Государственной комиссии, нажал на кнопку — и магистраль высоковольтных линий передач Сочи — Бзыбь стала под напряжение. Произошло это на днях, в канун праздника энергетиков. Ток пошел по проводам, одетым в толстую алюминиевую рубашку, помчался над ущельями и реками, над вершинами гор, что у самого синего моря.

На побережье от Пицунды до Сочи мало кто знал об этом событии. Так же зажглись вечером рогатые фонари на набережных курортных городков, замерцали экраны телевизоров. И точно так же, как накануне, мчались вдоль моря ведомые электровозами железнодорожные составы. А все же это было событием в жизни хозяйства Грузии и Краснодарского края, а следовательно, всего Закавказья и юга России, потому что уже давно энергосистемы крупных экономических районов страны объединены или взаимосвязаны. И вот теперь с пуском 220-киловольтной линии Сочи — Бзыбь богатое гидроэнергетикой Закавказье протянуло свою электрическую руку на Север, а оттуда мощные тепловые станции выразили готовность прийти к Кавказу на помощь в пору меления горных рек. А это значит: выравнивается график, увеличивается надежность энергоснабжения, экономичность расходования электроэнергии.

Но прежде надо было построить магистраль. Надо было соединить два энергокольца — Грузинское и Краснодарское. И самый сложный участок — семь километров в горах над Гагрой.

Почему сложный? Тянуть электролинию — дело вроде бы немудреное: ставить опоры, натягивать провода. А тут, на Гагрском хребте, новая трудность: у подножия крутых склонов — курорт. Нельзя строить удобные подъездные пути, и нельзя взрывать для площадок под опоры камни (камни летят!), нельзя рубить лес (пейзаж!). И надо поставить на склоне 34 опоры высотой по 43 метра и весом по 20 тонн. Вертолет в таких условиях не помощник. Ничего себе задачка, не правда ли? Ее выполнил участок молодого инженера Георгия Уклеба из механизированной колонны № 1 треста Кавказэлектросетьстрой. Работали тут лучшие монтажники. К ним на помощь приехала из Зестафони бригада ветерана ЛЭПов — А. П. Габричидзе.

Сквозь ветки дубов просвечивает море. Под ногами мокрые, скользкие листья. И никаких дорог.

Цепляясь за кустарник, поднимаемся к опорам. Тут хозяйство прораба Бичико Кавтарадзе. Уму непостижимо, как можно было поднять сюда без механизмов все эти тонны металла, смонтировать опоры на просеке, удобной лишь для слалома, раскатывать в такой тесноте тяжелые тросы и провода. А главное, как поставить эти вышки вертикально? Установка каждой — праздник. Вчера была предпоследняя. Через несколько дней последняя. И вот они уже стоят на склоне, с серебристыми шлейфами пока еще не натянутых проводов, и, оказывается, их не 34, а 29. На пять стало меньше, следовательно, почти на полсотни тонн легче. Поправка к проекту главного инженера колонны Северьяна Гвинепадзе. Множество таких технических новинок, позволивших укрепить осенью вышки на сорокаградусной крутизне, предложил этот, уже немолодой, всю жизнь путешествующий строитель электролиний.

Электролинейщики в горах! Трудная профессия, бродячая, бездомная, но, честное слово, красивая!..

Идет натяжка проводов. Тихо шурша палой листвой, задевая сетку огненных кустов, ползут алюминиевые нити в свои небесные выси. Заняли позиции у траверзов верхолазы. Максимум внимания, координации действий. Иначе все полетит насмарку. Уставшие, осипшие прорабы носятся по горным тропам. Последние недели перед пуском. Последний участок натягивается, как длинная семикилометровая струна.

ЭСТОНИЯ

Шел фонарщик по улице

Н. ХРАБРОВА

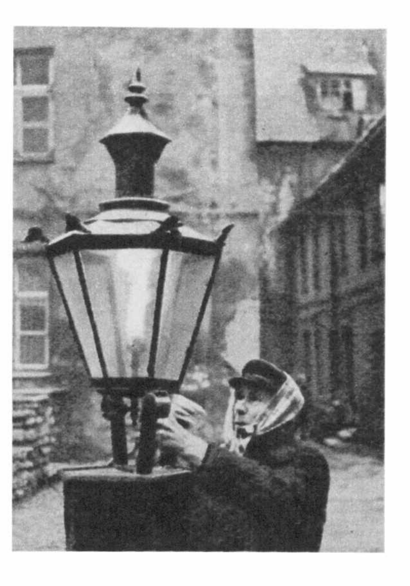
В сентябре по вечерам город заливало туманом. В октябре денно и нощно шпили и флюгера были заштрихованы дождем, а в ноябре темнело в три часа дня, и моряки во всех портах в те времена пели про этот город песенку: «В туманном Ревеле погасли фонари...» Видно, на какого-то портового поэта сильное впечатление произвела сырая, глухая тьма, вздохи невидимого моря, эхо шагов в непроглядных тоннелях каменных улочек, когда погасли фонари. Матти Сякки, ревельский фонарщик, прекрасно понимал, что значила его работа для города.

Перед вечером фонарщики — было их человек двадцать — собирались на газовой станции, чтобы малость побалагурить друг с другом, потом смотрели на часы и расходились по улицам — зажигать у стен и на столбах рукотворные луны: стеклянные, с коваными железными гранями и железной же крышкой газовые фонари, маленькие копии которых стали нынче весьма известным таллинским сувениром.

Газовое освещение было введено в Ревеле — теперешнем Таллине — сто четыре года назад, но Матти Сякки этого, конечно, тоже не помнит, потому что ему всего восемьдесят один год. Рабочий стаж в таллинской системе газа, водопровода и канализации у него большой — целых тридцать девять лет.

Матти Сякки работал когда-то в Петербурге слесарем. Прекрасные были там газовые фонари. Может быть, воспоминание об этом и заставило Матти Сякки в 1930 году пойти в таллинскую систему газа, водопровода и канализации. Он ремонтировал газовое оборудование, а также ходил с фонарщиками зажигать фонари.

Но уже зарождался в Таллине и другой свет: почти на том самом месте, где сейчас помещается контора «Таллингаза», в 1903 году появилась маленькая частная электростанция. Она освещала центр

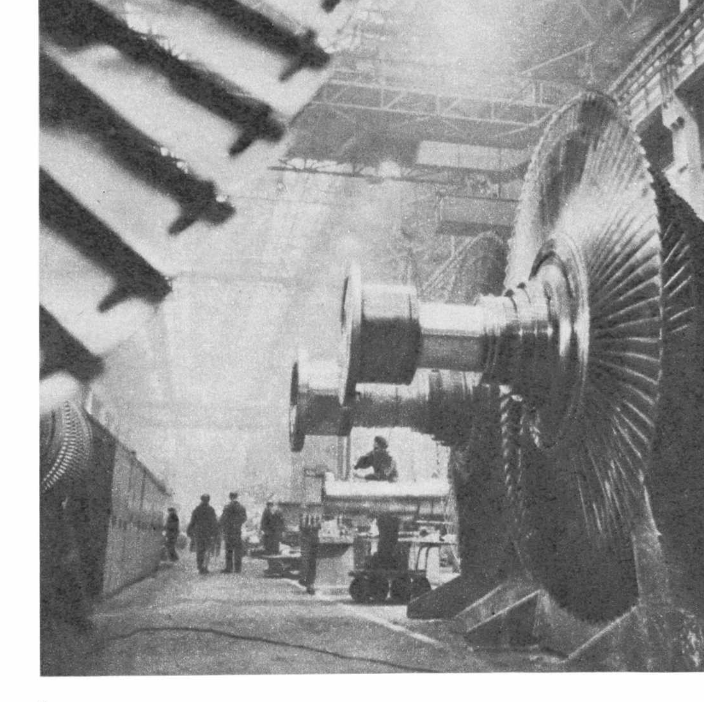

Матти Сякки показал, как было все давным-давно, и даже шарфом уши повязал...

ЛЕНИНГРАД

П. С. ЧЕРНЫШЕВ,
главный инженер Металлического завода имени XXII съезда КПСС, Герой Социалистического Труда

Здесь рождаются паровые турбины.

Фото Н. Ананьева.

Рассказ о нашем заводе я начну с любопытного факта. Американский журнал «Electrical World» напечатал статью «Иван хочет участвовать в торгах на поставку машин для ГЭС Гренд Кули». Оставляя на совести автора этот «джентльменский» заголовок, замечу, что на Гренд Кули стоят гидротурбины мощностью всего в 120 тысяч квт — было время, когда они считались самыми мощными в мире. В журнале приводились слова одного из сенаторов, который возмущенно заявлял: нельзя допустить, чтобы на турбинах крупнейшей в США ГЭС стояла советская марка. Отмечая, что русские ведут огромное гидроэнергетическое строительство, автор писал: «Однако русские, возможно, пойдут на сокращение своих планов, чтобы при помощи поставки агрегатов в США получить твердую валюту и завоевать международную репутацию».

Ответил на эту статью Главный конструктор гидротурбин нашего завода, доктор технических наук, профессор Глеб Степанович Щеголев. Очень хорошо ответил. «Нам не нужно сокращать программы своего строительства для того, чтобы поставить шесть турбин на ГЭС Гренд Кули в США,— написал он в журнале «Энергомашиностроение».— Эти шесть турбин не делают погоды в нашей промышленности. Нам не нужно завоевывать и международную репутацию — она давно завоевана. Но нам действительно было бы интересно поставить эти турбины в США, это просто наш долг. Ведь когда-то США поставили шесть турбин по 100 тыс. л. с. для крупнейшей в то время ГЭС Советского Союза и Европы — Днепровской ГЭС имени В. И. Ленина. Почему бы нам не поставить теперь гидротурбины для крупнейшей ГЭС в США? И нас не смущает, как одного из ваших сенаторов, что на трех из девяти агрегатов этой Днепровской ГЭС стоит марка США, а на шести — марка Советского Союза. И те и другие машины успешно эксплуатируются и успешно уживаются друг с другом. И если бы вы, дорогой Джон, действительно хотели перекинуть двусторонний мост между Соединенными Штатами и Советским Союзом, то советская марка на американской ГЭС лишь открыла бы вторую половину этого моста».

Продолжая мысль Глеба Степановича Щеголева, мне хочется сказать, что сейчас в конструкторском бюро, которое он возглавляет, идет создание гидротурбин на 650 тысяч квт для Саяно-Шушенской ГЭС, а планируемая мощность турбин Гренд Кули — 600 тысяч квт. Наш завод уже давно завоевал международную репутацию. Мы завоевали ее в соревновании с лучшими турбостроителями мира — американской фирмой «Ньюпорт-Ньюс». Шесть турбин на варварски разрушенном фашистами Днепрогэсе поставил наш Металлический завод, три — американские специалисты. Скажу честно, американцы сработали на совесть. И их турбины и наши действуют успешно и сейчас, но у ленинградских турбин коэффициент полезного действия побольше мощность повыше.

Владимир Ильич Ленин непосредственно не был на нашем заводе, но вся работа заводского коллектива слита с его делами, мечтами, заветами. Первым крупным государственным заказом после революции был ленинский заказ на электрические плуги. По ленинскому плану ГОЭЛРО завод спроектировал и выпустил первые турбины.

Это был огромный праздник, когда в 1924 году из ворот Металлического завода была отправлена первая водяная турбина мощностью 368 квт, предназначенная по ленинскому плану ГОЭЛРО для Окуловской бумажной фабрики. Вывозили ее на лошадях, и рабочие долго не расходились, смотрели ей вслед. Несколько позже всего лишь на одном грузовике вывезли первую советскую паровую турбину мощностью 2 тысячи квт. Недавно колесо окуловской турбины вернулось к своим создателям на заслуженный отдых. Мы хотим поставить его на пьедестал как памятник — вот с чего мы начинали!..

Какие проблемы турбостроения волнуют сегодня коллектив завода?

Скоро на испытательный стенд станет новая мощная паровая турбина — 800 тысяч киловатт. Рабочие и конструкторы дали обязательство создать и испытать ее к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича. Чем она отличается от своей родной сестры, которая работает уже на Славянской ГРЭС? При той же мощности она одновальная. Это дает экономию металла почти на двадцать процентов.

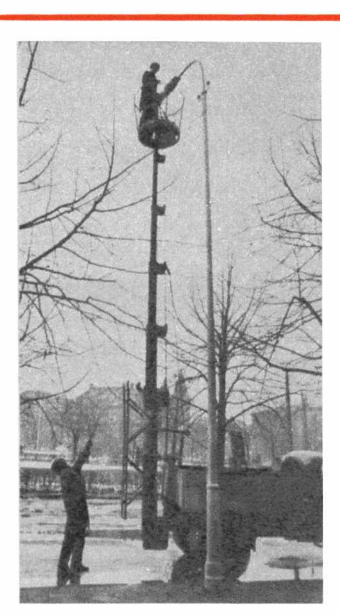
Конструкторы бьются буквально над каждым дополнительным процентом повышения мощности машин и коэффициента полезного действия. Если повысить кпд обычной паровой турбины мощностью 500 тысяч квт только на два процента, то это даст дополнительно 10 тысяч квт электроэнергии. Этой энергии хватило бы, скажем, для освещения тридцати тысяч квартир. Вот что такое два процента!

Под руководством Главного конструктора паровых турбин лауреата Ленинской премии К. Спиридонова создается еще одна паровая турбина, ее мощность составит 1 миллион 200 тысяч квт. Это принципиально новая задача. Совсем недавно наши конструкторы удивили технический мир, рассчитав и создав для турбины в 300—800 тысяч квт лопатку длиной 960 миллиметров. Лопатка новой турбины — 1 200 миллиметров. Это беспрецедентный случай в мировой практике. С удлинением лопатки связано повышение мощности паровой турбины. В новом агрегате нельзя установить цельнокованые роторы, надо будет делать сварные. Окружная скорость на периферии последней лопатки будет 660 метров в секунду — в два раза больше скорости звука! Потребуются новые жароустойчивые материалы, титановые сплавы.

Очень серьезный вопрос — расход пара. Он будет настолько велик, что нашей промышленности придется освоить производство труб большого диаметра из легированной стали. Это экзамен не только для нашего завода, но и для целого комплекса предприятий.

Сравнительно новое дело на нашем заводе — газовые турбины. Первую такую турбину мы спроектировали и выпустили в 1955 году. Ее мощность была 12 тысяч квт. Сейчас нашими турбинами оснащены две станции на газопроводе Бухара — Урал. Кроме того, они будут работать в условиях вечной мерзлоты — в Якутии и других областях Крайнего Севера.

«Мечте Ильича сбыться!» — эти слова начертали на скале строители Саяно-Шушенской ГЭС. Во имя этой цели трудимся и мы, создатели турбин.

А этоАаре Орб, современный фонарщик.

Фото В. Сальмре.

города, Петровскую площадь — теперь площадь Победы.

Примерно в то время, когда Матти Сякки начинал свой труд на газовой станции, таллинский гимназист Владимир Егоров почувствовал большой интерес к электричеству. Так как тогда в Эстонии электричество еще чуть теплилось и науки соответствующей не было, он дерзнул и отправился в Пражский политехнический институт. Вернулся Владимир Васильевич Егоров в Таллин в 1937 году.

Нынче в Таллине, в конторе «Таллингаза», на память оставлен один газовый фонарь. Матти Сякки вот уж сороковой год занимается ремонтом газового оборудования. Иногда он с удовольствием облачается в рабочую одежду фонарщика и показывает, как все было: и длинную лестницу берет и палку с крючком...

А Владимир Васильевич Егоров работает главным инженером Эстонэнерго. В Эстонии производится 9,2 миллиарда киловатт-часов электроэнергии в год — в 48 раз больше, чем в 1940 году. Маленькая Эстония занимает сейчас одно из первых в мире мест по производству электроэнергии на душу населения. Восемь миллиардов ежегодно дает Прибалтийская ГРЭС. В 1973 году там же, под Нарвой, вступит в строй еще одна, Эстонская ГРЭС, и тогда республика будет вырабатывать вдвое больше электроэнергии. Вся она мощным потоком вливается в общую электрическую реку — единую Северо-Западную энергетическую систему, приводит в движение промышленность и освещает жизнь в Ленинграде, Карелии, Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии, Калининграде.

Что же касается уличного освещения в Таллине, то сейчас это очень просто. На крыше маленького домика на Инженерной улице установлен фотоэлемент. Мы были в том домике вечером, когда дежурил оператор уличного освещения — Аавo Наурйтс. Стрелка на внутреннем пульте показала девять люксов, и Аавo включил свет на окраинных улицах. Через две минуты стрелка показала пять люксов, и Аавo включил свет на магистралях. Из мощной эстонской электрической реки на уличное освещение Таллина расходуется крохотный ручеек — всего 2 050 киловатт в час. Зимой уличные фонари горят четырнадцать часов в сутки, а летом в белые ночи — всего полтора-два часа.

А фонарщики по-прежнему ходят, то есть нет, конечно, теперь они в специальных машинах ездят по улицам: не ровен час испортится что-нибудь. Главным таллинским фонарщиком работает весьма известный человек — Ааре Орб, многократный международный призер за отличное исполнение современных бальных танцев.

Круглые, овальные, прямоугольные уличные электрические фонари освещают Таллин, разгоняют туманы, серебрят струи дождя, делают город таинственным и уютным.

РЕСПУБЛИКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАН

Небольшой зал в одном из обыкновенных зданий Ташкента. Стены облицованы звукоизоляционными дырчатыми плитами. Пол устлан коврами. На подставках горшки с цветами. Во всю стену на голубом фоне — цветные линии, квадраты, кружочки, нечто вроде произведения абстрактной живописи. Пульт с кнопками и телефонами. Возле него — светящаяся люминесцентная схема и телеизмерительная приборная приставка. А чуть в стороне... спортивная гиря — двухпудовик. И тишина.

В этом зале — диспетчерский пункт Объединенной энергетической системы Средней Азии и Южного Казахстана. Название внушительное, а обстановка тут в общем-то обычная, будничная. Никаких признаков величия и могущества. Но побудьте здесь час — и вы узнаете, какая сила таится в этой тишине и в этой будничности. Достаточно человеку, сидящему у пульта, сказать несколько слов по телефону и нажать одну из кнопок, как где-то за тысячу километров сникнет «до нуля» разъяренный богатырь в миллион киловатт. С такой же легкостью его могут и «взъярить» на полную мощь.

тет аппетит прежних «едоков», растет и «состав энергоемкой семьи». Чего стоят хотя бы такие «юные Гаргантюа», как Джамбулский завод двойного суперфосфата, Ферганский завод азотнотуковых удобрений, предприятия нефтедобычи и нефтеперегонные заводы Туркмении! Скоро родится еще одно превеликое «дитя», под стать Красноярскому и Братскому — алюминиевый завод в Таджикистане. Строятся десятки других промышленных предприятий, сотни тысяч гектаров земли ждут большой воды для орошения.

Это — будущее, причем совсем недалекое. Будущим в Ташкенте занимается специальная «Служба перспектив», возглавляемая Галиной Дмитриевной Николаевой.

— Мы уже сейчас,— говорит она,— разрабатываем будущие режимы работы энергосистем, которые, естественно, станут гораздо масштабнее с вводом в эксплуатацию новых электростанций. Одна Нурекская ГЭС прибавит в наш общий котел 2 миллиона 700 тысяч киловатт. Уже в 1970 году на параллельную работу с нами подключатся Фрунзенская, Алма-Атинская, Каракалпакская и Ашхабадская

Вячеслав КОСТЫРЯ

ТИХОЕ МОГУЩЕСТВО

И, пожалуй, невдомек узбекской ткачихе или золотодобытчику Мурунтау, нефтянику Небитдага или таджикскому ирригатору, химику Джамбула или киргизскому строителю, что очень многое в их производственных успехах зависит от ташкентских диспетчеров-энергетиков.

Старейший электрификатор республики Михаил Федорович Грушкин хорошо помнит время, когда самой крупной электроустановкой в Средней Азии была дизельная трамвайная электростанция в Ташкенте с пятью дизелями по 430 лошадиных сил. И это при богатейших гидроэнергетических ресурсах Туркестана!

Первым обратил на них внимание Владимир Ильич Ленин. По плану ГОЭЛРО в мае 1926 года была введена в действие Бозсуйская ГЭС проектной мощностью в 4 тысячи киловатт. Так было положено начало нынешней энергетической мощи среднеазиатских республик.

...По горным хребтам и пескам разбежались ажурные опоры высоковольтных линий. Могучее энергетическое войско заняло крепкие позиции на просторах Советской Средней Азии и Казахстана. Войско это растет из года в год. Его ветераны — Ташкентский и Ферганский узлы Узбекской энергосистемы, Ленинабадский узел Таджикистана, Чимкентский энергорайон Казахстана. Характерно, что их былую общую мощность превосходит одна нынешняя Ташкентская ГРЭС! Только за девять последних лет прирост мощностей в энергосистемах Средней Азии и Южного Казахстана более чем в 2 раза превысил мощность, которую намечалось ввести в действие планом ГОЭЛРО во всей стране!

И все мало. Уж такой нынче пошел потребитель. Год от года рас-

энергосистемы... А в дальнейшем, конечно же, прямая связь с Единой энергетической системой страны!

Громадное хозяйство у объединенного диспетчерского управления. И сколько тут сложностей! Хоть и говорят, что «машина не человек, пусть себе работает, что с ней станется», но ведь и гидротурбина и целый энергоузел могут запросить передышки, профилактического или аварийного ремонта. И тут-то слово внутренним службам Объединенного управления энергосистемами и в первую очередь службам режимов и вычислительной техники. Они моментально решат, какой график работы самый подходящий, кто кого может подменить, подстраховать, чтобы никто из тысяч и тысяч потребителей не ощутил перебоя. Уже сейчас универсальная расчетная машина, выполняющая несколько тысяч операций в секунду, решает головоломные задачи диспетчеров.

Присмотревшись к «абстрактной картине», занявшей всю стену зала, по цветным вспышкам на ней начинаешь понимать реальную ценность этого отнюдь не заумного полотна: перед глазами буквально все энергосистемы, энергоузлы и коммуникации Средней Азии и Южного Казахстана!

...Тишина. Обычный рабочий день в штабе энергетического фронта. Сосредоточенные, немногословные люди. Начальник диспетчерской службы М. Л. Фальковский, старший диспетчер В. Д. Горшков, диспетчер С. И. Кузнецов. У каждого на пиджаках — разноцветные планки боевых орденов и медалей. Все коммунисты с военных лет. Так что «по чину» командуют они отсюда своим столь могущественным войском.

Серафим ПОПОВ

ЛАМПОЧКА ИЛЬИЧА

Память в дверь стучится
осторожно,
и не счесть в ней прошлого
примет...

Помню,
как в селе моем таежном
электрический зажегся свет.
Было мне не многое открыто —
лишь умел ходить под стол
пешком,
вечно спотыкаясь о корыто,
распростертое под лучником.
В нем горела тусклая лучина,
осыпая в воду угольки,
и в душе взрастали без причины
древней грусти первые ростки...

Знал ли я,
что вестью жизни новой
в наш вошел задымленный мирок
городской — смышленый да
толковый —
незнакомый прежде паренек?
Толстый шнур, его рукам
послушный,
он приладил к стенке у икон
и, хоть сам был вовсе
безоружный,
про какой-то все твердил патрон.
В дом вошла таинственная сила,
с потолка посыпалась труха...
В землю врос отец,
а мать твердила:
«Боже, сохрани нас от греха!»
Дед мой с печки слез
и взгляд туманный
к чуду устремил под потолком:
странный,
светлый
пузырек стеклянный
радостно висел над лучником...

А когда,
накрыта звездной сетью,
ночь легла на землю тяжело,
к нам в избу,
как бы сквозь тьму столетий,
золотое солнце вдруг вошло.
«Боже, боже!» — мама повторяла,
я молчал, уставясь в потолок,
а отец —
как рот открыл сначала,
так закрыть его уже не мог.
Оказался всех многоречивей
дедушка...
«Не утро ль на дворе?»
Руки он сухие, как лучина,
протянул к неведомой заре.
Очи деду чад столетний выел,
шел, как заблудившийся в пурге...
Перед ним забрезжил свет
впервые:
«Вижу! Вижу! Рассвело в тайге!»

Жизнь прошла, как дождик
по лощинам,
в темноте —
жалей иль не жалей...
И катились слезы по морщинам,
падая в корыто для углей.

После,
чуть прошло оцепененье
и в сознанье утвердился свет,
выбросил отец без сожаленья
инвентарь, служивший сотни лет.
И осточертевший особливо,
но такой необходимый встарь,
взял лучник за шиворот
брезгливо,
словно бы нашкодившую тварь.
И за двери,
не одевшись даже,
вышел он к оврагу
в ночь, в мороз
вышвырнуть,
чтобы весной подальше
вспененный поток его унес.

Вот и все,
что годы сохранили,—
легкий штрих таежной старины...
Прост рассказ мой:
этой светлой были
украшенья вовсе не нужны.
Лишь одно добавлю
в заключенье:
в ту минуту показалось мне,
что исходит теплое свеченье
от любого гвоздика в стене.
И преобразившийся отныне,
светом новоявленным согрет,
выступил
чуть видный при лучине
на стене приколотый портрет.

В старой кепке,
ласковым прищуром
вглядывался
в край вчерашних слез,
в скудный быт, еще недавно
хмурый,
тот,
кто миллионам свет принес.
Вглядывался зорко в наши лица
и, казалось, видел нас насквозь:
«Вы теперь в светлице, не
в темнице!
Так вам лучше? Нравится, небось?»
Звал он в мир, грозою
обновленный,
от болезней прошлого леча,
и внимал ему я,
озаренный
яркой лампочкою Ильича...

Перевел с коми
Игорь Михайлов.

А. Дейнека. ОТКРЫТИЕ МЕЖКОЛХОЗНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ (панно).

На развороте вкладки:
Л. Шматько (Харьков). В. И. ЛЕНИН У КАРТЫ ГОЭЛРО.
Центральный музей В. И. Ленина.

Р. Окушко (Кишинев). ДУБОССАРСКАЯ ГЭС.

БЕЛОРУССИЯ

Н. БЫКОВ

Фото М. САВИНА.

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

С чего начинается электричество в деревне? В Еремине, что под Гомелем, любой отвечает: «С лампочки Ильича».

...Урок физики у восьмиклассников. Тема — последовательное и параллельное соединение цепи. На цветных столах-партах амперметры, реостаты, провода и проводочки, лампы. Над столами склонили головы ереминские мальчишки и девчонки.

Учитель Илья Ефимович Иоффе ходит по рядам, дает задания.

Дети колхозников возятся со схемой, а мне кажется, что на парте, просвечивая ладошки, горит перо пойманной жар-птицы.

Перо жар-птицы... На поиск счастья отправился когда-то Кирилл Фомченко в город. Начало тридцатых годов. В деревне появились первые машины — локомобили, тракторы, электромоторы. Впрочем, электромоторов в деревне тогда еще не было. На помощь лошадке первыми пришли пар и керосин. Но слух о силе электрической уже достиг темных деревень белорусского Полесья. И вот Кирилл Фомченко двинулся в город за светом. Сначала за грамотой, чтобы выучиться на «электрического бога», Гомель, Минск, профтехшкола, курсы... Кирилл стал работать в «Сельэлектро», эта организация и командировала его в Еремино. Шел 1935 год. Его ждали со сказочным пером, завернутым в тряпицу, но Фомченко привез четыре тяжеленных мотора, сгрузил их с подводы и сразу же велел копать ямы под столбы, выкладывать из кирпича трансформаторные будки. Его рабочая птица-жар поселилась не в золотой клетке...

Кирилл Назарович вспоминает, что поначалу свет дали в Совет и в правление колхоза.

«Признаться, для хат тогда еще лампочек не хватило».

Первый мотор запустил молотилку — только снопы подвози! И флаги были и митинг, и работали до упаду, а электромотор знай себе гонит привод, его никакая усталь не берет!.. Второй мотор лен теребил, и здесь все повторилось: речи, флаги, торжественный пуск... Третий поставили на циркулярку, четвертый мотор — на мельнице. Вот как распорядились мужики: электричество запрягли, чтобы намолот был, лен, строительный материал и мука.

Сейчас в колхозе имени XXII съезда КПСС идет монтаж электрооборудования на новой СТФ, и Фомченко весь там — душой и телом, с головой и руками.

Кирилл Назарович подвел нас к самой первой здесь трансформаторной подстанции, сложенной из старого, начавшего крошиться кирпича с клеймом гомельского завода. Открыл железные ставни этой избушки без окон и дверей. Там в настороженной глубине живут рубильники. Одно движение — и во всех домах на Школьной или на Комсомольской улице, в детском саду или в мастерской зажигается свет. В артельном хозяйстве нынче уже семнадцать подстанций! Есть и новые, они и выглядят по-современному, а вот любит Фомченко эту, первую, к ней и привел, возле нее рассказал быль, как искал и нашел сказочную силу для ереминцев.

— Когда-то на нас работала Гомельская электростанция, тогда были перебои. Теперь в Василевичах новая ГРЭС, от нее ток. Там торф пережигают, а проще сказать, извечные болота на нас работают!

Блуждающие бледные огоньки болотных топей... Пугали они когда-то босоногого Кирюшку и его сверстников, пугали до вскрика. И бежала ребятня, завидя мелькающие, такие жуткие, непонятные язычки несветлого света... «Страшно, аж жуть»,— улыбается теперь колхозный электротехник. И я вспомнил урок физики, как озаряли трехвольтовые огоньки лица колхозных ребят.

— Раньше — только лампы для освещения, а теперь в доме — телевизоры, стиральные машины, сепараторы, соковыжималки, пылесосы, электробритвы и прочие приборы. Всему глаз нужен! А производство? Там еще больше новинок. На токах, и у склада, и на фермах, и в мастерской. Всюду гуд электромоторов, всюду рубильники, приводы... У порога колхоза кибернетика стоит,— с некоторой торжественностью произнес Фомченко.— Я уж не говорю про автоматику, она вошла уже к нам. Теперь колхозу специалисты до зарезу нужны... Видели, как в школе ребята над реостатами... Смена...

Председатель правления, Герой Социалистического Труда Николай Петрович Хованский дал нам исчерпывающий ответ на вопрос об экономической стороне электрификации колхоза. Всего здесь 149 электромоторов. Благодаря этому все трудоемкие работы по возможности облегчены. Электромоторы приводят в движение краны в мастерской, станки. Доят коров и сортируют зерно. Главное — облегчить труд женщин на фермах. Поэтому в животноводческом городке уже сейчас установлены 94 электромотора. Остальные служат растениеводству и подсобному хозяйству. За 10 месяцев нынешнего года колхоз получил от государства более 900 тысяч киловатт-часов. К январю перевалит за миллион... Конечно, более половины электроэнергии идет на производственные нужды, но и на бытовые нужды колхозников тоже немало — около 260 тысяч киловатт-часов. На освещение улиц и общественно-культурных учреждений — 126 тысяч киловатт-часов.

...Ленинский уголок занимает почти все фойе в Доме культуры. Здесь света много, особенно много. В углу—экспозиция, посвященная ленинскому Декрету о земле. Освещенные изнутри исторические строки и подпись: Владимир Ульянов-Ленин. Хорошо сделано. Тут воедино слились свет ленинской идеи и свет обыкновенной электрической лампочки, ввернутой в глубине экспозиции, как бы за экраном. Сколько же надо было сделать нескольким поколениям революционных энтузиастов, чтобы сегодня о чуде, заключенном в лампочке, можно было сказать: «обыкновенная»!.. А минуло всего тридцать пять лет с тех пор, как беспокойный, всегда занятый Кирилл Фомченко первым поднялся на первый столб здешней колхозной электролинии...

«Электрический бог» из Еремина К. Н. Фомченко.

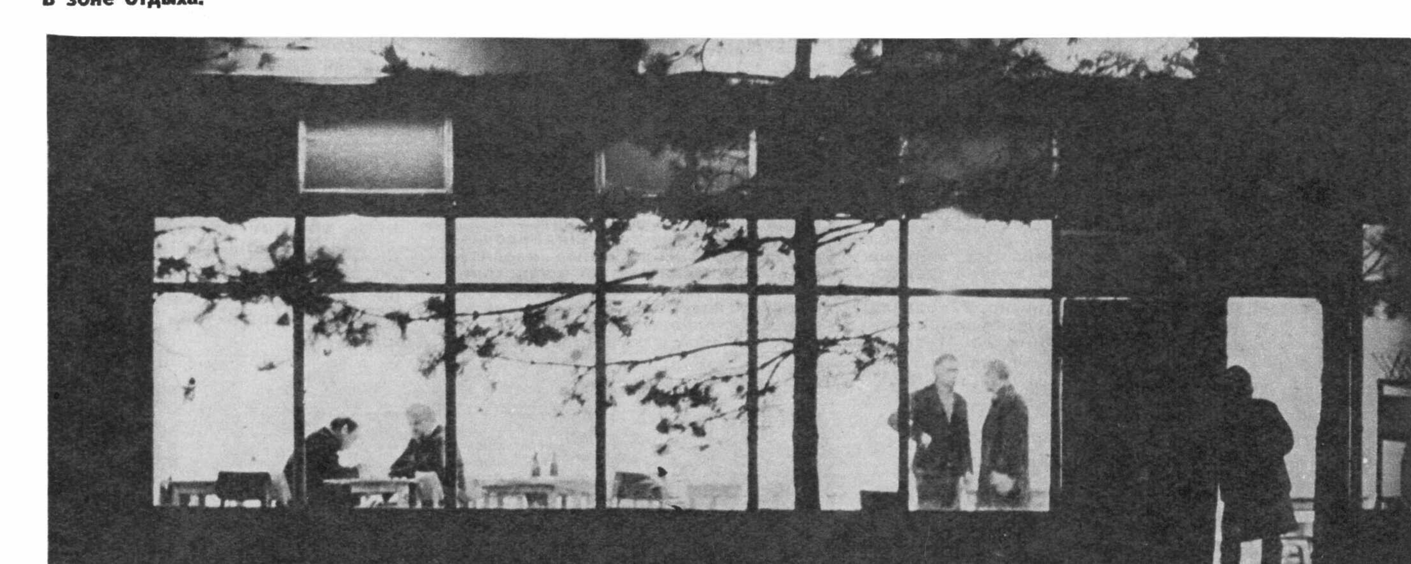

Магазин в Еремине.

Первенцу нужен сок.

В зоне отдыха.

УКРАИНА

Ан СТАСЬ

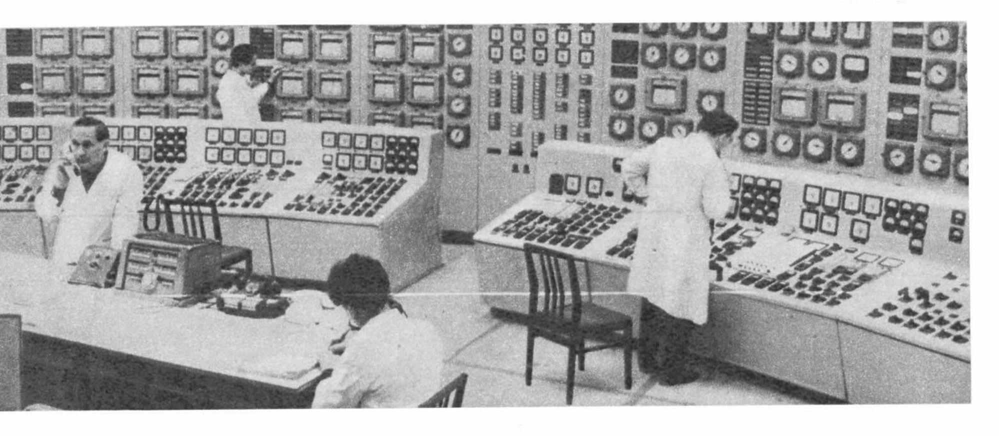

— Вот они, наши изоляторы,— говорит глазуровщица цеха обжига Нина Гавринская.

Кладезь загадок

Славянск — город электрический. Высоковольтные изоляторы делают здесь, на тепловой электростанции установлен самый мощный в Европе энергоблок на 800 000 киловатт. На снимке пульт, с которого ведется управление агрегатом.

Фото Н. Козловского.

Ирину Ивановну Иванову в Славянске знают почти все. Ей уже за восемьдесят. Она почетный гражданин города. Еще до Октября 1917-го Иванова стала коммунисткой, вела нелегальную работу среди городского пролетариата, участвовала в подготовке революционного переворота. Затем — трудные годы гражданской войны.

Вспоминает Ирина Ивановна, как весной 1920-го собрались они, члены городского Совета, в бывшем купеческом клубе, как сообща составляли письмо.

«Москва, Совнарком, товарищу Ленину.

Первое торжественное заседание Славянского горсовета шлет привет великому учителю коммунизма, избрав Вас почетным председателем... Советская власть твердо утвердилась на глубоких симпатиях трудящихся. Горячо закипает теперь созидательный труд славянского пролетариата...»

Страна переходила на мирные рельсы. Партийная ячейка фарфорового завода, созданная Ивановой и ее товарищами, вскоре подвела итог работы за год: предприятие выпустило продукции на 41 тысячу рублей. Сколько радости было! Обнимались, поздравляли друг друга. Никто тогда в Славянске не знал, что в Москве уже идет разработка ленинского плана ГОЭЛРО и что для осуществления этого дерзновенного замысла будет отведена важная роль и заводу в небольшом городке Донбасса.

Но было именно так. Председатель ВУЦИК Г. И. Петровский подписал постановление Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета о преобразовании предприятия, принадлежавшего не так давно иностранцам, в Славянский государственный фарфоровый завод имени Артема (Сергеева). Вскоре предприятие получило задание срочно освоить выпуск новой продукции — высоковольтных штыревых и опорных изоляторов и готовиться к серийному производству изоляторов подвесных.

— Работали мы, конечно, вручную. С металлом туго. Специалистов почти не осталось... Но с каким подъемом, с какой страстью трудились! Ведь, по существу, это Владимир Ильич поручил нам дать стране первые советские изоляторы,— рассказывает Ирина Ивановна.

Я видел продукцию двадцатых годов, образцы ее хранятся в заводской комнате техники. Рядом — новейшие, сверхмощные изоляторы, изготовленные в наши дни.

Привычное слово «изолятор» многим, наверное, все еще напоминает столбовые дороги и белые чашечки меж струн-проводов. Порой мы просто не замечаем, что обычные слова давно уже обозначают новые вещи. Об этом я подумал, когда в Славянске побывал в Центральной научно-исследовательской лаборатории, где занимаются проблемами изоляторов и арматуры. Там я увидел электронную аппаратуру, приборы для спектрального анализа, герметически закрытые камеры с табличками: «Морской туман», «Пыль», «Солнечная радиация»... Оказалось, что современный электроизолятор — это кладезь раскрытых и нераскрытых загадок, предмет научных споров, все еще широкое поле для инженерной мысли.

Вроде ничего особенного — увесистые тарелки из фарфора, покрытые глазурью, несколько усложненной конфигурации. Но тут же я узнаю: к материалам, из которых их изготовляют, и к арматуре предъявляется уйма требований. Прежде чем получить право занять место на линии электропередач, изолятор подвергается самым изощренным «пыткам». Он должен отбить все атаки химиков, вынести огромные физические нагрузки, показать богатырскую стойкость на разрыв или сжатие. Ему искусственно создают тысячи невзгод в герметических камерах. В одной — солнце палящее, похлестче африканского, в другой — на изолятор дни и ночи падают соленые брызги, как на берегу Карибского моря на Кубе...

В кабинете Алексея Антоновича Пишука, директора завода имени Артема, висит красочная панорама всего предприятия: новые и старые корпуса цехов, подъездные пути...

Вместе с директором мы побывали в одном из цехов. На ленте транспортера двигались изоляторы ПФЕ-4,5.

— «Е» — это значит египетский,— расшифровал директор завода.— Мы освоили такие изоляторы сначала для Асуана, отсюда и название. Теперь изоляторы расходятся во все концы света, но так и остались «египетскими».

Тут же Алексей Антонович дал краткую справку. Нынче завод поставляет свою продукцию 35 зарубежным странам. У нас, в СССР, вообще нет такой линии электропередач, где бы не стояли славянские изоляторы.

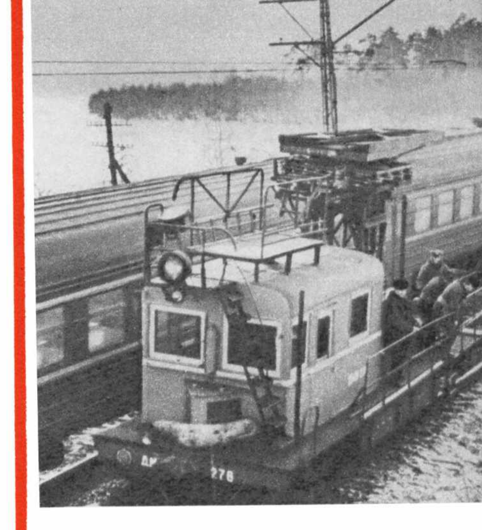
— Недавно был у нас такой случай.— Алексей Антонович повернулся ко мне.— Получаем вдруг с Закавказской железной дороги телеграмму: «вылетел» изолятор вашего славянского производства. «Вылетел» по-нашему значит вышел из строя, брак, стало быть. Настроение у меня — сами понимаете... Только недавно в ОАР торжественно миллионный изолятор отправили. Что такое рекламация, понятия не имеем. Арабы сообщают: проверку выдержали тысячи ваших изоляторов. Из Болгарии, Венгрии, Польши, Кубы — такие же отзывы. От своих энергетиков со времен строительства Каширской электростанции тоже нареканий нет. Завод — первое в городе предприятие коммунистического труда. А тут — на тебе, сюрприз. Срочно командируем самолетом в Закавказье представителя ОТК. И знаете, что он обнаружил? Изолятор «вылетел», верно. Только если бы закавказцы взглянули на заводское клеймо, то увидели бы дату его изготовления: 1932 год. Прослужил наш изолятор почти сорок лет!

— А сколько ему служить положено?

— Гарантийный срок — два года.

* * *

На столе у секретаря Славянского горкома партии Виктора Ивановича Нестеренко лежит тоненькая папка. Это тезисы. Он готовится к отчету на бюро Донецкого обкома. В папке скупые строки фактов, лаконичные выводы. В тезисах доклада секретаря горкома энергетикам отведено особое место. На странице, где говорится об этой отрасли, я прочитал слова: «Ленинские трассы». Так здешние рабочие назвали линии высоковольтных электропередач, для которых они поставляют арматуру.

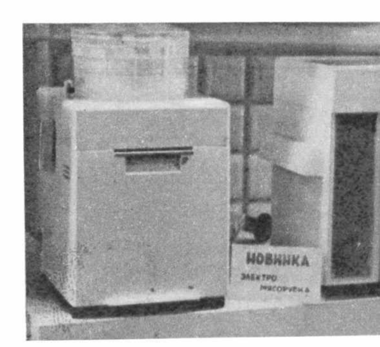
Воз

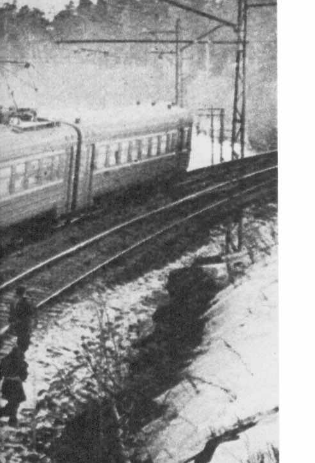
Профессия наша сравнительно новая. Называют нас контактниками. Чтобы электровоз мог двигаться, он должен иметь постоянный контакт с проводом, по которому подается электронапряжение. Вот мы и следим за тем, чтобы этот контакт не нарушался. На железнодорожном транспорте существуют обходчики путей на земле, а мы, если так можно выразиться, обходчики воздушные.

О возможности замены в России паровозов электрическими машинами мечтал Ленин. Есть в ленинских письмах такие строчки: «...Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то, может быть, будет возможна через 5—10 лет? может быть, на Урале возможна?» План ГОЭЛРО конкретно предусматривал электрификацию нескольких железных дорог.

Сейчас мы привыкли к тому, что через весь Урал проходят электрифицированные магистрали, что наша страна на первом месте в мире по протяженности электрических железных дорог. А тогда сколько их было, проблем, перед голодной, полуразрушенной страной, задумавшей электрифицировать железные дороги! Я не знаю, как выглядел в 1925 году первый в стране электрифицированный участок железной дороги Баку — Сабунчи — Сурханы, не разговаривал я и с товарищами, пускавшими первые электропоезда от Москвы до Мытищ. Но многие из тех, кто работает рядом со мною, рассказывали о недавнем

Домашняя забота киловатта

РСФСР, УРАЛ

Бригада контактников прибыла на место повреждения. Через десять минут здесь должен пройти поезд.

Владимир ЛУМПОВ, электромеханик

Фото Д. УХТОМСКОГО.

ДУШНЫЕ ОБХОДЧИКИ

Напряжение — 3 300 вольт. Работает электромеханик В. Лумпов.

прошлом нашей Южно-Уральской железной дороги. В 1944 году началась электрификация одного из самых трудных по профилю участков Транссибирской магистрали — Челябинск — Златоуст. Опоры делались из стволов деревьев, которые рубили тут же, неподалеку от полотна. Во многих местах приходилось ставить лигнофолевые изоляторы. Какая уж тут изоляция — в дождь или в туман вдоль линии был настоящий фейерверк, возникали пожары...

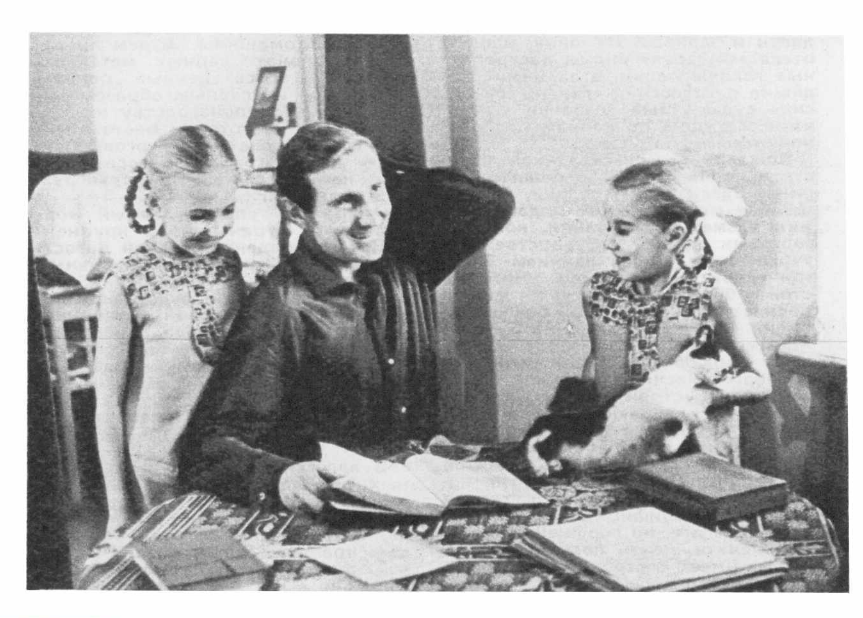
Перегон, который мы сейчас обслуживаем, или, говоря по-нашему, 21-я дистанция контактной сети, находится между станциями Чернявская и Пивкино — считая от Москвы, это 2 137-й и 2 164-й километры. Сам я здешний, вырос недалеко от станции Чернявская, в селе Канаши. Дед был машинистом, отец работал слесарем в железнодорожных мастерских. Не удивительно, что меня с детства тянуло к железной дороге. Только я мечтал о какой-нибудь необычной профессии, более сложной, чем у отца и деда. Я был мальчишкой, когда ставили вдоль железной дороги мачты опор и подвешивали провода, в путанице которых, казалось, невозможно было разобраться. Смотрел я на эти провода разинув рот, восторженно и изумленно. И когда дело дошло до выбора работы, я пошел на контактную сеть, «верховиком»,— здесь и знание электротехники, и опасность, оперативность, сноровка, быстрота...

Как-то был такой случай: поздно вечером нас вызвали на 1 152-й километр. Оказалось, что грузовой поезд, который шел со стороны Кургана, пережег контактный провод. Упали две опоры, полтора километра подвески было сорвано электропроводов. Первым делом мы убрали обрывки провода, дали напряжение, чтобы выпустить с перегона потерпевший аварию состав. И через два часа движение в самом центре Транссибирской электромагистрали было восстановлено. Но еще несколько часов мы висели на проводах, а электровозы проходили внизу по инерции, с опущенными пантографами. В тот же день установили опоры и подвесили и натянули новые провода.

Это самая большая на моей памяти авария, и произошла она более десяти лет назад. Наша обязанность — следить за тем, чтоб аварий не было. Время рассчитывается по секундам, поезда мчатся один за другим. Вот и успевай в короткие промежутки произвести ремонт, заменить или отрегулировать оборудование. Только начинаешь работать, а сигналист уже сообщает по рации: «Идет поезд!» Срочно все закрепляешь, спускаешься вниз и убираешь с путей передвижную вышку. Поезд прошел, опять забираешься к проводам, а через несколько минут снова сигналист тревожит. Бывает, что негде согреться, пообедать. Ребята шутят: контактники круглый год на сухом пайке.

Но мне такая работа нравится. Я был монтером, бригадиром, а сейчас работаю старшим электромехаником. Скоро закончу техникум, думаю поступить в институт, но уходить с дистанции не собираюсь: с каждым годом работа у нас становится все интереснее.

А впереди — трудный зачет!

...Электроплитка, настольная лампа, телевизор, электрозажигалка, камин, кофеварка, ну, пожалуй (если, конечно, кто найдет в магазине), электросамовар... Куда еще в нашем доме направляет свою силу электричество? Специалисты рижского завода «Страуме» доказали, что область приложения электроэнергии в быту более разнообразна. Сделали посудомоечную машину: и чашки, и тарелки, и какую иную кухонную утварь уложи в корзинку, нажми кнопки — шесть—восемь минут требуется, чтобы отмыть их дочиста.

Много бытовых электроприборов сделано на «Страуме». Электрический фонарик-сувенир, зубная электрощетка, электрозажигалка. И еще миксер. Закладывают мороженое, наливают немного сока, молока, опускают апельсин, и через минуту готов ароматный коктейль. Прибор исправно служит для взбивания, растирания, смешивания продуктов.

«Страуме» начинает делать хорошие кухонные электрокомбайны, электросоковыжималки, электромясорубки, электроножницы. Но вот беда — мало таких изделий на прилавках. Я побывал на недавно отшумевшей оптовой ярмарке хозяйственных товаров и узнал, что все эти приборы выпускаются в более чем скромных количествах — четыре, сорок, двадцать тысяч: капля в океане устойчивого спроса! Здесь же, на ярмарке, разговорился с М. К. Симуни, директором магазина «1000 мелочей».

— Наш магазин, только он один, мог бы, полагаю, реализовать едва ли не всю годовую продукцию «Страуме». Малы тиражи...

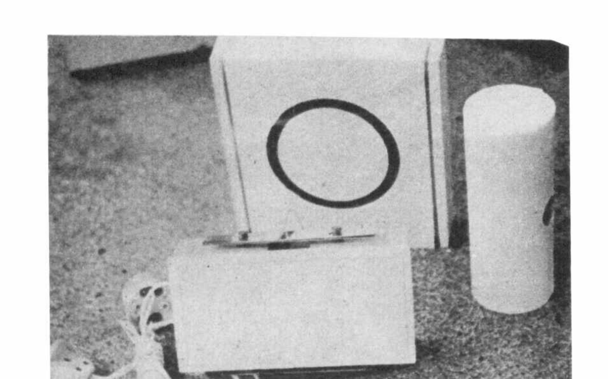
Рижский завод — не единственный, делающий домашние электроприборы. Электроутюги и паяльники, токарный станочек, мелодичные звонки «бимбом», стиральные машины, электродрели, гладильное устройство «элегант», электроодеяла, электрошашлычница — разве назовешь все, что появилось в производственных программах различных предприятий только в последнее время? Любопытный и полезный аппарат «молния». За минуту-полторы он надежно сваривает полиэтиленовые пакеты — удобно для дома. Но за весь 1970 год таких «молний» предполагают выпустить всего... 4 000 штук.

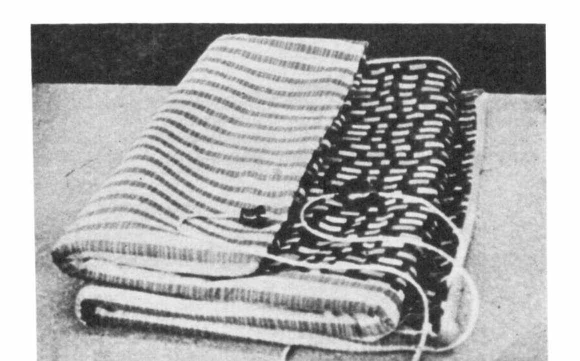
Все виды сварки и резки металла — забота другого прибора: «адз-50». А если заметить, что он может также производить подзарядку автомобильных аккумуляторов, то понятно, как «ловят», ищут его автолюбители и владельцы мотоциклов. Но — та же беда — мало пока выпускают бытовых сварочных аппаратов. И второй их недостаток — они работают только от сети тока напряжением 220 вольт. А как быть тем, у кого 127-вольтное? Электропромышленность почти полностью перешла на выпуск 220-вольтных приборов, совершенно «забыв» о том, что значительная часть городских домов по-прежнему подключена к 127-вольтной сети.

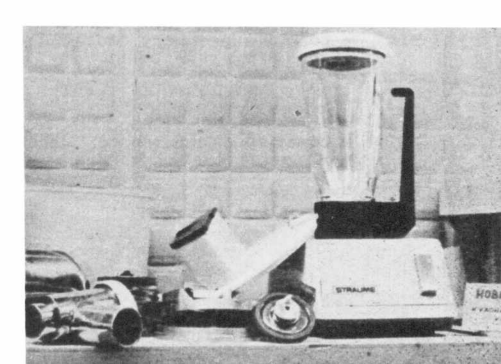
Магазины ждут, требуют от промышленности: дайте больше разных и хороших электроприборов!

К. КОСТИН

Фото Г. Санько.

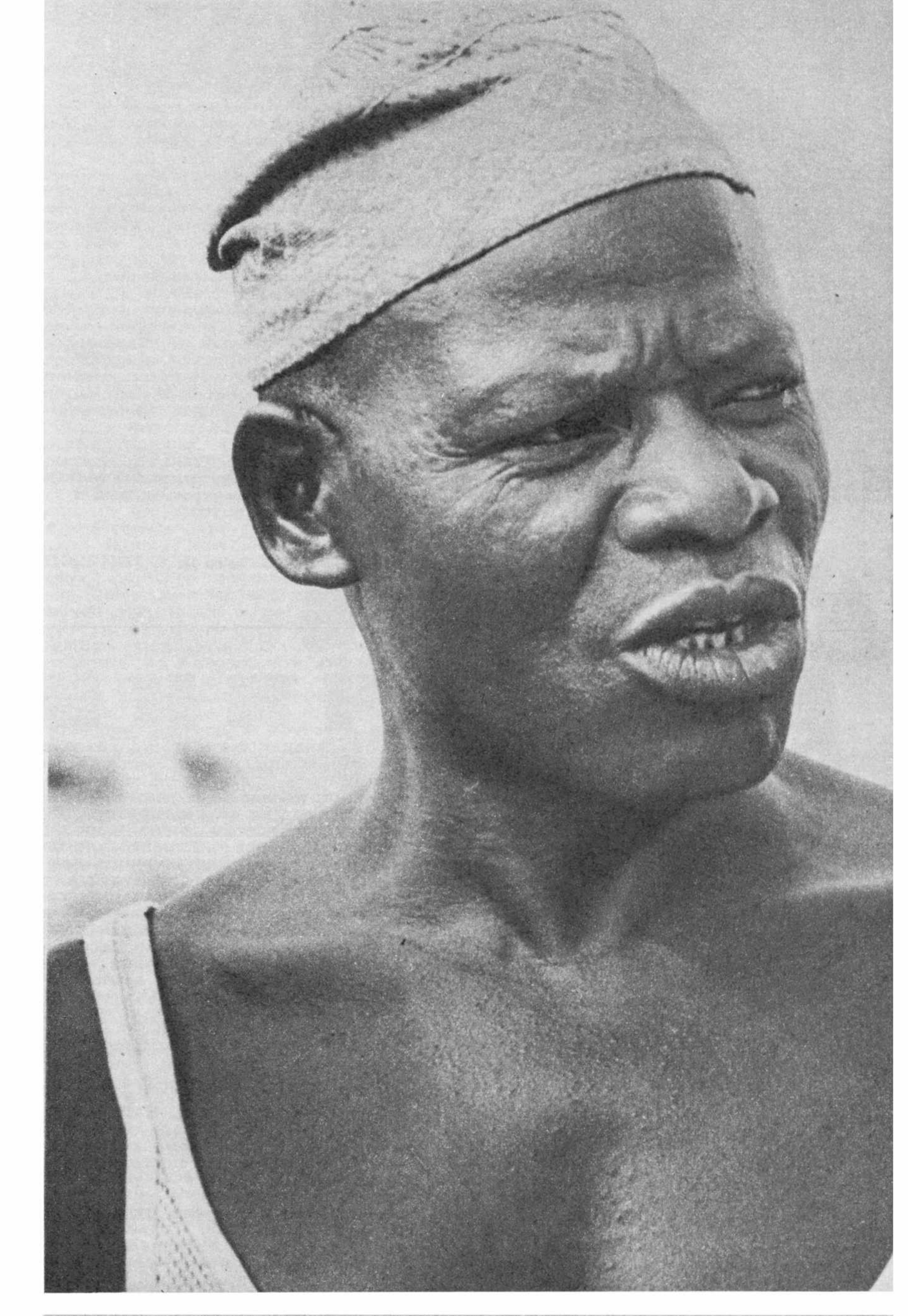

Алексей ГОЛИКОВ,
Валерий КОТОВ

Фото А. Голикова.

„МОСКВИЧ" ЗА НИГЕРОМ

Лагос — столица Нигерии — расположился на трех островах среди лагун и заливов. Из окна нашего отеля «Федерал» видны растрепанные головы пальм, а за ними входящие в лагосскую гавань океанские суда, утлые рыбачьи лодки, яхты, бегущие по волнам под разноцветными парусами.

Пожалуй, самая красивая магистраль в Лагосе — набережная Марина. Здесь масса зелени, современные многоэтажные здания. В них размещаются банки, конторы торговых фирм, государственные учреждения. Перед зданием Электрической корпорации Нигерии стоит бронзовая фигура грозно поднявшего над головой боевой топорик. Это — изображение бога огня и молнии Шанго.

Нигерия обладает большими гидроэнергетическими ресурсами. Уже закончено строительство первой очереди гидроэлектростанции Каинджи на Нигере. Дальнейшее ее сооружение задерживает война, которая тяжким бременем ложится на страну. Тормозит развитие национальной экономики и острая нехватка квалифицированных кадров. В Лагосе, по сообщению местной печати, почти половина жителей не имеет постоянной работы. А газеты то и дело печатают объявления с предложением вакантных должностей инженеров, бухгалтеров, чиновников, квалифицированных рабочих...

Правительство Нигерии прилагает значительные усилия для подготовки национальных кадров. В западных штатах страны, например, введено обязательное бесплатное начальное обучение. В Лагосе мы побывали в женской школе. Директор школы мисс Промила Шоу приехала в Нигерию из Индии. Она любезно показала нам классы, учебные кабинеты, познакомила с преподавателями.

В школе — это вторая ступень, с 6-го по 10-й класс — проходят 20 предметов. В том числе английский и французский языки, машинопись, стенографию, домоводство. Мисс Шоу пригласила нас в свой кабинет.

— Среди наших учениц есть очень одаренные,— говорила мисс Шоу.— Они, видимо, будут учиться дальше, станут учительницами, адвокатами, врачами... Наша школа носит имя замечательной нигерийской женщины Оити Айо. Она была известным просветителем...

* * *

Открытие прямого воздушного сообщения между Москвой и Лагосом явилось большим событием в жизни страны, будет способствовать расширению торговли между обеими странами.

— Сейчас,— рассказал торговый советник советского посольства Карим Мадиевич Магиев,— мы продаем Нигерии энергетическое оборудование, бетон, сахар, медикаменты, автомашины. Будем продавать и прокат черных металлов. Закупаем здесь ценные породы древесины и главным образом какао-бобы. По производству их Нигерия стоит на втором месте в мире. Теперь советские торговые суда — частые гости в Лагосе. Сегодня, например, приходит сухогрузное судно «Мга».

Апапа не только главный морской порт страны, но и крупнейший промышленный район Лагоса. Здесь дымят трубы автосборочных и авторемонтных мастерских, судостроительной и судоремонтной верфи, маргариновой фабрики, мыловаренного завода, завода по производству пальмового масла. На этих предприятиях работает несколько тысяч человек — передовой отряд рабочего класса Нигерии. Он не раз выступал против колонизаторов и местной буржуазии.

В лагосском порту у бесконечных причалов выстроилась вереница судов. Грохочут лебедки, сигналят автопогрузчики, неутомимо двигаются стальные руки портальных кранов. Ветер с океана развевает флаги почти всех стран мира. Среди них мы находим алый, с серпом и молотом.

Теплоход «Мга» принадлежит Эстонскому морскому пароходству. Порт приписки — Таллин. Капитан «Мги» — потомственный эстонский моряк Ганс Лухт.

— Мы плаваем по африканской линии,— рассказывает он.— Бываем почти во всех портах Африки. Нынче заходили в Касабланку. Туда доставили оборудование для электростанции. В Лагос привезли цемент и автомобили «Москвич».

— Какой груз заберете?

— Древесину и какао-бобы.

Мы познакомились с работой компании ВААТЕКО, которая продает тут советские автомобили. Капитал этой компании — смешанный, советско-нигерийский.

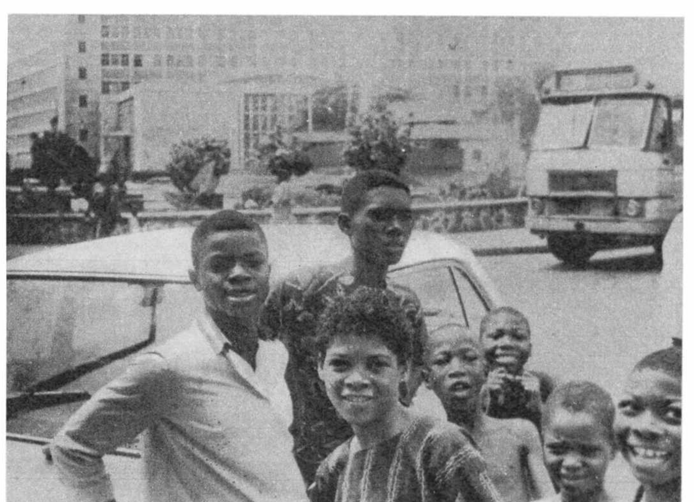
— Рынок здесь емкий,— рассказывает генеральный директор компании Дэви Вартанович Дарчиев,— но конкуренция жесточайшая. Ее с успехом выдерживают наши «Москвичи» и грузовики «МАЗы». Они пользуются спросом у нигерийцев. Автомехаников приходится подготавливать. Посылаем нигерийцев учиться в Советский Союз. Это, конечно, дороговато, но отдача получается хорошая. Нигерийцы приобретают высокую квалификацию и работают хорошо.

Энергией и энтузиазмом светятся лица нигерийцев, с которыми нам довелось встречаться в этой стране. Нас сближают не только воздушные трассы, не только взаимные экономические интересы, нас сближает нечто большее — дружба между нашими народами

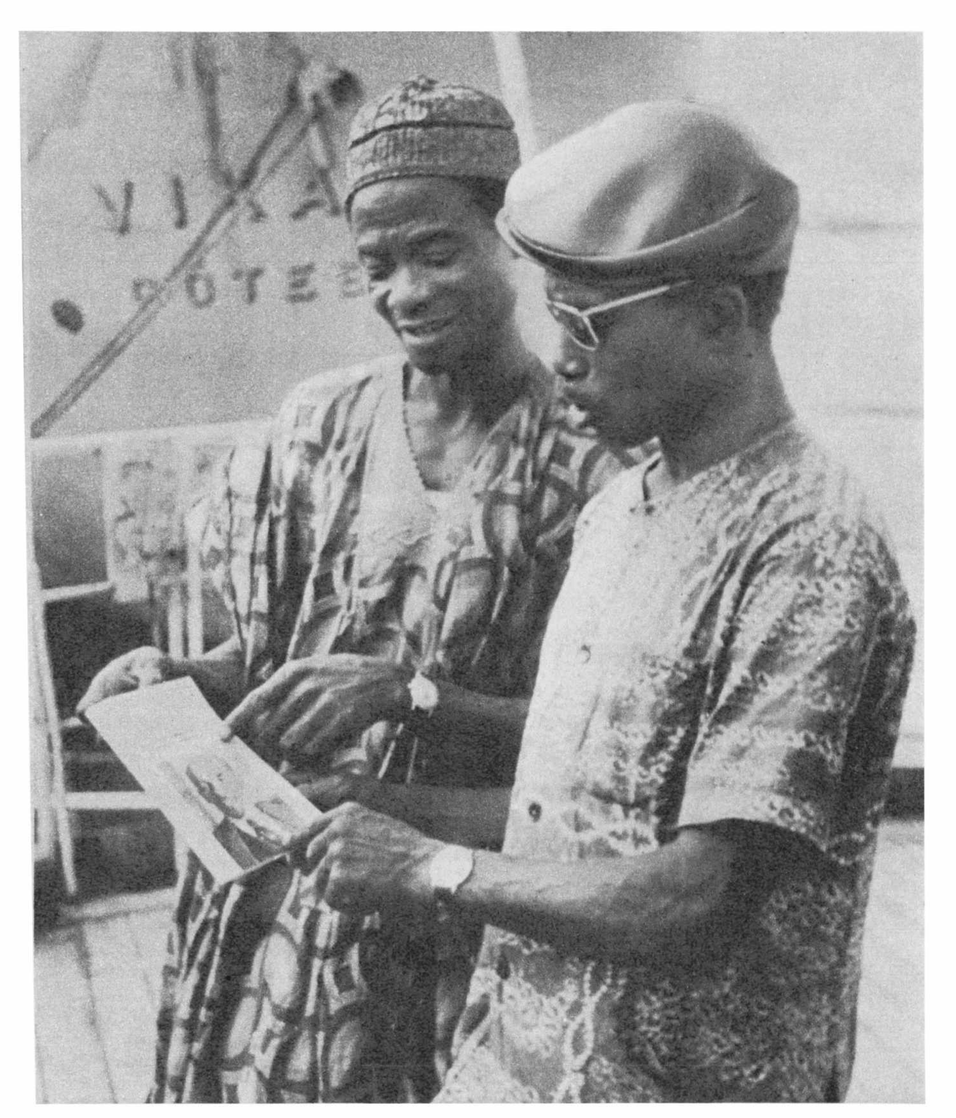
Набережная...

Дети везде любопытны: «Кто вы!.. Откуда приехали!..»

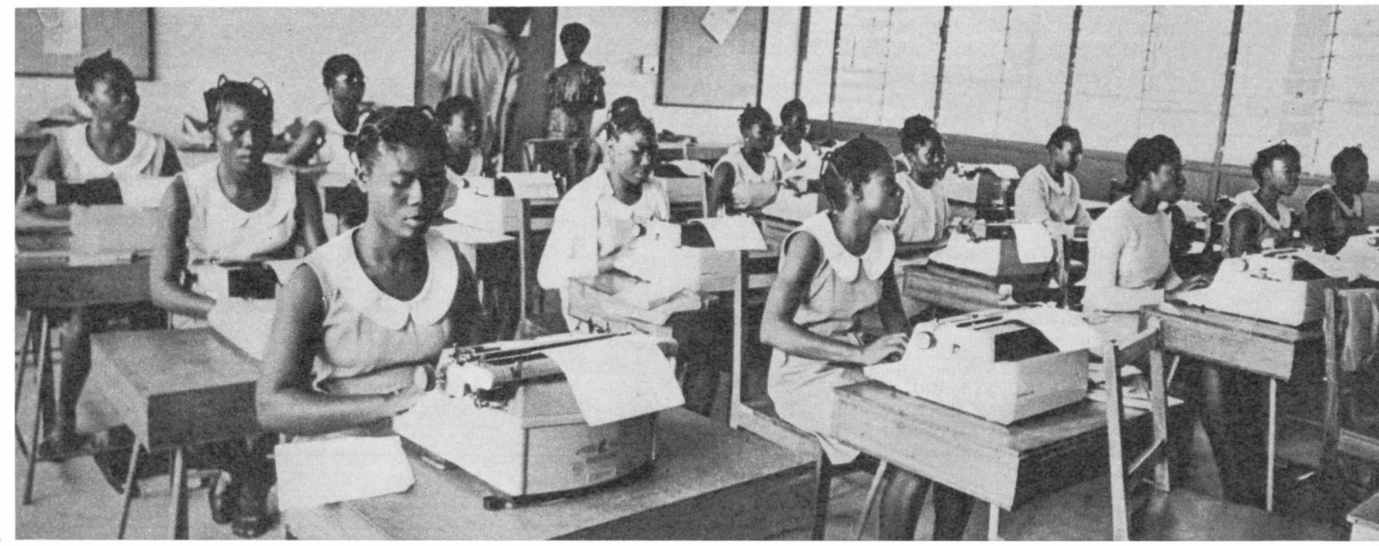

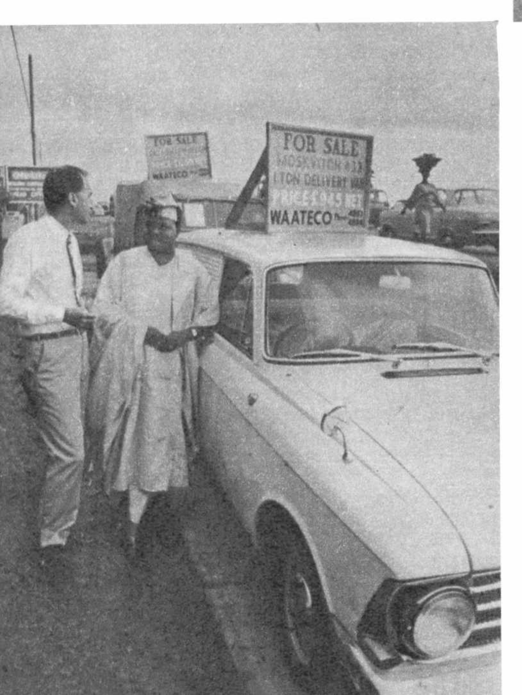
Много мы встречали в Лагосе мужественных и сильных людей. Грузчик Олуш.

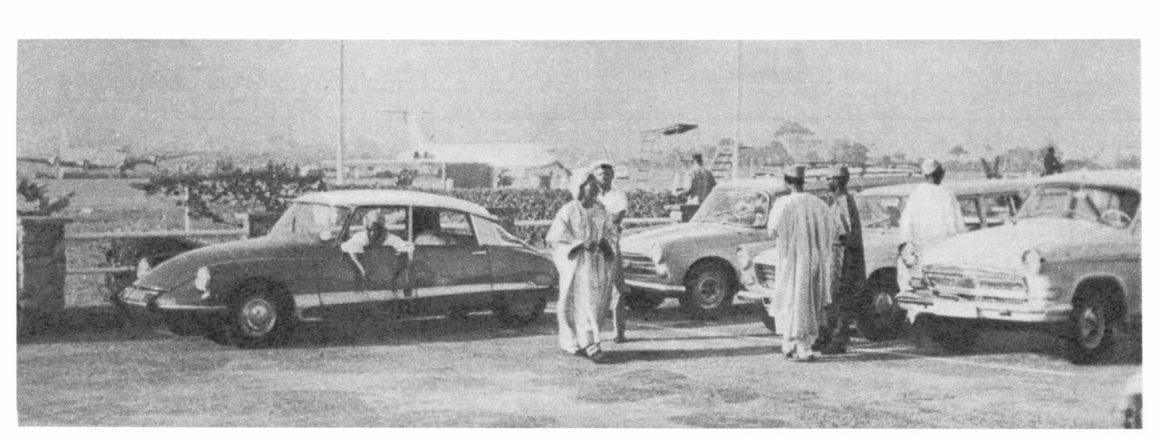
Портовые рабочие Акиола и Биони. Читают Ленина.

Урок машинописи в женской средней школе.

Генеральный директор советско-нигерийской компании по продаже автомобилей ВААТЕКО Д. В. Дарчиев и президент компании господин Дюрушаро. «Москвичи» здесь популярны.

«ИЛ-62» в международном аэропорту столицы Нигерии.

Николай АСАНОВ,

Юрий СТУРИТИС

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

26

Эал с бешеной скоростью вел машину на юг Западной Германии, к австрийской границе. Шоссе, как это часто делали американцы в своей зоне, было закрыто для частного транспорта на неопределенное время.

Они уже пересекли несколько дамб, по обеим сторонам которых простирались хмурые болота с чахлой растительностью. Снег давно стаял, но воды было хоть отбавляй, а во многих местах болота были сплошь залиты, только мхи, кое-где выступавшие из воды, показывали, что тут все же есть земля.

Эал поглядывал искоса на своего спутника, пытаясь угадать по его лицу, как тот оценивает местность, на которой должны проходить «маневры». Но Лидумс так много бродил по болотам и такой вот запоздалой весной, и осенью, и летом, и зимой, что смотрел на этот дикий уголок без особого любопытства. Его больше занимало: зачем его пригласили на эти «маневры»?

Машина внезапно свернула с государственного шоссе на узкую дамбу и нырнула в лесок. Это было относительно высокое место, в своем роде остров. И скоро в лесу показались строения.

— Приехали! — с облегчением сказал Эал.

Перед ним было нечто вроде охотничьего домика, затерянного в густом, хотя и низкорослом лесу. «Домик» этот был двухэтажный и окружен службами: гаражами, кухней, конюшнями, столовыми, общежитиями, и вокруг всех этих служб суетились люди в военной форме, по-видимому, низшие чины, а на веранде двухэтажного дома сидели офицеры, курили, пили кофе, некоторые стояли, склонясь над длинными столами с расстеленными на них картами.

Когда машина остановилась, из дома вышел полковник, в котором Лидумс еще в первую встречу предположил руководителя шпионских школ, созданных в Западной Германии американцами, Росса. Он дружески протянул руку Лидумсу, приветствуя:

— Рады видеть вас в Бад-Тельце, мистер Казимир! Пройдемте в дом.

Эал поручил солдату чемоданы, свой и Лидумса, и пошел с ним в дом с черного хода. Росс, дружески взяв Лидумса под руку, провел его на веранду.

— Господа, мистер Казимир — представитель английской секретной службы.

Казимир увидел несколько лиц, которые запомнил с первой встречи с американцами. На этот раз все они были в форме, да и сам он надел тренировочный костюм, как посоветовал Эал.

Но было много и незнакомых военных, от молоденьких лейтенантов до седых полковников. Был даже один генерал с плотным, мясистым лицом и тщательно ухоженными усами.

— Виски? Мартини? — спросил Росс, подводя Лидумса к стойке бара.

— Пожалуй, виски, — улыбнулся Лидумс.

— Да, вы ведь привыкли к водке! — улыбнулся Росс. И предупредил: — Обедаем в четыре, после окончания операции.

— Простите, но не скажете ли вы мне, на что я должен обратить особое внимание? Я ведь человек новый, — попросил Лидумс.

— От вас нет секретов. Через час начнется высадка десанта.

— В это болото? Брр...

— А где вы спасаетесь от ваших противников у себя на родине?

— Увы, тоже в болотах. Но мы хоть заранее разведываем их.

— Вот этим и займутся наши парашютисты! Разведают и скроются от условного противника.

— А противник тоже выбросит десант?

— Нет, местность уже освоена. Противник попытается выбить десантников из болота и взять их в плен или «истребить».

— И на сколько дней рассчитана эта операция?

— На десять дней.

— А нельзя ли мне принять в ней участие?

— Я так и знал, что при вашем деятельном характере вы обязательно захотите принять участие в операции! — рассмеялся полковник. И обернулся к офицерам: — Господа, мистер Казимир изъявил желание участвовать в маневрах! Не хотите ли взять его в посредники?

Офицеры столпились вокруг Лидумса и Росса.

— Беру с удовольствием! — воскликнул один, оглядывая крупную фигуру Лидумса.

— А я бы с удовольствием взял его помощником в свою роту! — отозвался другой.

— Да, такому великану это болото по колено! — засмеялся третий.

В углу заработал телетайп. Оператор оторвал ленту депеши и передал генералу. Генерал поднялся, отрывисто сказал:

— Господа офицеры, высадка десанта через двадцать восемь минут!

Офицеры разбирали фуражки, оружие и покидали веранду. Росс дружески предложил Лидумсу:

— Мы с вами поднимемся на смотровую вышку. Это будет интересное зрелище!

Он взял фляжку, оглядел форму Лидумса.

— Вышка открытая, вам не будет холодно?

— Ну, в этом костюме можно спать зимой на снегу! — И пока они поднимались по узкой лестнице, рассказал, как его соученик потребовал от Эала обязательно снабдить его таким костюмом. — Как видите, доверие к качеству вашей тренировочной формы самое высокое!

На вышке собрались все свободные от приема десанта офицеры.

Тяжелый гул самолетов наполнил окрестности. Они заходили с юга и пристраивались в хвост один другому.

Откуда-то из болот в небо поднялась красная ракета. И тотчас же из первого самолета посыпались мелкие фигурки или свертки, а может, и то и другое, и над ними начали вспыхивать белые цветки парашютов. Это зрелище массового десанта — Лидумс не мог не признать — выглядело внушительно. Самолеты освобождались и уходили, а в небе все увеличивалось число парашютов.

Но вот и люди и грузы стали приземляться (скорее, приводняться), парашюты гасли, и через пятнадцать минут после высадки десанта ничто не напоминало о том, что тут скрывается не меньше роты парашютистов, вооруженных — Лидумс это знал — не только автоматами и ножами, но и стомиллиметровыми безоткатными орудиями, и минометами, и автомобилями, способными двигаться и по шоссе и по болотам. И мысль о том, что нечто подобное может однажды случиться у него дома, на родине, была весьма неприятна.

Солдаты, дежурившие у раций, то и дело подавали полковнику Россу радиограммы, и тот, одобрительно кивая, приказывал:

— Передайте им мою благодарность!

Но вот поступило последнее донесение, полковник обвел офицеров торжествующим взглядом.

— Операция окончена. Прошу, господа, к столу!

Все, кроме дежурных, спустились с вышки.

Если для рейнджеров и младших командиров учения были приближены к условиям военных действий, то старшие офицеры и посредники чувствовали себя в этом доме, как на даче. Был подан отличный обед, много свежей дичи — это уж постарались егеря, обслуживавшие охотничий домик, — много вина и виски.

Полковник усадил Лидумса наискось от себя и то и дело заговаривал с ним. Но Лидумс был настороже: пил мало, вопросов не задавал, лишь слушал да кратко отвечал, когда обращались к нему. Он все время ждал какого-нибудь подвоха, если не со стороны полковника или генерала, то со стороны младших офицеров, поглядывавших на чужака с любопытством, но в то же время свысока.

На болоте не было слышно ни звука. Изредка раздавались птичьи крики: перекликались дозорные. Полковник прислушался к этим крикам и с удовольствием сказал:

— А мы уже окружены! Пусть «синие» выставят дозоры!

Два или три офицера вышли из-за стола, где-то зазуммерил полевой телефон, и тотчас из-за зданий выбежали два взвода рейнджеров в прорезиненных костюмах, в высоких сапогах, с автоматами на шее и с гранатами у пояса. Одни из них тут же

Продолжение. См. «Огонек» № 43-50.

исчезли в заранее отрытых окопах, другие спустились с дамбы в болото и скрылись в камышах.

Полковник обратился к Лидумсу:

— Мистер Казимир, как вам понравился десант?

— Это было великолепно!

— А вы знаете, им придется провести в этом болоте десять дней, отбивая атаки и атакуя, передвигаясь с места на место и не имея никаких запасов пищи, кроме НЗ — так называемого неприкосновенного запаса. Но рейнджер, сохранивший свой неприкосновенный запас пищи в этих условиях, после окончания учений получает дополнительный двухнедельный отпуск, о чем они читали в приказе. Можете представить себе, как они будут беречь этот НЗ?

— Еще бы! — улыбнулся Лидумс.

— Господин полковник, разрешите задать вопрос нашему гостю? — спросил кто-то из более молодых офицеров.

— Пожалуйста! — милостиво кивнул полковник, но тут же добавил: — Но имейте в виду, господин Казимир имеет право не отвечать на вопросы, если они затрагивают интересы той службы, которую он представляет...

— Нет, нет, это скорее относится к области домашних споров! — включился в разговор другой офицер.

Лидумс внимательно оглядел его: майор лет сорока, вероятно, захвативший еще конец войны, по-видимому, типичный служака. Вряд ли его вопрос может быть опасен. Лидумс с интересом ждал. А майор, с усмешкой глядя на Лидумса, заговорил:

— Мистер Казимир не скрывает, что представляет разведку дружественной страны. Мне хотелось бы знать, есть ли у мистера Казимира люди, которые могли бы принять участие в подобных маневрах без особого риска утонуть в болоте или умереть с голода?

— Что вы скажете, мистер Казимир? — лукаво усмехнулся полковник.

Лидумс видел со всех сторон насмешливые глаза, а на некоторых лицах и прямо издевательскую улыбку. Да, эта сценка была, видно, срепетирована заранее. Он широко улыбнулся, отставил бокал и сказал:

— Жалею, что у меня под рукой нет моих людей. Но... — он вынул из кармана пачку денег, врученных ему Малым Джоном, и положил ее на стол, — ...я готов держать пари на все мои карманные деньги, что вы, майор, не рискнете повторить мой опыт. А я сейчас, с вашего, полковник, разрешения, надену такой же костюм, как у ваших парашютистов, получу необходимое оружие и НЗ, попрошу вас присоединить меня к любому взводу и вернусь в день окончания маневров, не истратив своего неприкосновенного запаса, после чего получу в поощрение двухнедельный отпуск...

Он, улыбаясь, смотрел на вытянувшиеся лица офицеров. Полковник предостерегающе кашлянул. Майор, стараясь не замечать недоброго взгляда полковника, небрежно спросил:

— И много у вас этих карманных денег?

— Право, не знаю, вероятно, марок пятьсот!

— Ого! — воскликнул кто-то из младших офицеров.

— Я запрещаю это пари! — торопливо воскликнул полковник.

— Почему же? — спросил Лидумс. — Вы пригласили меня на учения, и мне крайне интересно, соответствуют ли эти условия тем, в которых я прожил последние несколько лет.

— Вы слышите, Айрон? — сухо сказал полковник. — Несколько лет!.. А вы всю жизнь, даже и на войне, ходили по асфальту! Должен сказать, мистер Казимир, что майор Айрон занимается всего лишь снабжением. Извините его запальчивость!

— Но пари! Пари! — закричали сразу несколько голосов.

— Будем считать, что майор Айрон проиграл это пари. В день окончания маневров майор устраивает обед в честь нашего гостя, — жестко сказал полковник.

— Согласен! — сухо ответил майор.

Теперь Айрон поглядывал на Лидумса несколько испуганно. Зато молодые офицеры сразу после окончания обеда окружили гостя. Им хотелось знать: как *можно* прожить в лесах и болотах несколько лет?

— В болотах есть съедобные растения и птицы, в реках есть рыба, в лесах и птица и зверь. Надо только уметь взять их, — шутя отвечал Лидумс.

— Но если нельзя стрелять, как вы возьмете зверя и птицу?

— Вероятно, так же, как берут их ваши люди, — при помощи силков и сетей. А рыбу можно поймать...

— У нас этому обучают специальные инструкторы, кто же обучал вас?

— Голод! — усмехнулся Лидумс.

— И долго вы были в лесах?

— Достаточно долго, чтобы научиться устраивать сухой ночлег и в таком вот болоте и разводить огонь так, чтобы не ощущалось даже запаха. Наши «синие» умеют нюхать дым и за два и за три километра...

— Ну, сегодня у рейнджеров легкий день! — сурово заметил полковник. — Посмотрите, что будет тут завтра, когда начнется облава.

Ему, должно быть, не понравилось, что офицеры так заинтересовались Лидумсом. Лидумс заметил, как он сделал знак Эалу. Молодой разведчик тотчас предложил:

— Позвольте показать вам вашу комнату...

— Но еще рано, Эал! — запротестовали офицеры.

— Мне пора на дежурство. А мистер Казимир может еще спуститься к вам, если

вы не торопитесь на отдых. Но завтра тяжелый день.

Лидумс пошел за ним.

Как видно, полковник решил, что Лидумсу больше не следует спускаться вниз. На столике у кровати стояли бутылка виски в ведерке со льдом и кофе в термосе. Рядом — чашка и бокал. И тут же лежали газеты.

27

Утром Лидумса разбудил гул вертолетов.

Небольшие вертолеты опустились во двор усадьбы. Как только вертолет выключал моторы, его откатывали в угол двора, и на его место садился новый. Всего приземлилось пять машин.

Зазвонил телефон: мистера Казимира приглашали к завтраку.

Завтрак уже кончался, за столом сидели полковник, майор Айрон, Эал и еще несколько человек. Большинство офицеров, которых Лидумс видел вчера за столом, уже разошлись.

Полковник встретил Лидумса любезно, сам напомнил о том, как Айрон проиграл пари, затем пригласил сопровождать его в посредническом облете «сражающихся» сторон. Лидумс торопливо поел, выпил кофе, и все вышли во двор.

Для полковника был приготовлен четырехместный вертолет. С ним летели Лидумс, Айрон и Эал.

С болот доносилась все усиливающаяся стрельба. Сначала стреляли автоматы, потом в бой вступили минометы. Затем гулко «заработали» безоткатные орудия. Полковник, с удовлетворением прислушиваясь к нарастающим звукам «боя», сказал Лидумсу:

— «Синие» начинают выжимать «зеленых» из болота. У «зеленых» задача — продержаться хотя бы пять-шесть дней в пределах вот этой площади! — Он показал на карте обведенную красным карандашом полосу болот и речных пойм с небольшими водоразделами примерно десять на десять километров. На водоразделах были отмечены тощие гривки леса.

Вертолеты посредников показывались то в одном, то в другом месте. «Бой», должно быть, рассредоточился, и принимали в нем участие только маленькие группки. Правильнее было бы назвать это «разведка боем».

Лидумс отмечал про себя, что стоянки десантников замаскированы ловко. Если где-нибудь и виднелось нечто похожее на боевую позицию, то скорее всего она была ложной.

Они облетели все болото, так и не увидев ни атакующих, ни атакуемых, и возвращались назад, как вдруг прямо под собой заметили дымки минных разрывов. Десантники, скопившись у самой дамбы, пытались атаковать усадьбу, где расположился штаб «синих».

Дымовые шашки, имитировавшие разрывы мин, достигали уже усадебного двора. И по болоту и по дамбе бежали люди в зеленых маскировочных костюмах. Они уже почти достигли двора, когда с разных сторон затрещали станковые пулеметы, и офицер-посредник с белым флагом в руке остановил атаку как «захлебнувшуюся». Теперь «зеленые» отступали в болото, а «синие» в таких же буро-зеленых костюмах, но с белыми повязками на рукаве преследовали их.

Но в болото «синие» не полезли, опасаясь, должно быть, засады. Они швыряли гранаты, вероятно, со слезоточивым газом, так как несколько запоздавших отступающих бежали теперь, как слепые, и за ними охотились «синие», хватая их, связывая, выгоняя обратно на дамбу. Атака больше не повторилась, и «пленные» понуро брели, погоняемые ударами прикладов. На взгляд Лидумса, удары были довольно сильные. Вот упал один, другой. Их поволокли за руки, не скупясь на тычки и пинки.

Вертолет приземлился на дворе усадьбы. К нему подбежал сияющий офицер и доложил полковнику:

— Атака «противника» отбита. Захвачены «пленные». Приступили к допросу!

— Благодарю! — козырнул полковник и, обернувшись к Лидумсу, спросил: — Хотите присутствовать при допросе «пленных»?

— Буду рад.

Они прошли к пустым конюшням, откуда вдруг раздался дикий крик. Лидумс невольно замедлил шаги. Полковник обернулся и с улыбкой сказал:

— На войне как на войне! Ведь будущий противник применит против пленных пытки! В следующий раз они постараются не попадаться!

В конюшне на бетонном полу валялись трое связанных по рукам и по ногам «пленных». Один, с которого одежда была сорвана, лежал привязанный на скамье. За столиком сидел стенографист. Допрашивающий офицер доложил полковнику:

— Солдат Дженкинс. Третий год службы. Психически слаб. В первые пять минут допроса третьей степени дважды терял сознание. Предлагаю сделать укол скополамина, может быть, удастся обойтись без других средств побуждения.

— А как эти?

— Психологическая подготовка к допросу. Пытались протестовать против средств принуждения, примененных к Дженкинсу, пришлось заткнуть им глотки.

— Национальность?

— Литовец, латыш и немец.

— Если созреют для показаний, доложите мне!

— Слушаюсь!

— Пойдемте, мистер Казимир! Это первая стадия допроса, она малоинтересна. Позже, когда обработка будет закончена, можно послушать, как они станут лгать, чтобы отвести от себя обвинение в предательстве и в то же время избежать новых приемов допроса третьей степени...

Они вышли из этой странной камеры пыток, где свои пытали своих, и Лидумс невольно спросил:

— Неужели нельзя обойтись без этой третьей степени? Ведь это же военная игра!

— Их работа давно уже перестала быть военной игрой! — жестко сказал полковник. — Нам нужны безусловно преданные люди. И потом они должны знать, что произойдет с ними при попытке сдаться в плен. Впрочем, пройдемте ко мне, я вам кое-что расскажу об этих наших войсках...

28

Полковник действительно не стал скрывать особенностей системы обучения подчиненных ему подразделений.

Общая картина создания войск специального назначения при военном министерстве США оказалась достаточно мрачной.

Уже в январе 1951 года американский сенат одобрил законопроект, разрешавший военному министерству завербовать для службы в американской армии десять тысяч иностранцев в возрасте от восемнадцати до тридцати шести лет. Американский генерал Хэмлет в статье «Войска специального назначения готовятся к войне и миру» так писал об этих диверсионных отрядах:

«Подготовка в мирное время и действия в период «холодной войны» помогут подразделениям войск специального назначения достойно выполнить свою миссию, когда начнется настоящая война. Эти люди должны научиться и быть способными переносить лишения, приносить жертвы и работать в самых трудных условиях».

На авантюру Пентагона прежде всего откликнулась так называемая международная ассоциация перемещенных лиц. Уже в октябре 1951 года эта организация переправила в США двадцать пять тысяч человек — эмигрантов из разных стран. Большая часть «живого товара» была направлена в формирующиеся отряды специального назначения. Но... аппетит приходит во время еды, и Пентагон принялся расширять новые воинские подразделения.

Лидумс уже знал многое об этих частях и без рассказов полковника... Но повторение — мать учения!

Вся затея с созданием наемных армий была очень близка к созданию в Древнем Риме легионов из рабов-гладиаторов. Кое у кого из конгрессменов, вероятно, бродили в голове сходные мысли: почему бы не повоевать чужими руками, не пожертвовать в войне чужими головами? Но современные «гладиаторы» не спешили положить свои головы за благо бизнесменов... Познакомившись с порядками в новых военных лагерях, многие старались поскорее унести оттуда ноги, а некоторые становились профессиональными убийцами. Много шума наделали два рейнджера, дезертировавшие из лагеря Форт Брэгг, — Джордж Иорк и Джеймс Латан, которые за семь дней пребывания на свободе убили и ограбили семь человек...

Воспитание и обучение убийц было поставлено на научной основе. В программе подготовки предусмотрено не только изучение вероятного противника, но и исследование быта, обычаев и нравов тех народов и стран, где диверсанты будут действовать. Особое внимание уделялось физической подготовке, умению выжить в самых тяжелых условиях. Их обучали, как скрываться в любой местности, самостоятельно добывать продукты питания, строить укрытия с максимальным использованием местных средств.

Курс подготовки диверсантов разделен на три периода.

Сначала диверсантов обучают их будущим специальностям. Специалисты по вооружению изучают легкое и тяжелое оружие, от пистолета до стомиллиметрового безоткатного орудия, а затем стрелковое оружие армий социалистических стран. Подготовка связистов продолжается три месяца. За это время связисты должны овладеть техникой телефонной и радиосвязи, техникой подслушивания переговоров противника, радиопеленгацией средств связи противника, шифровкой и расшифровкой, пользованием кодами и таблицами. Диверсантов-подрывников обучают их специальности четыре недели. За это время подрывники должны освоить не только средства и способы подрыва различных объектов, но и способы применения местных химических и медицинских материалов для изготовления примитивных взрывчатых веществ. Диверсанты-медики учатся два месяца. Их учат оказывать первую медицинскую помощь в полевых условиях, делать несложные операции, определять зараженность радиоактивными веществами местности, продовольствия и людей.

Все это обязательные специальные познания.

Военные специалисты и различные ученые из военных научно-исследовательских институтов создали десятки разных видов вооружения для войск специального назначения.

И все-таки эти войска не принесли Пентагону ни одной победы... А ведь они принимали участие во всех новых колониальных войнах США, из которых Пентагон всегда выходил изрядно потрепанным. Однако ж новые миллиарды, ассигнуемые Пентагону правительством, позволяют ему снова и снова отращивать свои петушиные перья...

Конечно, полковник рассказывал о войсках специального назначения совсем не в этом тоне. Он восхищался умением Пентагона использовать любые возможности для наращивания своей «наступательной» мощи. Для настоящей оценки этих войск Лидумсу пришлось многое додумывать, искать позже другие источники, но главное он понял: американцы готовят крупные диверсионные подразделения для вторжения почти в любую страну мира и особенно заняты подготовкой подобных войск на случай войны с Советским Союзом. И Лидумс был весьма доволен тем, что сумел отправить из Западной Германии довольно большое письмо о местонахождении, способах подготовки и состоянии этих специальных войск. Он знал, что его предупреждение будет принято во внимание...

Окончание следует.

Широким проспектом пролегла через Волгу плотина ГЭС имени XXII съезда КПСС.

Геометрия электричества.

Мозг электростанции — диспетчерский пульт.

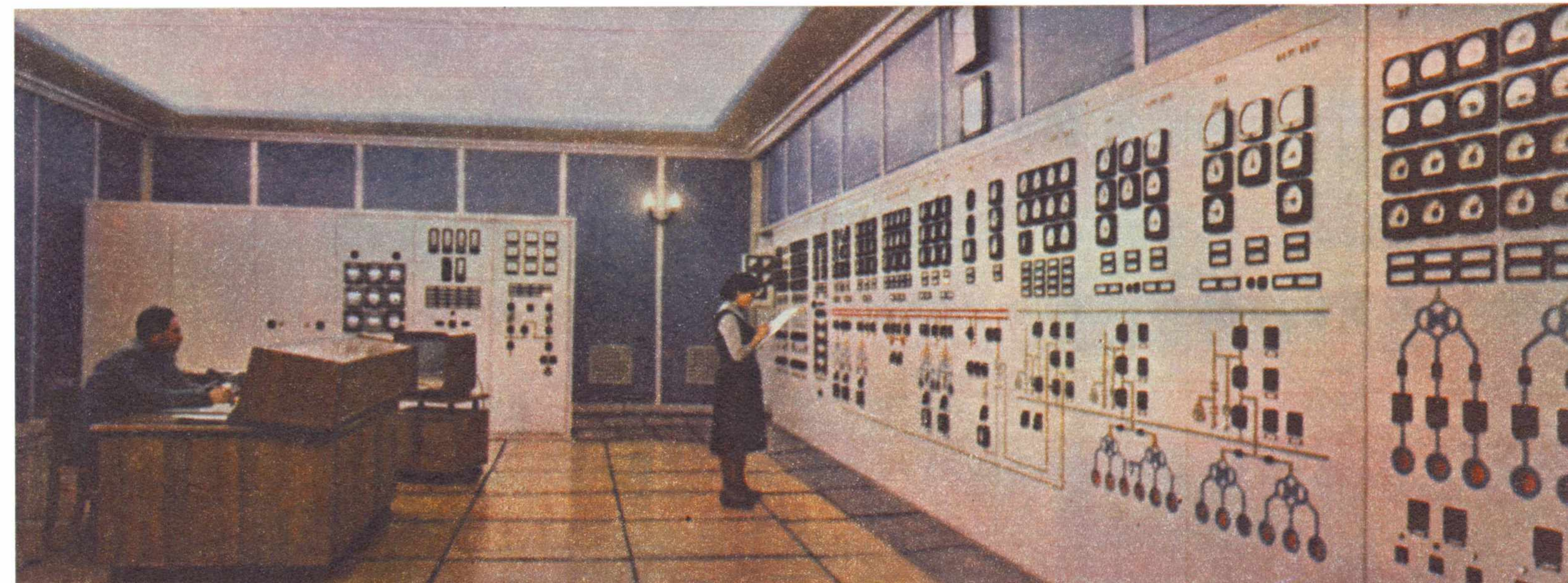

Фото А. ГОСТЕВА и Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

«Первопроходец» Усть-Илимской ГЭС — руководитель комплексной бригады М. М. Васильев.

Ангара перекрыта.

В котловане было тесно от машин.

Новый пейзаж Ангары.

Перекур.

РОВЕСНИК ВСЕМ ТВОИМ ВЕКАМ...

Жажда «дегероизации», туманившая мысль и взор иным авторам, диктовала порою довольно странную моду. Кое-кто склонен был видеть в развенчании подвига, в повышенном внимании к так называемой «окопной правде», к сюжетам, почерпнутым из жизни штрафных батальонов, чуть ли не высшее проявление гуманизма. При этом как нечто несущественное раздраженным жестом отбрасывалась без промаха бьющая прямо в душу мысль: а чем же, собственно, провинились перед нами те, кто независимо от всех сложностей времени был настоящим, без изъяна, героем и патриотом, те, кто, отдав свою жизнь в небывало жестокой битве с врагом, отстоял для нас право на сегодняшний день, право быть такими, какие мы есть ныне, благодаря кому мы имеем возможность столь своеобразно судить о минувшем и даже пускаться порой в сомнительной ценности размышления?

Нет, высшая правда и высший гуманизм все-таки не в том, чтобы с оглядкой на разрушительного характера концепции снисходительно отзываться о героическом прошлом своего народа, как уходящем в глубину веков, так и соседствующем с нами по времени. И, конечно же, не в том, чтобы в духе экзистенциалистских постулатов и абстрактного человеколюбия любой разговор о личности начинать с многозначительных рассуждений о первоочередности ее прав, требований и запросов, никак не сопряженных с выполнением каких бы то ни было обязанностей перед обществом. В этом смысле бесценны для нас обращения поэтов с чуткой гражданской совестью к памяти военных лет. К страницам всенародного подвига, который слагался из мужества каждого солдата, каждого труженика, знавших и веривших до конца, что Родина — превыше всего. Таковы прекрасные стихи Александра Межирова об умирающем комбате. Смертельно раненный командир в полубреду... Последние, еле слышные слова...

Молвит, умирая: или — или,—
Долг — стоять, но право — отойти.
Егерей эсэсовцы сменили,
А у нас резерва нет почти.

Слева полк эсэсовский, а справа...
Не договорил...
Навечно смолк...
Есть у человека — долг и право...
Долг и право... долг и право... Долг...

Об этом же — налитые раздумьем строки Андрея Дементьева, который признается читателю, что «печальные обелиски прямо в душу мою глядят». Всматриваясь в скорбные лица матерей, все еще ждущих своих русоволосых с той, ставшей уже для многих далекой войны, он с думой о невернувшихся спрашивает себя, своих сверстников, каждого из нас:

В двадцать лет они спасли Россию.
Ну, а что свершили мы с тобой?

Во многих его стихах настойчиво повторяется мысль об осознанности подвига как веления души советского человека, не слезливого альтруиста общевселенской озабоченности, а личности, твердо знающей, какой нелегкой работы в годину испытаний ждет от него родная земля, «что от Москвы и до границы отцовской кровью полита». В стихотворении «Сон», начинающемся горькими словами: «Мне приснился мой старший брат, что с войны не пришел назад»,— поэт заставляет память оживить, приблизить к сегодняшнему дню человека, которого ему так теперь не хватает. В условном мире сновидения нет неизбежности того выбора, который сделал когда-то старший брат. И время здесь течет не столь неотвратимо. Может быть, все-таки удастся его задержать, оставить в этой, действительно продолжающейся жизни! Только нет, подобные чудеса не для него. Старший не без раздумья, но твердо роняет гулко звучащие в тишине слова:

— А теперь мне пора обратно.
А теперь я т у д а пойду...
Завтра утром идти в атаку,
В ту — последнюю для меня...

Окончание. Начало в № 50.

Святые это понятия: Родина — долг... И так же священна память о не вернувшихся с войны. Не затянувшийся плач и сковывающая безысходность горя, а та активность одолевшей боль памяти, которая велит нам быть сильными и высокими перед незакатными звездами обелисков. Оттого фальшиво и двусмысленно прозвучали на фоне нарастающего понимания народом своего долга перед павшими героями стихи поэта Глеба Горбовского, в представлении которого, судя по сборнику «Тишина», смерть — даже в бою за родную землю!— всего лишь небытие, полный разрыв каких бы то ни было связей с оставшимися в живых. Словом, был человек, и нет человека.

А после —
Только кости
И вновь ромашки.
И крестьянин в белой рубашке
Косит. Косит.

С такой унылой трактовкой этой вечной для поэзии темы решительно спорит своей книгой стихов «Блокада» Юрий Воронов. Скорбью и болью пронизано стихотворение «Мертвые». Но вчитайтесь в него:

Мне кажется:
Когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.
...Мы их не слышим,
Мы не видим их,
Но мертвые
Идут среди живых.
Идут и смотрят,
Будто ждут ответ:
Ты стоишь этой жизни
Или нет?

Жизнь, народ, история Родины продолжаются, движутся по восходящей не в последнюю очередь вот этим ощущением своей причастности к судьбе не только здравствующего ныне поколения, но и к тем, кто по праву навечно вошел в нашу память, в наши раздумья и сны, чей подвиг, чья вера в Отчизну стали основой нашего сегодняшнего миросозерцания, представления о долге. В поэзии последних лет ощущение идейно-нравственного родства сыновей и отцов, пожалуй, ярче, чем кто бы то ни было из его молодых сверстников, выразил Феликс Чуев. Шероховат пока еще его стих. Вызывает иной раз досаду преднамеренная угловатость, излишняя упрощенность речи. Но неизменно задевает сердце его искренность, его яростное стремление свято пронести через все ураганы жизни верность идеалам и убеждениям отцов. Поэт открыто и мужественно исповедует героизм как единственно достойное человека состояние. Наиболее убедителен он в тех строфах, где, как живые, встают перед нами легендарный Чкалов и друг отца, не внесенный в число героев майор Устинов («Москва сурово салютует ему который год подряд»), где отчаянно бедовые мальчишки вовсю играют в Чапая и Покрышкина, где бесхитростная нить повествования ведет к уверенности в том, «что повзрослевшие ребята — как продолжение отцов».

Поколение предвоенных лет смогло с честью вынести на своих плечах все тяготы и испытания Великой Отечественной, сумело явить миру невиданный взлет массового героизма не в последнюю очередь потому, что в нем задолго до первых залпов жила сделавшаяся нравственной потребностью жажда подвига. А сможем ли мы? Этот вопрос неизменно возникает — где в открытую, напрямик, где приглушенно, в подтекстном слое,— почти во всех стихах Ф. Чуева. Поэт далек от мысли спешно рапортовать о полной готовности. Его всерьез тревожит, как там сложится жизнь. Выдержат ли экзамен на прочность сыновья.

Как нам выпадет жить
и какие размалывать камни,
чьи еще пулеметы собой закрывать?
Только личные драмы.
Над нами покуда не каплет.
Через нас не прошло еще
«Родина-мать»...

Подвиг не возникает из ничего. Он результат цепной реакции мужества. Герои порождают новых героев. «Прошедшее обусловливает будущее» (Л. Толстой). Вот почему так важно, чтобы в процессе интенсивных поисков правды о прошлом не были отодвинуты на задний план ее героические страницы, чтобы современники получили о них объективное и полное представление. А между тем мы уже не раз становились свидетелями того, как эффектные поэтические рейды в минувшее оборачивались в итоге то созерцательно-красочной зарисовкой подробностей боярского быта, то хлестким фельетоном с отнюдь не невинными намеками на сегодняшнюю действительность, а то просто путаной интерпретацией давно уже и досконально изученных событий.

Критика в свое время отмечала неровность «исторических» глав в поэме Евг. Евтушенко «Братская ГЭС», отдельные из которых не поднимаются по своему звучанию выше рифмованного пересказа известных страниц из школьного учебника. Бесспорно, если бы автор поглубже вошел в материал, не пожалел времени на раздумья, такие стихотворные новеллы, как «Декабристы», «Петрашевцы», «Чернышевский», получились бы более яркими и значительными. Но дело даже не в этом. Исторический материал не мертвое собрание манускриптов. Он предельно активен. Для нас и до того, как к нему прикоснулась рука художника, это мир живых, зримых образов и событий. Такова сила исторической памяти народа. При всех особенностях субъективно-художественного видения поэта созданная его

воображением картина не должна в принципе расходиться с объективной сутью исторического явления. У Евг. Евтушенко этот непреложный для реалистического искусства закон нередко бывает нарушен. Любовь к Родине зачастую лишь провозглашается, не получая должного воплощения в эмоционально-образной плоти стиха.

Вот Евтушенко говорит о декабристах:

Но шпор заманчивые звоны
не заглушали чьи-то стоны
в их опозоренной стране.

Вряд ли для тех, кто вышел в памятный день на Сенатскую площадь, Россия была «опозоренной страной». Участники не забытого еще к тому времени 1812 года, они никогда не заблуждались насчет того, где позорное обличье самодержавия, а где величественный лик Отчизны. Не повезло сподвижникам Рылеева и Пестеля и в стихотворении «Декабристские лиственницы». Рассказав вопиющую по смыслу историю о том, как из дерева, посаженного когда-то ссыльным декабристом, сделали манекен для индпошива, Евтушенко, словно не догадываясь, что этот факт уже сам по себе вызывает сложную реакцию негодования, нарочито бесстрастно сообщает, что теперь «стучит декабристское сердце в безголово напыщенный бюст». И к тому же «прорастают мятежные ветви сквозь распяленные пиджаки». В итоге из-за подчеркнутого сближения высоких и предельно заземленных понятий, искусственного нагнетания нелепых в своей бестактности образов эффект получается, прямо скажем, не совсем тот, на который по идее рассчитывал автор.

Хотя ссылки на других поэтов, как правило, не очень убеждают, тем не менее не могу не вспомнить написанные лет двадцать назад стихи Я. Смелякова о сердце Байрона. Припоминается прежде всего не сюжет и не отдельные удачные строки, а тот благородный, безошибочно найденный тон, в каком выдержано от начала до конца все это стихотворение. Стихотворение, посвященное сердцу английского поэта...

А вот отрывок из другого недавнего произведения Евг. Евтушенко:

Страна сверхскоростей и сверхнаук,
сверхфизиков, сверхлириков, сверхстроек,
Россия, ты еще страна старух (?)...

При самом что ни на есть добром отношении к пожилым женщинам нашей державы все же испытываешь определенную неловкость за эту странную попытку поэта ввести в обиход столь зыбкую в своей целесообразности формулу. Стремясь сказать новое, нестандартное слово о Родине, не следует все же забывать, к чему прикасаешься строкой, что связано с этим у миллионов твоих соотечественников. Если бы Евтушенко был строже именно в этом немаловажном смысле, он бы наверняка не оставил в сборнике «Братская ГЭС» такие явно ущербные строки: «Я всю душу России вытащу, я всажу в столетия бур». Или совсем уж безответственные, на что, кстати, указывала в свое время критика: «Нет, ты, Россия, не баба пьяная! Тебе великая дана судьба...»

Да, отталкивает и смущает излишнее умиление или чересчур уж торжественный пафос. Слову «Родина» не нужны котурны. Оно звучит, доходит до сердца и без восклицательных знаков. Но это вовсе не значит, что его можно панибратски похлопывать по плечу и вертеть как бог на душу положит. Небрежность и рискованное оригинальничанье менее всего уместны, когда поэт намеревается говорить о понятиях, небезразличных для национально-патриотических чувств людей. Малейшая неточность, фальшь улавливаются здесь мгновенно. Между тем и в наиновейшем цикле Евг. Евтушенко «Отдаю тебя, слово, в люди» в журнале «Дружба народов» опять попадаются строки, прямо-таки озадачивающие:

И в страну небоскребов,
задрав ей, девчонке, подол,
завораживая,
замораживая,
песня русская входит,
как будто посол
от правительства Стеньки Разина!

Право же, есть вещи, о которых не принято рассуждать на уровне пошлости. Неужели это нужно доказывать?

Менее всего высказанные замечания следует воспринимать как попытку ограничить поиск острого по складу поэта, как-то сковать его творческую индивидуальность. Любой стихотворец волен выражать обуревающие его чувства с помощью тех средств, которые в наибольшей степени отвечают его внутреннему миру и жизненной, эстетической позиции. Но столь же свободны мы, читатели, в своем праве судить о результатах поэтического действа, о ценности предложенного нам новшества, о том, насколько мысли и взрывы эмоций, закрепленные в образах, соответствуют не только личному восприятию каждого из нас, но и опыту народа, его исторической памяти, духу незыблемых традиций.

Здесь уместно затронуть вопрос о необходимости для поэта, взявшегося судить о событиях исторической значимости, в том числе из области культуры, иметь прочную основу для своих размышлений в виде достаточно солидного багажа знаний. Недостаток таковых при жгучем желании прикоснуться к сложным пластам далекого и недавнего прошлого вернее всего толкает в широко распахнутые объятия штампа. Вот и кочуют уже который год подряд из одного стихотворения в другое по воле незадачливых авторов ставшие неразлучными Ван-Гог, Хемингуэй и Экзюпери. Частое и бездумное употребление одних и тех же имен здесь не столько свидетельство устойчивости вкуса, сколь знак ограниченности познаний, привычки довольствоваться подсказкой моды. «Зачем Ван-Гог вихреобразный томит меня тоской неясной?», «Была у Эрнеста яхта...» Звучит ведь все-таки, а?! Опасность превратиться в постоянную деталь обязательного антуража для демонстрации видимости эрудиции явно угрожает и некоторым другим именам.

В частности, прямо-таки изумляет та неутомимость, с какой поэты эксплуатируют доброе имя, разумеется, никак не повинного в том Альберта Эйнштейна. Почему, скажем, не Резерфорд, не Ланжевен?.. Когда читаешь, к примеру: «Я, как на формулы Эйнштейна, смотрю на звездные миры»,— очень хочется поинтересоваться, а что, собственно, еще, кроме известного даже школьникам $E = mc^2$, ведомо сему вдохновенному звездочету. Впрочем, расспросы здесь ни к чему. Опытом доказано, что в 99 случаях из 100 обращение поэтов к Эйнштейну обусловлено вовсе не избытком сведений из сферы квантовой статистики или какимто особым уважением к создателю теории относительности. Чаще всего мы имеем дело с элементарной неспособностью противостоять очарованию испытанного трафарета. А ведь в летопись науки навечно внесены и такие имена, как Авиценна, Ломоносов, Менделеев, Циолковский, Курчатов, Королев...

Дело, разумеется, не в том, чтобы всюду теперь заменить Эйнштейна, скажем, Лобачевским, а Ван-Гога — Рублевым или Пиросманишвили. Менее всего хотелось бы быть понятым столь примитивно. Но, право же, грустно порою наблюдать, как иные сборники и циклы сверх меры нагружаются труднопроизносимыми иностранными именами, причем нередко малозначащими и случайными, а свои, великие и легендарные, скромно дожидаются очереди, несправедливо оттесненные в самые дальние закоулки памяти.

Конечно же, ущербно и нереалистично ни с чем не считающееся стремление видеть и выделять во всем только свое, коренное, исконное, ничего больше не замечая и не признавая вокруг. Никогда еще не приносили пользы национальное чванство или ультраместническая ограниченность. Но «у советских собственная гордость»! И столь же ненавистны им противоестественный и губительный для любой страны национальный нигилизм, нейтралистское равнодушие к отчей земле, вольное или невольное принижение духовной значимости тех богатств, которыми народ имеет полное право гордиться и которые с думой о будущем он должен по-хозяйски хранить и приумножать.

Любовь к Отечеству — многогранно-сложное средоточие впечатлений, мыслей, переживаний, знаний и опыта, нежданных озарений и глубоких засечек памяти... Не вдруг возникает у человека то неиссякаемое в своей огромности «чувство Родины во всем широком смысле этого слова» (С. Есенин), без которого в равной степени нет ни цельной, красивой личности, ни подлинно народной поэзии. Патриотизм не только комплекс волнующих с детства ощущений и от рождения присущих импульсов и эмоций. Это всегда система глубоко усвоенных разумом и сердцем идей, которая для тебя не просто лозунг или удобный набор суждений и поз, а органически твоя, до конца осознанная философия жизни и борьбы. Вот почему так важно действенное участие художников слова в процессе активного формирования у советских людей развитого чувства Родины, преемственности поколений, непрерывности исторической эстафеты. В этом смысле мне как читателю совсем не безразлично, какой материал, какие темы, какие имена и судьбы вдохновляют поэта. То ли он взахлеб расписывает подробности самоубийства голливудской кинозвезды, то ли сурово и с болью рассказывает о человеке, который из объятого пламенем самолета за мгновение до гибели успевает крикнуть в эфир: «Берегите Советскую власть!..»

Все это ощущаешь сегодня особенно остро. Ибо не подлежит сомнению, что рост идейно-патриотического самосознания нашего народа способствует выработке все более высоких критериев оценки гражданского и эстетического уровня поэзии. В числе немаловажных факторов, существенно влияющих на этот процесс,— получившие небывалый размах походы и экспедиции по местам революционной, боевой и трудовой славы отцов, резко возросшее внимание общественности к увековечению памяти павших героев, нарастание интереса к изучению истоков отечественной культуры, все усиливающаяся тяга к постижению богатства народной речи, активизация борьбы за бережное, сыновнее отношение к родной природе... Важнейшим признаком этической и интеллектуальной зрелости человека непременно считается ныне глубокое знание Родины во всех ее исторических, пространственных и духовных измерениях.

Поэзия, как чуткий барометр общественных настроений, естественно, отражает как сильные, так и слабые стороны этого благотворного в своей основе процесса. И здесь нельзя не видеть, что наряду с действительно выдающимися образцами патриотической лирики в последнее время появилось немало стихов, авторы которых в лучшем случае демонстрируют лишь свою повышенную способность оперативно откликаться на почему-либо доминирующую потребность. Оправданный с точки зрения высоких идейно-нравственных стремлений интерес к истории, древности, постижению диалектической взаимосвязанности поколений у некоторых поэтов не прошел сквозь сердце, не стал неотъемлемой частью их творческой биографии. Нередко к этой ответственной теме обращаются, определенно не испытывая необходимого в таких случаях душевного трепета. При самых добрых намерениях тогда появляются на свет стихи холодные и рассудочные, лишь дискредитирующие выносимые в заголовки святые и неразменные слова. Вот, к примеру, как считает возможным размышлять вслух при виде кладбища поэт А. Землянский:

Разве кресты — не скрипки,
Плачущие под звоны?
Тихие обелиски —
Это же гром тромбонный.

Порою чрезмерная ориентация на все заслоняющую старину ведет к утрате четких социальных критериев, к злоупотреблению церковно-ритуальной лексикой, когда уже с трудом понимаешь, наш ли это современник беседует с читателем, или почти дословно цитируется полуистлевший религиозный текст. Так, в стихах одаренного поэта А. Кушнера, написанных на смерть А. Ахматовой, один к одному выстраиваются образы, в естественность появления которых трудно поверить. Здесь и «Харон неразговорчив», и «Коцит и Ахеронт», и «Леты блеск», и даже... «дух бесплотный». И в довершение всего нечто от модернизированной литургии:

А ночью, ужасом томим,
С подругой рядом, недвижим,
Лежал я. Смерть крылом своим
Мой обвевала лоб.
Потом, во тьме, еще дрожа,
В своих объятьях жизнь держа,
Я смерть ласкал, едва дыша,
И с богом спорил гроб.

Не умиленное любование стариной без всякого разбора, лишь бы мерцала на ней пыль веков, не прыткая стилизация и не забвение одних страниц прошлого ради возвышения других, а широкий, всеохватный подход к истории Родины, где всему законное место—и волшебной кисти Дионисия, и Куликовской битве, и штурму Зимнего, и звездной Одиссее Юрия Гагарина,— только в таком понимании действенна связь времен, только на этом пути ждут художника подлинно значительные открытия. И в этом смысле символичны обращенные к Родине слова Вас. Федорова, в которых жизненное кредо поэта-патриота:

Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей
Ровесник.

Здесь в каждой строке — гордое сознание своей личной причастности к тому величественному этапу истории Отечества, который неотделим от всех предыдущих страниц его героической летописи и знаменует собой закономерный итог борьбы, самопожертвования и «дум высокого стремленья» лучших сынов и дочерей народа. Поэт знает и верит, что деяния современников, их трудовые и ратные под-

виги достойно и по праву встали в один ряд с наиболее яркими и волнующими событиями минувших веков и эпох. Размышляя над этим, невольно вспоминаешь многолетней давности стихи Валерия Брюсова, который еще на заре Советской власти писал о Ленине как о борце, мыслителе, «кем сжаты в один поток волны времен»!

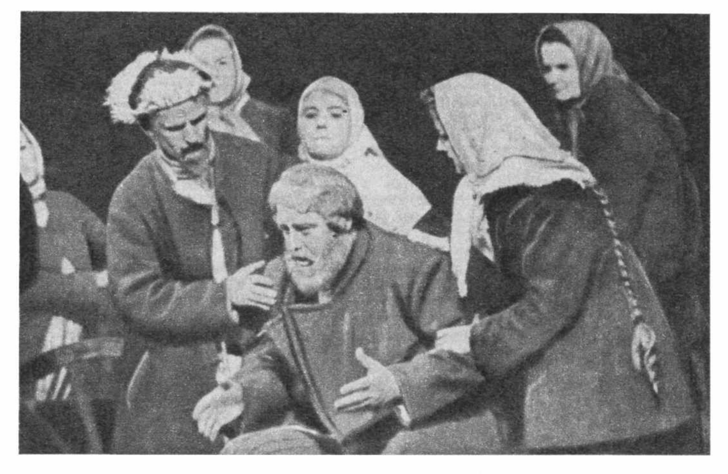
Верно, что поэзия не ставит исчерпывающих диагнозов и не занимается выпиской рецептов. Ее специфика — мыслить образами, тревожить сердце и совесть. Но, правдиво отражая жизнь, чутко откликаясь на ее зовы и веления времени, поэзия тем самым становится фактором формирования общественного сознания, ускорителем идейных и нравственно-этических исканий. Вот почему сегодня она неизбежно является участницей незатухающего сражения между коммунистической и враждебной ей идеологией. Вот почему так важно высокое боесостояние ее идейно-патриотического потенциала.

О, как хотелось бы иным джентльменам наделить советских людей комплексом национальной неполноценности! Чтобы терзались они сомнениями в своих силах, в своем прошлом, болезненно размышляя о мнимой отсталости собственной страны от норм и стандартов буржуазно-бюргерского бытия, когда уже даже захудалый стриптиз в прогорающем «найт-клабе» начинает казаться манящей вершиной современной цивилизации. У этих желаний куда как солидный стаж. Во все времена за ними угадывались отнюдь не сентиментальные позывы. Псы-рыцари, пришедшие завоевателями в северные русские земли, где высились в те времена Псков и Новгород — величайшие центры древней культуры, с презрением называли мастеров и умельцев этого прославленного края грязными дикарями, которым для их же блага необходимо просвещение огнем и железом. В эпоху классовых битв этот принцип стал непременным атрибутом разбойничьей политики империализма. Мы помним, как хлынувшие через нашу границу фашистские орды намеревались превратить советских людей в безгласных рабов, как вынашивали они планы разрушения Ленинграда, уничтожения и превращения в огромное озеро столицы страны Москвы, как вывозили в Германию священные реликвии, ценнейшие экспонаты музеев Киева и Минска, как бесчинствовали и грабили в Петергофе и Ясной Поляне. Эти действия были вызваны не только звериной жестокостью и жаждой наживы. Был здесь и более зловещий прицел. Дабы закрепить ими же придуманный миф о национальной неполноценности славян и других народов Советской страны, гитлеровцы хотели нанести смертельный удар по нашей исторической памяти. Туда же метят недруги и сегодня. Не в годы фашизма, а уже в наши дни издана в Мюнхене книга некоего Вернера Келлера «Восток без Запада — ноль», в которой СССР именуется лишь «географическим пространством», «темной страной» с варварским прошлым, абсолютно всем обязанной «свету западного гения».

Конечно, не с одной поэзии спрос за способность нашего народа чувствовать эту опасность, противостоять ей и достойно утверждать величие своей Родины. И все же, думается, у поэзии здесь особые, только ей присущие возможности и права. Иначе отчего же так жизнестойки пробившиеся сквозь века былины о богатырях, заслонивших сердцем родимую землю, до сей поры ранящее душу своим призывным кличем горькое и светлое «Слово о полку Игореве».

Образ Времени, осмысленный с возросшей философской и художественной глубиной, проходит ныне через всю нашу многонациональную поэзию. Вне притягательной силы его «магнитного поля» невозможно по достоинству оценить ни одно из этапных произведений последних лет. В равной мере эта тема тревожит и вдохновляет Ярослава Смелякова и Кайсына Кулиева, Бориса Ручьева и Юстинаса Марцинкявичюса, Андрея Малышко и Фазу Алиеву, Вадима Шефнера и Олжаса Сулейменова, всех одержимых заботами и думами Родины поэтов. Историзм мышления, способность ощутить и выразить сегодняшнюю действительность как «границу прошлого с грядущим» — лишь один из признаков патриотической весомости создаваемых ими стихов. Но это очень существенный признак. Его «родословная» восходит к знаменитому пушкинскому «Нет, весь я не умру...», к блоковской формуле неизбывной веры в Отчизну («Не пропадешь, не сгинешь ты...»), от которых незримые струны протянулись к трибунному обращению Владимира Маяковского к «товарищам-потомкам», к памятному асеевскому:

Умираем? Нет, не умираем,—
порохом идем в тебя, земля!

Сцена из спектакля «В бурю». Слева направо: Л. Н. Елисеев — Андрей, Л. И. Болдин — Фрол Баев, в роли Натальи — В. А. Каевченко.

Молодость и реализм

«Евгений Онегин». В центре Татьяна — В. Н. Кудрявцева.
Фото А. Степанова.

МОСКОВСКОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ МУЗЫКАЛЬНОМУ ТЕАТРУ ИМЕНИ НАРОДНЫХ АРТИСТОВ СССР К. С. СТАНИСЛАВСКОГО И Вл. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ВСТРЕТИЛСЯ СО СТАРЕЙШИМ РАБОТНИКОМ ТЕАТРА, ЗАВЕДУЮЩИМ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЧАСТЬЮ, ЗАСЛУЖЕННЫМ АРТИСТОМ РСФСР С. А. ЦЕНИНЫМ.

— Только старые люди помнят, чем была опера полвека назад,—сказал Сергей Александрович Ценин.— Оперный спектакль напоминал скорее концерт: артисты стояли на сцене в «красивых» позах, и каждый пел свою партию, не обращая внимания на окружающих. Шаляпин, Собинов были исключением.

К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко хотели превратить такой вот костюмированный концерт в слаженный актерский ансамбль. В 1922 году Константин Сергеевич поставил оперу «Евгений Онегин». Это был огромный шаг по пути оперного искусства в реализм, в массы. Кстати, театр до сих пор сохранил постановку в том виде, как она была создана Станиславским; менялись только исполнители; например, когда-то Т. Ф. Янко пела Ольгу, теперь она няня...

Для молодых театр—большая школа. Так, вырос и окреп талант Галины Писаренко: она поет партию Татьяны; роль Ленского исполняют молодые, многообещающие певцы Анатолий Мищевский и Николай Гуторович.

Вл. И. Немирович-Данченко в своих спектаклях хотел говорить о современности; при нем были поставлены первые советские оперы Т. Н. Хренникова «В бурю», а затем И. И. Дзержинского — «Тихий Дон». Это был еще один шаг по пути приближения высокого музыкального искусства к народу: ведь наши зрители сами были участниками бурных событий, происходивших на сцене! И образы произведений оказались близки им, и музыка была основана на современных песенных интонациях...

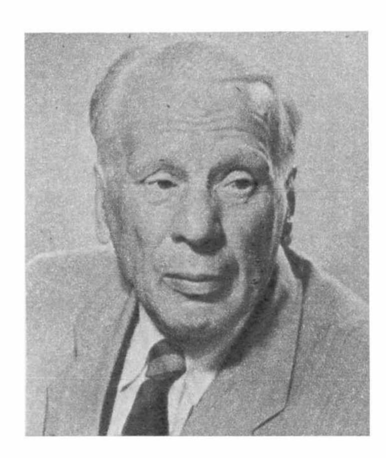
Работа над постановками спектаклей вместе с композиторами стала одной из лучших традиций театра. Сейчас мы ставим «Кола Брюньон» в новой редакции вместе с Д. Б. Кабалевским. К ленинскому юбилею над «Аппассионатой» работает с балетной труппой балетмейстер В. П. Бурмейстер. Новая опера Отара Тактакишвили «Три новеллы» рассказывает о борьбе народа за освобождение...

Среди наших спектаклей много произведений композиторов союзных республик и социалистических братских стран. Скажем, последняя работа нашего театра — «Кармен» поставлена художественным руководителем «Комише опер» Вальтером Фельзенштейном, Героем Труда ГДР; режиссер вернул публике оперу в том виде, как написал ее в свое время Бизе; основной принцип новой постановки — реализм.

Сорок лет провел я в своем родном коллективе и хочу отметить его главную, особенно дорогую мне черту: несмотря на полувековой юбилей, наш театр остается молодым.

Он молод и по обновляющемуся составу актеров; молод и потому, что, следуя завету наших учителей — К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, мы считаем, что творчество — это всегда эксперимент, всегда открытие.

Т. ЛОТИС

ДРУГ И НАСТАВНИК

«— Эх, Андрей Андрей, до чего же ты дожил, до чего же достукался: ни раздолья тебе, ни простора широкого, ни жезлов, ни путевок... Стой, прозябай со своей «кукушной-свистушкой», жди, покуда гнилых шпал платформу отведешь сажен за сто. Не жизнь, а масленка мазутная. И ни пара тебе наддать, ни полного хода, ни тебе семафоров крылатых, ни рельсов блестящих, что мелькают-стрекочут под гремящими колесами»...— До сих пор помню я этот монолог Андрея Летуна из одноименного рассказа Михася Лынькова.

Этот рассказ читал нам учитель белорусского языка и литературы, ныне заслуженный учитель республики Петр Никифорович Олейников. Это было в первой Сенненской образцовой средней школе, что на Витебщине, в 1936 году. Мы, сельские мальчишки и девчонки, ни разу не видевшие еще настоящего паровоза, не сразу постигали смысл таких слов, как «семафор», «кукушка», «транзит», «регулятор», но рассказ увлек нас своей любовью к рабочему человеку, к делам его, героическим и трудовым, заинтересовал неповторимым искрометным юмором. И мы понимали душу и характер машиниста Андрея Летуна, переведенного на «кукушку» по старости, но могущего еще прямо-таки летать на настоящем паровозе, да так, что «догоняй — не догонишь».

Скольких читателей взволновал этот рассказ за сорок лет, прошедших со дня его опубликования в печати. Не ошибусь, если скажу: не один миллион.

В этом и сказывается мастерство Лынькова, призвание настоящего художника, сила его воздействия на читателя.

Прежде чем взяться за перо, Михась Тихонович Лыньков побывал рабочим и учителем, партизаном и красноармейцем, селькором и редактором, накопил большой жизненный опыт. И есть в его писательской биографии одна деталь: в год, когда были опубликованы его первые три рассказа, он был принят в ряды Коммунистической партии. Факт, прямо скажем, существенный, определивший на многие годы тематику и направленность его творчества.

Один за другим рассказы М. Лынькова становились хрестоматийными. Среди ровесников и равных ему талантов и мастеров по перу в белорусской литературе Михась Лыньков был и остается — остается не в чем-то, а в главном — п е р в ы м.

Первым в белорусской литературе М. Лыньков создал полнокровный образ рабочего, воспел труд как преобразующее благо земное. Первым в белорусской прозе он создал правдивый образ коммуниста — это в рассказе «Радо» и во многих других произведениях.

По-горьковски сильно влюбленный в человека-труженика и ненавидящий всякое зло в жизни — мещанство, измену, предательство, косность и рутину, М. Лыньков утверждал в литературе белорусской все светлое и клеймил все черное. Быть может, никто у нас так духовно не был связан с Максимом Горьким и не споспешествовал победе добра над злом, как Михась Лыньков. Он сам свидетельствует: «В 1934 году был на Первом Всесоюзном съезде писателей, во время которого с группой белорусских писателей был в гостях у Алексея Максимовича Горького. Эта встреча навсегда останется в моей памяти как одно из самых торжественных событий в моей жизни».

Личная дружба с М. Горьким и учеба у него не прошли бесследно. Революционным романтиком и реалистом, певцом Октября и социализма вошел в многонациональную советскую литературу Михась Лыньков.

Одним из первых он создал на родном языке великолепнейшие произведения для детей и юношества. Среди них особой популярностью пользуется его повесть «Миколка-паровоз», переведенная на десятки языков и экранизированная. Им тоже обеспечена жизнь долгая.

В дни Великой Отечественной войны М. Лыньков был на переднем крае борьбы с фашизмом. И поведал о героизме народа, о ненависти к врагу в рассказах «Астап», «Кусок хлеба», «Васильки», «Детский башмачок», «Дед Евсей и Палашка».

Не случайно М. Лыньков взялся за роман-эпопею «Незабываемые дни» — о партизанской борьбе белорусского народа против фашистских захватчиков. Многолетний труд писателя увенчался успехом: создано монументальное произведение о бессмертном подвиге народа, о верных сыновьях и дочерях его.

Многое сделал М. Лыньков и для укрепления мира и дружбы между народами и литературами. Он был делегатом Белоруссии на конференции в Сан-Франциско, где была учреждена Организация Объединенных Наций, участвовал в работе многих ее сессий и других международных конференций. В рассказах о загранице писатель психологически точно уловил черты современного буржуа и с позиций социалистического гуманиста развенчал мир продажности, насилия и разбоя.

Таков он, выдающийся художник слова, истинно народный писатель Белоруссии, академик с довоенным стажем, депутат Верховного Совета, видный общественный деятель Белорусской республики, мой земляк, мой друг и наставник Михась Лыньков.

Вместе с миллионами читателей я радуюсь тому, что в день семидесятилетия писателя один из ветеранов советской белорусской и всей многонациональной литературы, Михась Лыньков, удостоен высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Долгой вам жизни, новых творческих радостей, Михась Тихонович!

Михаил ГОРБАЧЕВ

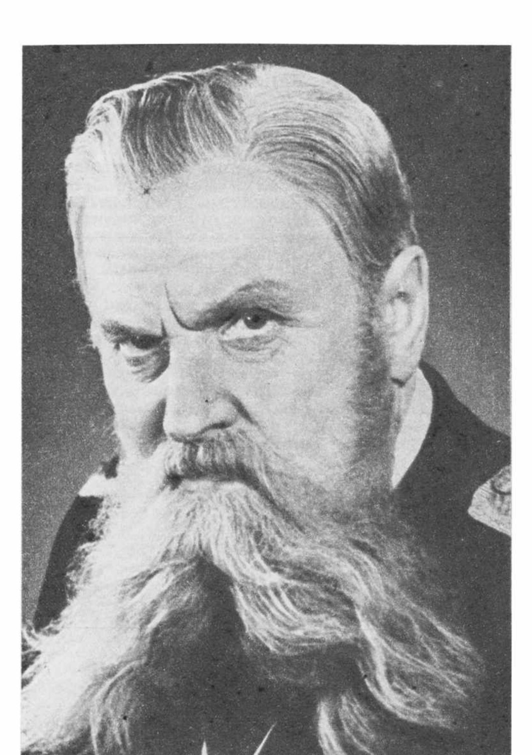
В. А. Сперантова в роли Вани Солнцева из спектакля «Сын полка».

Фото Б. Фабисовича.

Интервью «Огонька»

ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ ДЕТСКОГО ТЕАТРА

ИГРАЕТ АННЕНКОВ...

Среди ведущих исполнителей советского репертуара одно из первых мест принадлежит народному артисту СССР Николаю Александровичу Анненкову: созданные им образы положительных героев нашей эпохи получили заслуженное признание. Это Швандя и Кошкин из «Любови Яровой» Тренева, Морозко из «Разгрома» Фадеева, лейтенант Максимов из «За тех, кто в море!» Лавренева, генерал Огнев в пьесе «Фронт» А. Корнейчука...

Большое место в творчестве Н. А. Анненкова занимает драматургия М. Горького: одна из лучших работ артиста — Черкун в спектакле «Варвары».

Актерская работа Н. А. Анненкова неоднократно отмечалась высокими государственными премиями. Его педагогическую деятельность в училище Малого театра, которую он здесь ведет с 1946 года, венчает успех многих учеников, выступающих теперь на сцене Малого и других театров.

Свое славное семидесятилетие Н. А. Анненков встречает как пору творческой зрелости. На юбилейном вечере в Малом театре зрители увидели сцены из нескольких спектаклей: «Дачники» Горького, «Порт-Артур» Степанова и Попова,— где юбиляр выступил в главных ролях.

На снимке: Н. А. Анненков в роли адмирала Макарова, спектакль «Порт-Артур».

Фото И. Ефимова.

В первые же годы революции один за другим, словно стихийно, а на самом деле по велению самой жизни возникали театры для детей. Первым был Детский театр Моссовета, организованный театрально-музыкальной секцией (Темусек). После многих преобразований этот театр стал Центральным детским.

В то время существовал в Москве и передвижной театр для детей — фургон, разъезжавший по дворам и собиравший там толпы маленьких зрителей. Потом он стал именоваться МТЮЗ. В Ленинграде детский театр создавался энтузиазмом и заботой замечательного педагога и режиссера Александра Александровича Брянцева.

Но днем рождения советского детского театра считается октябрь 1919 года, когда вышло постановление Наркомпроса РСФСР об организации Государственного детского театра на базе Первого детского театра Моссовета.

Сейчас в стране более сорока детских театров, около ста кукольных. Спектакли для детей показывают большинство театров.

Значительны успехи советской детской сцены. Многочисленными премиями удостаивались детские спектакли на международных фестивалях, триумфально проходят обычно все гастроли за рубежом.

О полувековом пути советского театра для детей рассказала нашему корреспонденту Н. Зыбиной одна из старейших творческих деятелей, народная артистка РСФСР Валентина Александровна Сперантова.

Кто знает Москву девятнадцатого года, помнит Триумфальную площадь... Развороченные мостовые, на которых спотыкаются лошади, и черные большие котлы. Под ними в вечерних сумерках тлели, догорая, угли. Разогретые за день ремонтных работ, котлы долго сохраняли тепло. На ночь они становятся прибежищем голодных, оборванных, грязных ребят. Детские дома не в состоянии приютить всех сирот, слонявшихся по городам в поисках пищи и кровли. Эти ребята с одичавшими от одиночества глазами и помогли мне воплотить на сцене образы первых моих героев — таких же вот мальчишек...

Очень озадачены были мои педагоги, режиссеры, когда узнали, что я, не дожидаясь никаких направлений, пошла в театр на Триумфальной площади, где в труппу набирали только мужчин... Но мой выбор был сделан.

В Первый государственный детский театр при Наркомпросе меня приняли. Близко и понятно было мне стремление руководителей театра рассказывать детям о современности, о труде, о борьбе; и стремление воспитывать молодежь на примерах реальной жизни героического народа героического времени. А играть в этом театре должны были только профессиональные актеры: именно детям высокое артистическое мастерство особенно необходимо для воспитания их вкусов, веры, мировоззрения.

Первой настоящей ролью своей сценической жизни я считаю Егорку из «Черного яра» А. Афиногенова, деревенского мальчишку, бесстрашного помощника красноармейца Софрона, борющегося с неравным врагом — пробравшимся к власти кулаком Дорониным.

С каким напряженным вниманием следили ребята за действиями Егорки! Вот тут-то я и поняла, что юному человеку, как и взрослому, необходимо верить в правду на сцене, что ключ к душе моего зрителя — в точном психологическом раскрытии характера героя.

В конце двадцатых годов в репертуаре нашего театра, который играл в Мамоновском переулке, появилась пьеса А. Крона «Винтовка 492116». Это уж было другое время. Заботами таких людей, как Дзержинский, Макаренко, Горький, ребята, некогда ночевавшие в котлах на мостовой, были собраны в колонии, работали и учились. Я играла «отпетого» татарчонка Ахметку — озлобленного, одичавшего беспризорника. Не сразу поверил он своим воспитателям—красноармейцам, приютившим мальчика вместе с его друзьями. Но когда поверил, новая открылась перед ним жизнь.

Даже Том Кенти для меня был социальным борцом. Не твеновский нищий, а мальчик из народа. Случайно получив власть, он обращает ее в служение добру.

Новые молодые драматурги приходили в театр, а с ними и новые герои.

Это уж были наши современники. Они сражались на фронтах, воздвигали грандиозные стройки, выполняли планы пятилеток, боролись с врагами в Великую Отечественную войну. И учили тех, кто сидел в зале, бороться и побеждать. Ведь в этом одна из главных и прекраснейших задач искусства: на наглядных примерах воспитывать молодых людей, учить их отличать правду от лжи, добро от зла.

Мои героические мальчики—Ваня Солнцев из «Сына полка», и Ганька Семушкин из «Дома № 5», Шура Бадейкин из «Красного галстука» — теперь уже взрослые. Это они летают в космос и строят атомные электростанции; это они спасают людям жизнь на операционных столах и побивают мировые спортивные рекорды... Такая уверенность не просто мое воображение. В конце войны я получила письмо с фронта. Оно хранится у меня среди самых дорогих реликвий. «Дорогая Валентина Александровна! Лежу в дозоре. По радио передавали сейчас Гайдара. Ваш голос. Я вспоминаю Центральный детский и Вас. Как благодарен я Вам за все, чему научил меня Ваш театр!»

Теперь я рассталась на сцене с моими мальчишками и девчонками. Теперь я мама, учительница, бабушка...

Мы недавно показали спектакль «Удивительный год» по одноименной повести М. Прилежаевой. Я играю в нем Марию Александровну Ульянову. Мне очень дорога эта роль. В работе над ней мне помогла давняя встреча с Надеждой Константиновной Крупской. Это воспоминание позволило мне будто еще раз прикоснуться к жизни семьи Ульяновых.

А рядом со мной на сцене мои ученики и ученики моих учеников продолжают дело, начатое когда-то моим поколением работников искусств. Задачи детских театров в наши дни становятся все шире, все многограннее. Новая драматургия, новые темы требуют и новых выразительных средств. Но мы всегда были и останемся верными помощниками партии в деле воспитания подрастающего поколения. Потому что за нашими зрителями — будущее.

У НАС В ГОСТЯХ «РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА»

Так называется ансамбль учащихся московской школы имени Ромена Роллана, где преподавание ведется на французском языке. Поэтому и ансамбль выступает в национальных костюмах французских провинций — ребята сделали их сами — и исполняет старинные французские народные песни. «Рыцарями круглого стола» руководит на общественных началах заведующая школьной библиотекой Е. Черецкая.

Фото Л. Шерстенникова.

КРЫЛАТЫЕ ГЕРОИ ЕГО

Недавно, накануне октябрьских праздников, жители Звездного городка пригласили к себе в гости писателей, только что совершивших большую и интересную поездку по гарнизонам и частям Военно-Воздушных Сил страны. Среди них был и Геннадий Александрович Семенихин, известный литератор, посвятивший свое творчество людям героической профессии — покорителям «пятого океана». С гордостью за своего товарища по профессии я наблюдал трогательные сцены встреч автора дилогии «Космонавты живут на земле» с теми, кто послужил прообразом героев этой книги.

Геннадий Александрович Семенихин родился на Дону, в городе Новочеркасске, в семье землемера. В 1937 году окончил местный гидромелиоративный техникум. Трудовую и творческую деятельность он начал в Калмыкии, где был начальником изыскательской партии, проектировал и строил в районах этой республики плотины. Здесь он написал свои первые очерки и стал литературным сотрудником республиканской газеты «Ленинский путь».

Первый рассказ Геннадия Семенихина, «Госпиталь», был опубликован в 1940 году в журнале «Полымя революции» (Минск) на белорусском языке в переводе известного белорусского писателя А. Стаховича. Лишь много лет спустя в журнале «Советский воин» этот рассказ появился впервые на русском языке.

Многолетняя служба в Вооруженных Силах, преимущественно в Военно-Воздушных, и участие в Великой Отечественной войне навсегда связали Геннадия Семенихина с авиацией и небом. Опыт пережитого, увиденного лично определил основную тему в его творчестве — жизнь и подвиги советских летчиков.

В 1953 году им была написана первая повесть, «Испытание», в 1956 году вышел роман «Летчики», выдержавший несколько изданий.

Спустя почти шесть лет появился в печати роман «Над Москвою небо чистое», повествующий о необыкновенном мужестве, героизме и стойкости советских летчиков, оборонявших воздушные подступы к столице нашей Родины в грозном сорок первом году.

Наиболее значительным произведением Геннадия Семенихина является, бесспорно, роман «Космонавты живут на земле», удостоенный премии и диплома Министерства обороны СССР.

Свое пятидесятилетие Геннадий Семенихин встречает в расцвете писательского дарования.

Семен БОРЗУНОВ

Тигран АЙРАПЕТЯН

История с мальчиком Женей

«Возьмите в вашу семью чужого ребенка, возьмите из детского дома или сироту, потерявшего родителей. Полюбите его, как собственного, забудьте о том, что не вы его родили, и самое главное — не воображайте, что вы его облагодетельствовали».

А. С. Макаренко

История, происшедшая с мальчиком Женей, отнюдь не типична для нашего общества. Однако о ней надо рассказать, чтобы помочь органам опеки по-человечески решить судьбу подростка.

Тринадцатилетнему мальчугану после школы пятого ноября наказали сходить на рынок за картошкой и капустой. Он выполнил поручение, отдал до копейки остаток денег, а затем принялся за уроки. Дома была одна Екатерина Ивановна, которую Женя называл бабушкой. Она придирчиво осмотрела Женины покупки, бросила мальчику несколько упреков. Вскоре в квартире раздались громкие голоса, затем хлопнула дверь, и по ступенькам вниз сбежал Женя.

Вечером пришли хозяева квартиры, супруги Орловы, вместе со своей дочерью, второклассницей Аленкой. Было уже поздно, а мальчик все не возвращался. Однако этот факт не нарушил покоя семьи Орловых. Они хладнокровно укладывались спать... Женя дома не ночевал.

...После свадьбы одиннадцать лет прожили Юрий Иванович и Галина Васильевна без детей.

— Живем мы материально хорошо, а дом пустой, я больше так не могу,— неоднократно заявляла жена мужу.

Юрий Иванович тоже давно мечтал о маленьком человеке. Порешили: берем на воспитание мальчика-сироту. Долго подбирали себе младенца. Остановились на двухлетнем Евгении.

— Уж очень похож Женька на тебя, Юра,— восхищалась Галина Васильевна.

Так Женя в 1958 году очутился у Орловых. Занимали они тогда одну комнату в общей квартире на Ленинградском проспекте. Казалось, не будет конца заботам о новом жильце: его дружно кормили, вместе купали, щедро одаривали игрушками. Нарядно одетый Женька вместе со своими опекунами совершал первые рейсы по городу. Глазенки его блестели от счастья.

Прожив год в семье, Женя зашагал в детский сад. Первое время он держался обособленно, присматривался к ребятам, но вскоре крепко подружился с ними. Теперь он не представлял себя вне шумной ватаги детского сада.

И вот первый конфликт дома. Воспитательница сказала, что Женя перед обедом не помыл руки и обидел девочку, дернув ее за косичку. Скажем прямо, не очень уж злостная шалость, но пройти мимо такого факта нельзя. Здесь бы Орловым поговорить спокойным тоном с Женей, найти бы ключ к его сердцу. Ведь очень чувствительны дети в таком возрасте. Но Юрий Иванович метал громы и молнии. Галина Васильевна пыталась сдержать его, но тщетно. Супруг орудовал ремнем. Женя убежал на кухню и, забившись в угол, горько плакал.

С этих пор соседи по квартире часто видели на глазах у Жени слезы. В комнате Орловых прочно поселились грубые окрики: «Нельзя!», «Не трогай!», «Накажу!».

Разумные взаимоотношения в семье, тишина и покой нужны были не только для Жени, но и для Галины Васильевны, которая ожидала ребенка.

Мальчику исполнилось пять лет, когда родилась его сестренка. Женя очень обрадовался появлению Аленки и с довольной улыбкой наблюдал издалека, как возятся взрослые с девочкой. Близко подходить к Аленке ему запрещали.

Родители теперь целиком были увлечены хлопотами вокруг дочери. На долю мальчика приходились одни лишь упреки и наказания. Положение Жени еще усугубила мать Галины Васильевны. Она стала часто наезжать, чтобы помочь дочери в хозяйстве. Теща Юрия Ивановича в свое время была категорически против усыновления Жени, и теперь она не могла скрыть своей неприязни к нему.

Так осложнялась жизнь мальчика. Не чувствуя ласки, не видя внимания к себе, он становился замкнутым, неразговорчивым, скрытным. Орловы в ту пору жили на даче под Москвой. Бывало, уйдет Женя за ворота, сядет на лужайке и долго что-то обдумывает в свои шесть лет. Но мальчишеская любознательность иногда брала верх над пассивностью. Тогда Женя мчался к голубятникам и порой опаздывал вовремя вернуться домой. Глава семейства недоумевал: «Кормлю, пою, одеваю, катаю на собственном автомобиле, на катере, а Женька такой неблагодарный». И следуют опять наказания. Детское самолюбие не выдерживает: мальчик бежит со двора и первый раз в жизни не приходит ночевать.

Здесь уместно вспомнить слова А. С. Макаренко: «Если вы бьете вашего ребенка, для него это во всяком случае трагедия, или трагедия боли и обиды, или трагедия привычного безразличия и жестокого детского терпения... У таких родителей никогда не бывает дисциплины. Дети просто боятся родителей и стараются жить подальше от их авторитета и от их власти».

Наступила вторая половина 1963 года. Орловы получили отдельную двухкомнатную квартиру. Женя — первоклассник. Новые впечатления, новые друзья, в глазах блеснул прежний живой огонек. Но надолго ли?

Что греха таить, Женя в классе был не самый тихий — то ручку сломает, то вырвет лист из тетради, а то и обидит соседку по парте. (С кем не бывало, если вспомнить наше детство.) Но Юрий Иванович не прощал, как он выражается, эти «заскоки и психические отклонения от нормы». И опять старый домострой и убогая бурсачина. Мальчика бьют. Благо отдельная квартира — никто не видит.

Женя, по мнению семейства, совсем испортился. Решили отделаться от него, определив в специальную лечебницу. По настоянию Орлова школа направляет мальчика к психиатру. Врач, осмотрев Женю, дал заключение, что он здоров. Позже, когда третьеклассник Женя совсем пал духом и стал неважно учиться, взрослые вместо того, чтобы протянуть руку помощи мальчику, кладут его в психоневрологический диспансер. После двухмесячного обследования сделан тот же вывод: Женя здоров. Все эти эксперименты оставили тяжкий след на детском сердце. Мальчик не перешел из третьего класса в четвертый.

Между тем Юрий Иванович вооружился еще одним педагогическим трюком. Женя тогда учился во второй смене, и до школы к нему заходили товарищи. Глава семейства, видите ли, стал опасаться, не украдут ли ребята чего-либо из его квартиры. И стал утром, уходя на работу, запирать Женю на ключ, а в перерыве мчался домой и освобождал его из заключения. Женя молча, понурив голову, шел в школу. Как выразить протест этому маленькому человеку против самодурства и произвола взрослого? Единственный выход — уйти. Работники милиции несколько раз находили Женю ночью в подвалах и на чердаках и приводили домой. Таким образом Женя Орлов был зачислен в список детской комнаты милиции как трудновоспитуемый ребенок.

В конце 1968 года Орловы сменили адрес. Свою квартиру и комнату бабушки они обменяли на трехкомнатную квартиру (улица Куусинена, дом 15) и поселились все вместе. Теперь Женя учился в пятом классе школы № 721. А Лену родители водили в первый класс английской школы.

Пожалуй, 1969 год мальчик запомнит как самый тяжелый год в своей биографии. Жене в новой квартире стало еще труднее. Участились стычки и ссоры. Оно и понятно, ведь на помощь Юрию Ивановичу пришла теща. В семье возникла идея отступиться от Жени. Как заявил Юрий Иванович, они постановили расторгнуть усыновление. Даже наняли юриста, но им отказали, объяснив, что нет разницы между родными и неродными детьми. Тогда глава семьи решает упрятать мальчика в специальную школу или детскую колонию. Пятидесятилетний мужчина богатырского сложения, в прошлом самбист, вступает в неравную борьбу с тринадцатилетним хилым Женей. Он чернит и обливает грязью Женю на каждом перекрестке, пытаясь представить его уголовным преступником. Показывает людям составленный им циничный дневник жизни мальчика, в котором все сведения разбиты по графам: дата ухода, прихода, количество дней отсутствия и т. д.

А каково мнение о Жене в школе? Вот что сказала преподавательница Р. В. Малиновская: «Женя—честный, вежливый и душевный мальчик. Сейчас он учится в шестом классе. У него хорошие музыкальные задатки. Он недавно стал посещать занятия нашего струнного оркестра и быстро освоил балалайку. В школьном спектакле мальчик с большим успехом сыграл роль Зайца. Он увлекается лыжами и хоккеем. Но в учебе Женя отстал, потому что часто убегает из дома и пропускает уроки».

Тут хочется упрекнуть коллектив школы в том, что он не вмешался активно в судьбу Жени. Преподаватели школы были чрезвычай-

но редкими гостями в квартире Орловых, не знали об истинном положении мальчика в семье. А школа ведь рядом с домом Жени — только дорогу перейти.

Атмосфера в семье Орловых накалилась до предела. Мальчика попрекают куском хлеба. Бабушка то и дело оскорбляет: «Не могу тебя видеть! На свою голову взяли из детского дома! Брезгую мыть твою посуду». Женя опять бежит. В двенадцать часов ночи его задерживает на улице милиция. Вызывают Юрия Ивановича. Он настоял, чтобы Женю поместили в детский приемник. Так мальчик оказался первый раз под охраной. А в это время Галина Васильевна с дочерью отдыхали на лоне природы.

Через месяц Женю вернули домой. Подходил новый учебный год. Мальчик задумал окончательно порвать с домом. Он заработал девять рублей на овощном хранилище и отправился в Ленинград. Ему кто-то сказал, что в Ленинграде в техническое училище принимают с тринадцати лет, а еще мальчик давно вынашивал мечту увидеть «Аврору».

В техническое училище он не попал (в эти заведения принимают с четырнадцати лет) и растерялся. Израсходованы все деньги, что делать? Он разыскал родственников Орловых, пришел к ним. Те немедленно позвонили Юрию Ивановичу.

— Сам за ним не поеду и денег на дорогу не вышлю,— кричал он в трубку,— сдавайте его в детский приемник!

Родственники так и поступили. Через двадцать шесть дней Женю привезли под конвоем и передали в московский приемник. Комиссия по делам несовершеннолетних Фрунзенского райисполкома вынесла решение определить его в интернат. Спустя несколько дней Юрию Ивановичу вручили путевку. Однако взрослые Орловы не помогли мальчику пройти медицинскую комиссию. Ведь Юрий Иванович мечтал поместить Женю не в интернат.

Когда Женя сказал Юрию Ивановичу, что боится докторов, особенно зубного, и попросил сходить с ним в поликлинику, тот грубо отрезал: «Не маленький, сам дорогу найдешь». Мальчик так и не обошел всех врачей. Путевка через некоторое время потеряла свою силу, и Женя остался вне интерната.

Семейство Орловых разрабатывало план последней атаки на Женю. В один из октябрьских дней в квартире разразился дикий скандал. Женю били за то, что он якобы стащил из бабкиного кошелька пятнадцать рублей. Мальчик вырвался на свободу и подался ночевать на аэровокзал. Его задержали, отправили в милицию. Там уговорили вернуться домой. Но на следующий день Юрий Иванович еще раз водворил Женю в детский приемник.

И снова собирается детская комиссия по делам несовершеннолетних. Женя появляется в коридоре райисполкома под конвоем. На заседании Юрий Иванович сотрясает воздух различными громкими эпитетами, характеризуя Женю как отпетого преступника. Ни одного хорошего слова, только грязь.

Очень обидно и жаль, что некоторые участники заседания поверили этому человеку и не попытались подробно вникнуть в трагедию подростка, выяснить причину его протеста. И среди них, к сожалению, директор школы № 721 З. С. Сиренко и начальник детской комнаты 109-го отделения милиции М. А. Галкина. Видимо, здесь сыграла роль респектабельная внешность Орлова и его умение красиво говорить.

Комиссия на сей раз заключает: пусть Женя живет дома, но случись еще один побег — поместить его в специальную школу.

Над мальчиком нависли черные тучи. Будьте уверены, уж Орловы постараются, чтоб мальчик сбежал. И Женя бежит 5 ноября, перед самым праздником.

У подъезда соседнего дома дежурила милицейская машина. Юрий Иванович вместе с работником милиции искал Женю, чтобы арестовать, но не обнаружил его.

Одна пожилая женщина сокрушалась: «Если Женю отправят в колонию, пропадет мальчонка».

Общественность дома стеной стала за Женю. Секретарь партбюро, начальник ЖЭК-15 и заведующая детской комнатой ЖЭКа по работе с подростками направляют письмо в райисполком с просьбой пересмотреть решение о Жене.

Некоторые могут спросить: а где была общественность раньше? Справедливый вопрос. Но напомним, что Орловы живут в этом доме всего год. И, естественно, представителям общественности потребовалось какое-то время, чтобы разобраться в трагедии мальчика.

На помощь Жене пришли замечательные, душевные люди: И. Т. Петров, К. З. Матросова, П. А. Лыжов, К. А. Бурыкина, В. И. Козырский, К. Р. Барок и многие другие.

Назначается товарищеский суд, на котором держит ответ Юрий Иванович. Два вечера слушается дело о судьбе Жени. Люди в зале нервничают, они потрясены услышанным. Орлов всячески изворачивается, лжет, зачастую его ответы носят такой циничный отпечаток, что вызывают бурное негодование. Приведем несколько примеров.

Вопрос. Вы били мальчика палкой?

Ответ. Я бил его не палкой, а доской шириной в восемь сантиметров и толщиной в один. Когда доска сломалась и я бросился за ремнем, Женя удрал и пустился в загул.

Вопрос. Почему Женя днем не обедает дома?

Ответ. Он никогда не просит есть.

Вопрос. После медицинского обследования вам сказали, чем болен Женя?

Ответ. Нет. Не позволила врачебная этика.

Вопрос. Вы отмечали дни рождения Жени?

Ответ. Да, но никогда не приглашали его товарищей.

Суд и присутствующие полностью раскрыли всю неприглядную картину жизни мальчика. Непонятным и странным на суде было только выступление представителя комиссии по делам несовершеннолетних Фрунзенского райисполкома А. С. Савиной.

— Орлов устал, издерган и не может разобраться, что ему делать,— говорила она. А. С. Савина взывала пожалеть не Женю, а Юрия Ивановича.

Товарищеский суд вынес такое определение: объявить общественный выговор Ю. И. Орлову, помочь установить нормальные взаимоотношения в его семье. Копия решения направлена на московский машиностроительный завод, где Ю. И. Орлов работает начальником бригады конструкторского отдела.

После суда Женя вернулся домой. Как стало известно, Юрий Иванович опять сел на своего антипедагогического конька. Готовясь к войне против представителей общественности, он все разговоры о товарищеском суде ведет в присутствии Жени. Более того, в эту тяжбу он пытался подключить мальчика, внушая ему, чтобы он написал жалобу на некоторых лиц.

И вот самая последняя новость: Женя поссорился с Юрием Ивановичем и ушел, оставив записку: «Больше не хочу вас беспокоить и мешать вам жить. Я давно знаю, что я вам не родной».

Хватит, Юрий Иванович Орлов, издеваться над мальчиком. Женя вам не кукла. Если вы заметили, мы ни разу в настоящей корреспонденции не воспользовались словами: «отец», «мать», «родители», «сын». Это было сделано сознательно, потому что Евгений для вас не сын. А вы для него не родители, хотя мальчишка в младенческом возрасте впервые произнес слова «мама» и «папа», обращаясь к вам.

Когда вы брали мальчика, вас спрашивали, все ли вы взвесили, сумеете ли заменить ему родителей. Вы твердили: «Женя для нас — все». Наше государство очень щепетильно в вопросах усыновления, но оно пошло вам навстречу и отдало в ваши руки подрастающего гражданина нашей страны. И вот спустя одиннадцать лет вы держите ответ за Женю.

От имени многих тысяч взрослых, которые взяли на воспитание ребят и заменили им настоящих родителей, мы говорим: вы уронили свою гражданскую честь, исковеркав жизнь мальчику.

Мы полагаем, органы опеки должны определить Евгения в интернат. А Орлова Юрия Ивановича и Орлову Галину Васильевну лишить родительских прав с выплатой алиментов до совершеннолетия Евгения.

Просим прокуратуру СССР считать эту корреспонденцию заявлением для принятия надлежащих мер.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Скоропостижно, на 61-м году жизни скончался Евгений Семенович Мозольков, известный критик, литературовед и переводчик, неутомимый труженик нашей многонациональной советской литературы, отдавший ей весь свой талант, знания и многолетний опыт.

Е. С. Мозольков родился 30 сентября 1909 года в Кричеве, Могилевской области, где и провел нелегкое детство.

Начав свою литературную деятельность в 1924 году как поэт, Е. Мозольков с годами отдавал все больше времени и сил ознакомлению всесоюзного читателя с лучшими образцами художественного творчества народов СССР. Он принял активное участие в создании по инициативе М. Горького книги «Творчество народов СССР».

На всю жизнь связал себя Е. Мозольков с белорусской литературой и стал ее страстным пропагандистом. Широко известны его книги: «Янка Купала. Жизнь и творчество» (удостоенная в 1950 году Государственной премии), "Якуб Колас. Критико-биографический очерк», «Поющая земля». Его статьи о М. Богдановиче и К. Черном, П. Бровке и М. Танке, А. Кулешове и И. Науменко и другие написаны рукою талантливого исследователя, художника и гражданина. Недаром основоположник белорусской советской литературы Я. Купала называл Евгения Мозолькова своим старым и верным другом, а другой богатырь, Якуб Колас, благодарно писал ему: «Я многим обязан Вам, дорогой Евгений».

За работу в области переводов и пропаганды белорусской советской литературы Е. Мозольков награжден пятью Почетными грамотами и двумя грамотами Президиума Верховного Совета БССР, а в декабре 1968 года ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры Белорусской ССР.

Он также был редактором русского перевода калмыцкого эпоса «Джангар» и одного из первых изданий на русском языке киргизского эпоса «Манас».

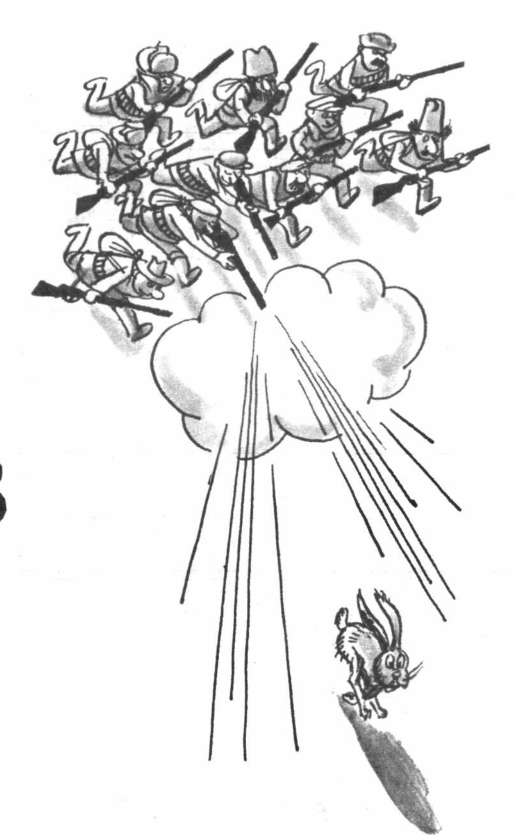
За тридцать с лишним лет вышло более ста книг белорусских и украинских писателей на русском языке, в издании которых Е. С. Мозольков участвовал как переводчик, составитель, редактор, автор вступительных статей.

Ушел от нас писатель большого и разностороннего дарования, обаятельный, скромный и мудрый друг и советчик.

Память о нем мы сохраним навсегда.

С. БАРУЗДИН, Н. ТИХОНОВ, К. ВОРОНКОВ, Г. МАРКОВ, П. БРОВКА, М. ТАНК, С. МИХАЛКОВ, Л. СОБОЛЕВ, С. С. СМИРНОВ, А. СОФРОНОВ, А. ОВЧАРЕНКО, В. ПИМЕНОВ, А. ПУЗИКОВ, В. КАРПОВА, С. КИРЬЯНОВ, С. ЕВГЕНОВ, В. ИЛЬИН, М. ГОРБАЧЕВ, Б. ТУРГАНОВ, И. КАРАБУТЕНКО, Д. КОВАЛЕВ.

ОДИН ЗАЯЦ, ДЕСЯТЬ ОХОТНИКОВ И ЛЕСНОЕ ЧУДО

Борис КАЛУГИН, охотник

Однажды в декабре мне довелось встретить знакомого охотника, который жил и работал в совхозе «Фомино», что на 271-м километре по Варшавскому шоссе за городом Юхнов. Звали его Николай Анисимович. В разговоре со мной он посетовал на то, что его друзья, московские охотники-волчатники, забыли дорогу в здешние места, а у них как раз бродит стая волков. На зверей были облавы местными охотниками, да безрезультатно. Что только не делали его сотоварищи по охоте: клали приваду (выбракованную лошадь), пытались делать ее и с отравой, но все впустую, да и флажков для оклада у них было маловато. В лесу находили места кормежки волков, и обычно это были остатки обглоданного лося.

Я обнадежил Николая Анисимовича, что как только соберу желающих, то мигом прикатим. Так и получилось. Пятеро москвичей-охотников, из них двое волчатников, вскоре приехали в Фомино. Снегу было очень много, и, несмотря на то, что в нашем распоряжении был «газик», называемый в просторечии «козлом», курсировать на нем можно было только по шоссе.

Охота на волков требует строжайшей самодисциплины, большой выносливости, чего в нашей команде, к сожалению, не наблюдалось. Еще и еще раз подтверждалась истина: на охоту выбирай товарищей разборчиво.

В первый же день были обнаружены следы пяти волков, и, как показала проверка, звери были на Шанинских болотах, что в двенадцати километрах от шоссе.

Да, надо отметить, что из числа наших пятерых охотников трое впервые участвовали в такой «операции» и, неопытные в этом деле, явились только обузой. Непривычные к тяжело нагруженным рюкзакам с флажками, потерши ноги и без лыж, они вконец измотались. Короче говоря, пришлось нам всем ни с чем вернуться в Фомино.

Охотничий пыл на волков окончательно угас, и через два дня решено было пойти по зайчишкам и тетеревам. Наш хозяин квартиры с гончей собакой и Николай Анисимович, тоже с собакой, всего семь человек (впоследствии присоединились еще три охотника с собаками), стали вытаптывать зайца, и вскоре верные четвероногие помощники, разноголосым хором подняв беляка, погнали его. Но сколько ни подстанавливались охотники под гон собак, зайца убить не удавалось. Попал, по-видимому, опытный беляк, не раз уходивший от беды. Обычно беляк кружит в лесу, а этот вел себя как заправский русак, выбирал и поля, и поляны, и дороги, петлял из одного перелеска в другой. Заяц все сбивал собак со следа, все уходил от выстрела охотников, а было их, как я упомянул, ни много ни мало десять человек.

Вот в этот день, во время гона, и случилась со мной история, которую я записал в своем дневнике, а теперь отдаю на суд читателей.

Естественно желание каждого охотника — найти такое место во время гона, где единственно возможно пробежать зайцу. И вот, ища такое место, неоднократно перебегая, я очутился на болотистой почве с высокой осокой и кое-где редким, а местами частым кустарником. И тут увидел стоящего в двадцати шагах от меня лося. Это была самка. Я встал как вкопанный и, придав голосу самые нежные ноты, позвал:

— Лосинька, хорошая ты моя, красавица, милая, не бойся, я не выстрелю, я никогда не подниму на тебя руку...

И странно: смотрит на меня лосинька своими умными глазами и не уходит, а только иногда поворачивает голову, поднимая то одно, то другое ухо, прислушиваясь к моим словам и к голосам собак. Проходили минуты, я стоял как зачарованный и громко, чтобы слышала лосиха, бессвязно твердил ласковые слова.

Невольным свидетелем моих излияний был один охотник, стоявший шагах в сорока от меня, впоследствии выразивший сожаление, что нельзя было использовать такой редкий случай: в этом месте, где стояла лосиха, кустарник был редкий, она вся была на виду. Но вот к ней из более густого кустарника вдруг вышли два рогатых лося. Один был молодой. А потом все трое медленно направились в болото. Я снял шапку, поклонился им и пожелал счастья. Будет ли оно у них, когда рядом живут пять отъявленных лесных хищников, шагающих по пятам этих королевских животных, кто знает. Не огласится ли завтра лес предсмертным их стоном?..

Как я убедился, именно во время моего разговора с лосихой заяц пробежал от меня всего в десяти шагах. А я-то и не заметил!..

Никому не удалось подстрелить его, а собаки догнали и разорвали. Так десять охотников вернулись пустыми.

А выслеживать волков было некому.

Правда, у моего товарища Сергея, как и у меня, было желание продолжать поиски. Но что могут сделать два человека без лыж, с большим грузом флажков?

Наш «газик» был в полном порядке и, нагруженный флажками, рюкзаками и пятью незадачливыми охотниками, «взял курс» на Москву.

Сдав командировочные удостоверения и флажки Московскому обществу охотников и сообщив о наличии пяти волков в районе совхоза «Фомино», мы решили отпраздновать возвращение с охоты у одного товарища из нашей команды. И что же оказалось: у каждого из троих новичков было по зайцу не первой свежести, купленному ими у местных охотников.

А что касается волков, то вторичная бригада, выехавшая под начальством одного подполковника в отставке, успешно закончила их истребление. И как я был этому рад, вспоминая лосиньку.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Опера Ю. А. Шапорина. 8. Созвездие южного полушария неба. 9. Лепное украшение на потолке. 12. Млекопитающее семейства оленей. 14. Ответная реакция организма. 16. Рулевое колесо. 17. Город в Краснодарском крае. 18. Искусство подготовки и ведения боя. 21. Пристройка к зданию. 24. Приток Днепра. 26. Ярко-красная краска. 27. Оптическое стекло. 28. Порт в Марокко.

По вертикали: 1. Балет П. И. Чайковского. 2. Массовое народное гулянье. 3. Вид изобразительного искусства. 4. Известковый нарост на своде пещеры. 6. Областной центр в Казахстане. 7. Мороженое. 10. Искусство танца. 11. Автор картины «Девятый вал». 13. Дерево, или кустарник среднеазиатских пустынь. 15. Ритмическая единица стихотворной речи. 16. Стержень для неподвижного соединения двух деталей машин. 19. Виртуозная музыкальная пьеса. 20. Судно, имеющее два корпуса. 22. Курорт в Ставропольском крае. 23. Ряд клавиш в пишущей машинке. 24. Птица отряда воробьиных. 25. Сборник литературных произведений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

По горизонтали: 7. Каватина. 8. Угольник. 10. «Катерина». 12. Мухина. 13. Бирюза. 14. Лето. 15. Белуха. 17. Ворона. 19. «Отелло». 21. Казань. 23. Жако. 25. Лесков. 27. Эпилог. 28. Аргумент. 29. Скорпион. 30. «Телескоп».

По вертикали: 1. Бричка. 2. Баобаб. 3. Хартум. 4. Пастила. 5. Суриков. 6. Фирюза. 9. Кинематика. 11. Гренландия. 16. Холл. 18. Охра. 20. Ожогина. 21. Козетта. 22. Веялка. 24. Бостон. 26. Ваниль. 27. Эталон.

На первой странице обложки: Фото М. Барабанова.

На последней странице обложки: Мастер сборочного участка гусевского завода светотехнической арматуры Г. Ю. Писанко и сборщица цеха прожекторов Елизавета Гордиенко.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

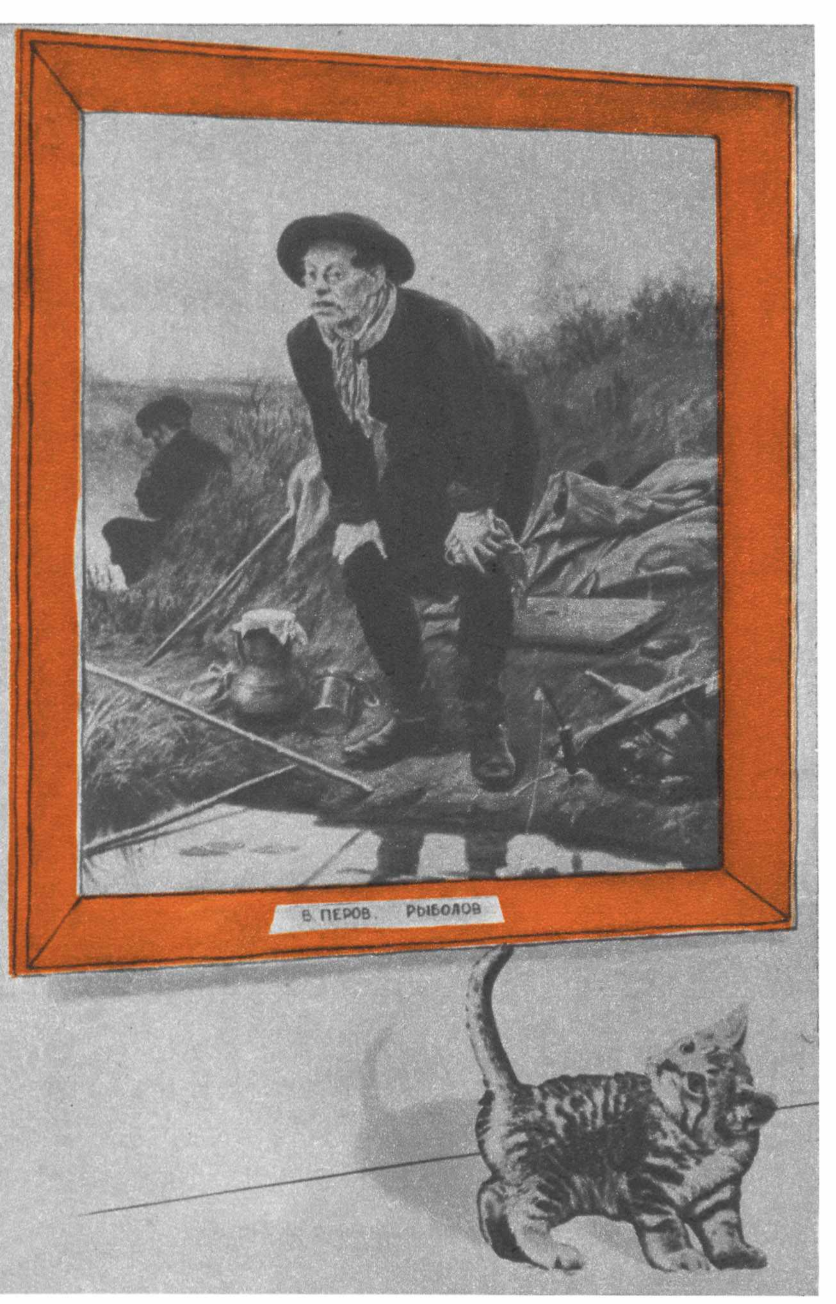
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

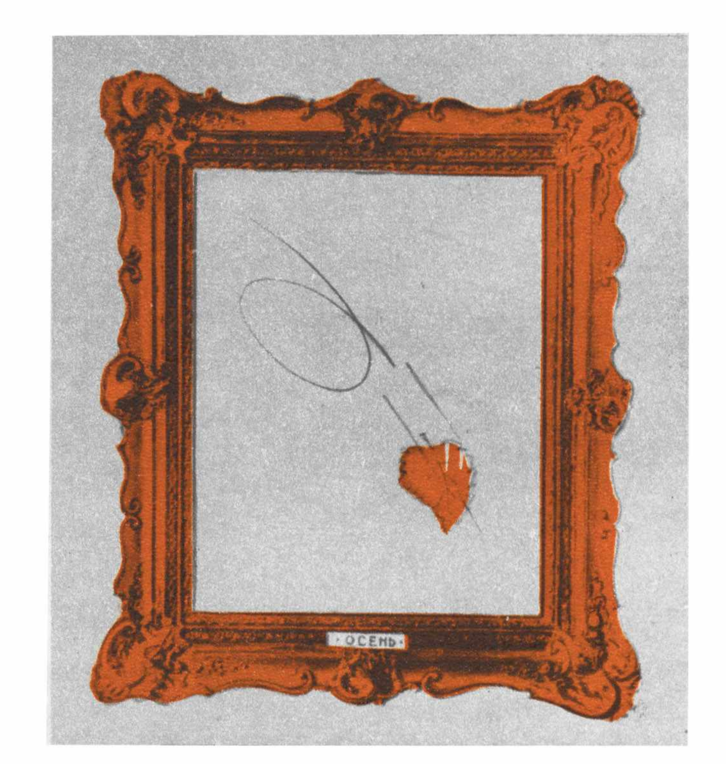
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

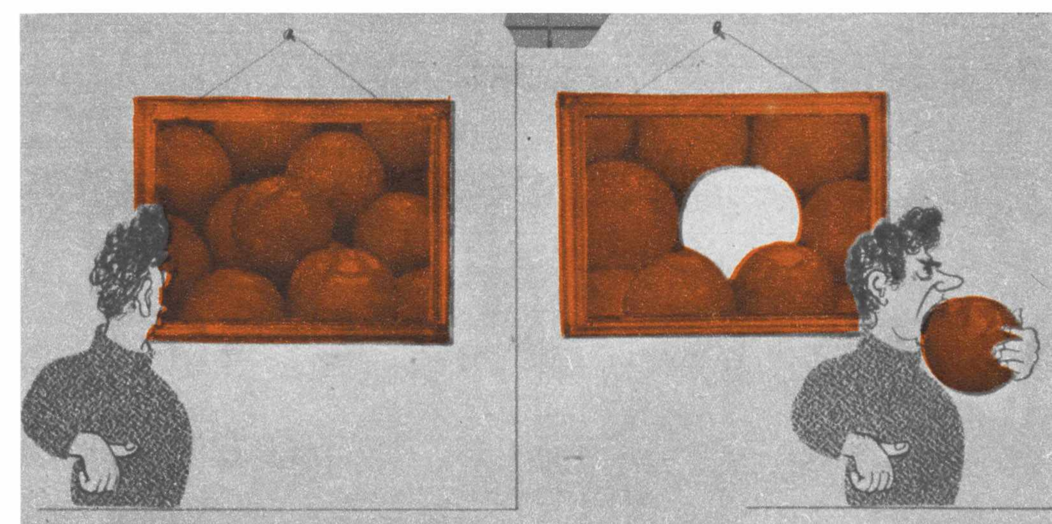
А 00248. Сдано в набор 2/XII-69 г. Подп. в печ. 16/XII-69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2314. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 3240.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ждут.

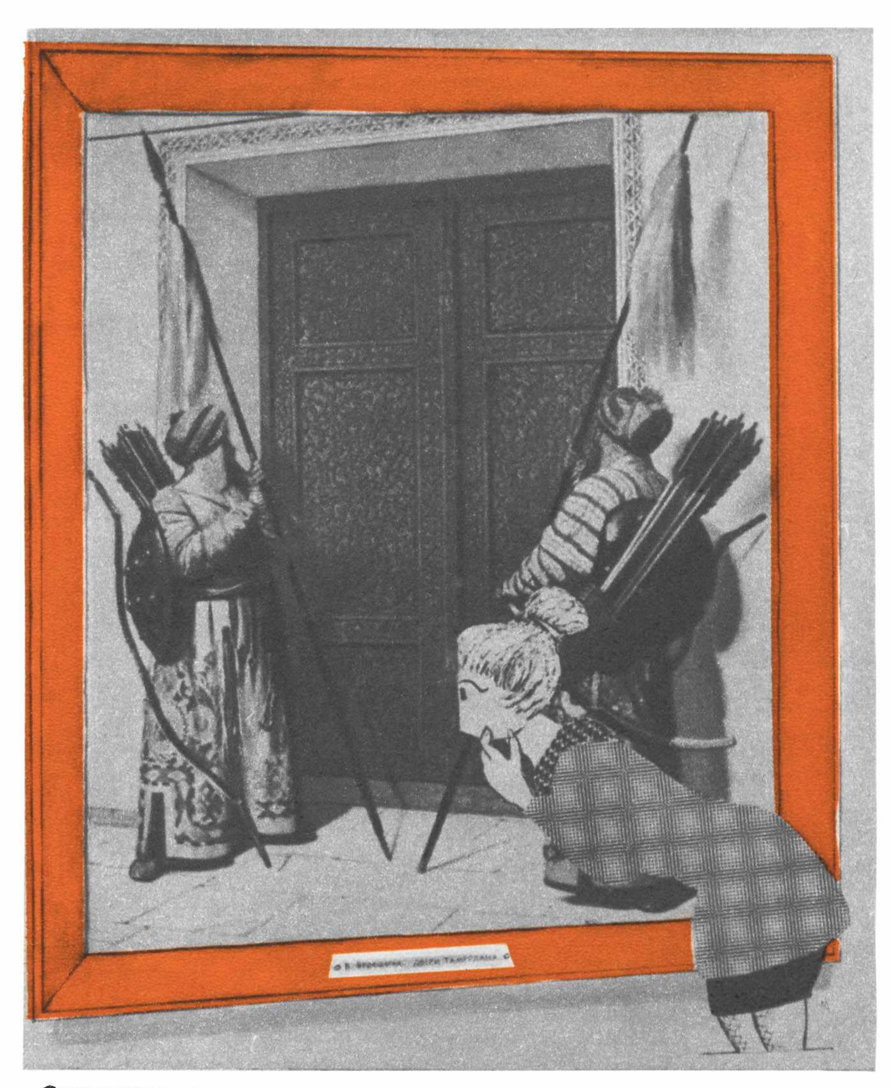

Веселый вернисаж

Рисунки Н. ЕЛИНСОНА.

Сила привычки.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.